

№ 2
2010

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ**
(г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА**
(г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ**
(г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

Н. Дубовицкий. «Здесь совсем не так шумят берёзы...». Стихи 3
Т. Гарипов. Кирпичики (продолжение цикла) 47
А. Байковская. «Я с улыбкою встречу зарю...». Стихи 69
Поэтическая мозаика. Стихи С. Смагулова, Г. Матросова 105

Проза

Л. Костевич. Все совпадения случайны.
Роман о лицах (продолжение) 9
Г. Вишнякова. Почему я выбрала папу. Маленькая повесть 52

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 73

К 65-летию Великой Победы

С. Жагипаров. Память сердца; Берлин идёт на Берлин **110**

Культура. Общество. Личность

В. Бойко. Сюжеты и портреты. Записки неопределённого жанра.

Главы из книги (продолжение) **119**

Публицистика

С. Горбунов. Соль земли **147**

В семейном кругу

В. Литвинов. Атоскина тоска. Зарисовки с натуры **150**

Искусство

Д. Бекова. Ахат идёт своей дорогой **166**

Из почты «Нивы»

С. Назарова. Исповедь **169**

Приключения. Детектив. Фантастика

В. Третьяков. Туча. Повесть (окончание) **172**

Сатира и юмор

И. Криштул. Если хочешь быть счастливым...;

«Одноклассники.ру» и Лепёшкин. Юморески **188**

Изоальбом «Нивы»: из работ Ахмета Ахата. На первой странице обложки — гобелен «Всадник и божество»; на четвёртой — А. Мамедов. Портрет А. Ахата.

Николай ДУБОВИЦКИЙ

“Здесь совсем не так шумят берёзы...”

Неотправленное письмо

Нет со мной советской авторучки,
неопубликованных стихов,
и тех дней последних, до полудня,
и ночных часов до петухов.

Мне ещё бы русского застолья! —
Это когда разом говорят
о вождях, о ценах и здоровье,
о репрессиях, о тряпках всё подряд.

Не забыть мне глаз моей любимой,
наших русских, нам присущих бед,
и в судьбе моей неотвратимой
гороскопом признанных примет.

Здесь есть всё, о чём душа мечтает...
Вроде тот же лес и те поля,
как у нас, здесь ива зацветает
и темнеет по весне земля.

Так же бродят старики у речки
и сидят старушки у пруда,
так же в русской церкви ставят свечи
бывшие в России господа.

**Николай
Андреевич
ДУБОВИЦКИЙ**

жил и работал в Казахстане. Учился в Карагандинском медицинском институте, одновременно работал в больнице, прошёл путь от санитаря до субординатора клиники, но в 1958 году в период гонений на верующих студентов был исключён с пятого курса института. Работал в геологических экспедициях и в бригаде строителей, где все рабочие были бывшие заключённые, осуждённые по 58-й статье и пережившие лагеря и тюрьмы.

После восстановления в институте и окончания учёбы работал терапевтом, фтизиатром, рентгенологом, заведовал врачебным кабинетом и отделениями. Во время эпидемии туберкулёза в Казахстане был главным врачом противотуберкулёзного диспансера в г. Щучинске Кокчетавской области. Занимался краеведением, журналистикой, участвовал в создании местного музея. Затем переехал на постоянное место жительства в Германию.

Автор книг стихов “Далёкие дали Сары-Арки”, “Сломанная ветка”, “У чужого огня”, “Ласточки летят”, публикаций в ежемесячном журнале Союза русских писателей Германии “Литературный европеец”.

В “Ниве” выступает впервые.

Разбросала их судьба по свету
от родных погостов вдалеке...
Всё как дома, но щебечут дети
только на немецком языке.

Помню

*“Вспоминаешь ли наши леса, озёра, наши дачи,
на которых мы все трудились...”*

Из письма

Нет, не забыл я приволья
Наших бескрайних степей,
Нашу работу, застолья,
Лица ушедших друзей.

Помню зелёную ниву,
Горы, тропинки в леса.
Наших соседей счастливых
Чудятся мне голоса.

Вижу знакомую рощу,
Хитросплетенье оград,
Дачи, домишки попроще,
Школьный заброшенный сад.

Снятся лесные просторы,
Чистых полей малахит,
Наши надежды и споры...
Сердце ночами болит.

Я всё надеюсь на встречу,
Этой мечтою живу...
Праздничный, с вальсами вечер
Вижу почти наяву.

Здесь совсем не так шумят берёзы,
нет в помине наших ковылей,
не такие ветры, по-другому грозы
посреди ухоженных полей.

Словно в сказке громоздятся замки,
в них потомки рыцарей живут,
хлебом все засеяли полянки,
по-крестьянски пашут, сеют, жнут.

А на фашинг, примеряя платье,
королевский праздничный наряд,
говорят они: “Все люди — братья!”,
только о приятном говорят.

Кони, выгнув шеи, пляшут кони,
в такт подковы об асфальт стучат,
дети тянут к ним свои ладони,
что-то своё детское кричат.

В серебре и золоте кареты,
следом на колёсах корабли,
менестрели, клоуны, поэты,
виноградари всей гессенской земли.

Не скупятся, льют вино в стаканы,
вразнобой мелодии звучат,
пляски, песни, трубы, барабаны,
маски мне весёлое кричат.

Щедро сыплют сласти мушкетёры,
дамы шлют улыбки всем подряд...
на балконе мэр и репортёры
только о хорошем говорят.

Я стою в толпе разноязычной
и смотрю на всё со стороны,
в этой обстановке непривычной
представитель гибнущей страны.

И совсем не чувствую веселья,
веселясь на празднике чужом,
посреди подпитых и с похмелья
думаю о чём-то о своём.

Заветная мечта

Хрустальная вода журчит в Каркаралинке,
Глоток воды испить — заветная мечта,
Там солнцу радуется каждая былинка...
Сары-Арка — степная красота!

Когда-нибудь вернусь на родину, я знаю...
Знакомыми тропинками на горы поднимусь
И надписи старинные на скалах прочитаю,
И с прошлой жизнью обнимусь.

Но это всё мечты. На самом деле
Нет никого, с кем много лет дружил,
И школы нет — мне говорят: сгорела,
Усадьбы нет, где я когда-то жил.

Ночь за окном... Как будто бы светает.
Весь город спит. Покой и тишина.
Здесь всё для жизни есть, о чём душа мечтает...
Богатая культурная страна.

Не странно ли, когда глаза закрою,
Во сне на крыльях в прошлое лечу,
И часто там весеннею порою
В окно знакомое стучу...

У ручья

К той заветной долине нехоженный путь,
мне забыться бы там одному и заснуть,
на просохшей от тёплого ветра траве
дать покой беспокойной седой голове.

Лишь бездонного неба простор надо мной,
где-то трель жаворонка звенит с высоты,
упиваясь весенней простой красотой,
я с природою милою снова на "ты".

Мы с тобою, ручей, ведь знакомы давно —
из далёкого детства ко мне ты пришёл,
мне бы в заводь твою посмотреть, как в окно,
и увидеть, что мать накрывает на стол.

Ты мне что-то журчишь, шепчешь тайны траве,
пролетающим стаям тебя не видать,
но бесшумно парящей картавой сове
словно хочешь дорогу в ночи указать.

Через топи и дебри с тобою пойду,
меж крутых берегов, чтоб не сбиться с пути,
может, в устье твоём я ответы найду,
что в истоках пытался когда-то найти.

Жизни нить

Гаснет день. Пустеет автобан.
Город до рассвета затихает,
ждёт гостей из самых дальних стран,
день и ночь встречает, провожает.

Сумрачный закат в моём окне.
Постепенно замолкают птицы.
Может, постучится кто ко мне
иль письмо пересечёт границы...

Тишина. Мне некого встречать,
я один в квартире до рассвета.
Для кого стихи пишу опять?
Письма остаются без ответа...

"Здравствуй, Щучинск, здравствуй, город мой,
и не забытое бывшее,
сколько лет не виделись с тобой!
Здравствуй, "Окжетпес" и Боровое —

казахстанский каменный Парнас,
памятна мне каждая вершина,
Голубой залив и “Жумбактас”,
и стоянка славного акына,
сказочный озёрный окоём,
синие безбрежные просторы,
где бывал с друзьями, и вдвоём
уходили в лес, поля и горы...”
В прошлом всё. Прервалась жизни нить.
Многих нет. Промчались наши годы.
В чужеземной дали не забыть
Боровое — памятник природы.

Отчизна моя

Самолёты взлетают, ложатся на курс,
а под ними леса, и поля, и барханы,
и несут постоянно нелёгкий свой груз
за моря-океаны, в далёкие страны.

Перелётные птицы им машут крылом,
вожаки впереди, чтоб с маршрута не сбиться,
молодых обучают в полёте — потом
будет легче домой по весне возвратиться.

Самолёты летают в любые края,
день и ночь неустанно гудят их моторы,
и туда, на восток, где отчизна моя,
где над гладью озёрной вздымаются горы.

Я от них навсегда далеко-далеко,
чистый воздух степей мне во сне только снится,
звезда знакомый узор от меня высоко,
и закрылась надолго земная граница.

Я, как птица, весной на крыло поднимусь
и по звёздам найду путь к родимому краю,
там, где бледный рассвет — там великая Русь,
над крыльцом дорогим хоть во сне полетаю.

Моё окно

Буря мглою небо кроет...

А. С. Пушкин

Что-то движется из мрака,
наполняет сердце страх,
как бездомная собака
на семи живу ветрах.

Ветер воет, листья вьются
и стучат в моё окно,
за стеной поют, смеются,
там отплакали давно.

И уносит ветер в дали,
где рассвета тишина,
моё горе и печали,
знаю, в чём моя вина.

Я прощения у Бога
много раз уже просил,
на душе моей тревога,
с каждым годом меньше сил.

С каждым годом меньше счастья
посреди чужих полей,
больше горя и ненастья,
меньше милых и друзей.

Вдалеке синеют дали,
то светлее, то темно...
Утоли мои печали,
постучи в моё окно.

Снегопад

Снегопад за окном в этом сказочном мире,
где не знают зимы из полуночных стран,
и сплошной пеленой, как в далёкой Сибири,
заметает следы настоящий буран.

И нежданный мороз заморозил все лужи,
я бреду по дорожке, с опаской скользя,
и почти, как у нас, к ночи буйствуют стужи,
где остались все близкие мне и друзья.

Почему холоднее в тропических странах?
Разве тёплый Гольфстрим изменил берега?
И не стало тепла на прекрасных Канарах,
говорят, на Майорке сегодня снега!

Кто поделит тепло для людей справедливо
на земле, где рождается первый мороз?
В той огромной стране, всему миру на диво,
где решён окончательно “русский вопрос”.

Как помочь нашим внукам, и сёстрам, и братьям?
Что пожертвовать нынче миру бед и невзгод?
Мы готовы открыть всем несчастным объятья
и пойти бескорыстно, как предки, “в народ”!

Но немного таких, кто способен на это,
и за нас всё решает небесный Отец.
Мы не в силах делить воздух, небо и лето,
отдадим же тепло наших душ и сердец!

Леон КОСТЕВИЧ

Все совпадения случайны

Роман о лицах

(Продолжение. Начало в № 1 за 2010 год)

Женя торопил подчинённых: к вечеру Мамкин хотел посмотреть очередные сценарии.

— Ирина! — окликнул он Снесову, — пожалуйста, поскорее.

— Я не пулемёт, — отозвалась Снесова, тоном показывая, что только несправедливая судьбина вынуждает её подчиняться этому человеку, не известно за какие заслуги поставленному начальником над ней, глубоко одарённой журналисткой.

— Будет готово, распечатай на принтере.

Женя принципиально правил её сказания не на компьютере, а по писаному, чтобы красотка видела великое число собственных ошибок и ляпов. Обычно он сам придавал окончательный вид текстам всех “писателей” отдела, но ему надоело переписывать Снесову почти полностью.

Сев к монитору, Табашников собрался дописывать свой сценарий про сборную России по футболу. Идея состояла в том, чтобы во время тренировки в Лужниках подменить главному тренеру сборной всех игроков двойниками. Женя решил усложнить задачу: каждому двойнику объявят — подменили только его, а все остальные футболисты настоящие. Сценарий ещё не был готов, но всех дублёров уже нашли и тренировали каждого отдельно, дабы их непрофессионализм, собранный в кучу, не сильно резал тренеру глаз. Любопытно будет посмотреть на выражение его лица, когда он увидит своих орлов в такой форме накануне чемпионата страны. Это не театр, на поле не скажешь — футболист ищет. Мамкин потирал руки, предвкушая очередную сенсацию. Чтобы информация не утекала за пределы “Лиры”, Костя даже придумал брать с сотрудников сценарного отдела подписку о неразглашении.

Стуча по клавиатуре, Табашников слышал, как Снесова спрашивала кого-то: “А как это сказать, когда я хочу написать, что он должен?..”. Его выводило это звучавшее из уст некоторых журналистов “а как это сказать?”. Если не умеешь формулировать собственные мысли, какого лешего делаешь здесь? О каком полёте фантазии тогда может идти речь?

Наконец еле слышно закрипел принтер. Снесова протянула Табашникову несколько страниц.

— Снесла? — не отрываясь от монитора, спросил он. Услышав сдержанный смех отдела, исправился: — Прости, пожалуйста. Принесла, я хотел спросить.

Снесова не отреагировала. Отойдя от стола, послала полный горечи взгляд единственному близкому ей здесь существу, переводчице с английского Дине Быкаевой. В отделе обеих не любили одинаково сильно. Знание языка Быкаева несла так, будто не по-чужеземному говорить умела, а как минимум могла видеть сквозь стены. Вот они, плоды паршивой советской системы изучения иностранных языков, думал Табашников, — на любого, кто худо-бедно в состоянии объясниться по-иноземному, у нас до сих пор смотрят как на изобретателя машины времени. Хотя, и Табашников знал это по себе, тут не требуется никакого таланта — голимое упорство.

Говорят, стресс она снимала так: звонила по объявлениям в газете и собачилась с продающими-покупающими. Особенно ей легчало, когда удавалось вывести из себя интеллигентных людей, желающих приобрести собрание сочинений Фолкнера или Джойса. Со Снесовой они ладили.

В ящике стола Дина всегда держала колоду карт: унаследовав от бабки дар гадания, компенсировала им недостаток любви коллектива.

Щёлкнув кнопкой шариковой ручки, Женя начал читать снесовскую галиматью. Не вынося издевательства над русским языком, поминутно морщился. Ручка клевала буквы, как голодная курица крошки. Обычно Табашников возвращал Снесовой тексты без комментариев, но теперь не сдержался:

— Ирина, ну как же так можно? Посмотри, что ты пишешь: “в этой связи”, “под патронажем правительства Москвы”.

— А что не так? — Снесова с вызовом взметнулась из-за стола: замечания начальника отдела неизменно трактовались ею как придирки.

— Всё не так, Ира, всё. Патронаж — это система медицинского обслуживания больных на дому, отсюда пошло “патронажная сестра”. То, о чём ты хотела сказать, это патронат. Форма покровительства такая существовала в Древнем Риме, когда одни от других зависели. Это совершенно разные вещи. А того, кто придумал говорить “в этой связи”, я бы вообще выпорол публично.

Снесова упёрла руки в бока:

— Знаешь, Женя, если ты такой грамотный, шёл бы в газету корректором работать. А я — тележурналист, моя задача — грамотно выстраивать телевизионный материал. К твоему сведению, меня недавно в коридоре Эрнст встретил. Говорит: “Я давно слежу за вами, Ирина, почему вы не идёте работать на ОРТ? Нам такие нужны”.

Табашников просто задохнулся:

— У нас ты пишешь сценарии! Так будь добра, пиши их грамотно, иначе вылетит с канала, как пробка.

— Не ты, Женя, платишь мне деньги, не тебе и решать, оставаться мне на канале или нет.

Против такой холуйской постановки вопроса Табашников возражений не нашёл. Самое печальное — безобразная сцена происходила на глазах у всех. Если бы в отделе не знали, что представляет собой их бойкая сотрудница, Женя почувствовал бы себя униженным.

Его попытался отвлечь Глеб Померанцев — недавно принятый в штат “писатель”, большой знаток русского языка. Полностью разгаданные Глебом кроссворды почти не сходились с ответами, но при этом придаться к ним было невозможно. “Такой человек — словарь Даля наизусть знает!” — восхищалась Глебом Снесова.

“В миру” Померанцева больше знали как хорошего журналиста. Небольшого росточка, моторный, он начинал в журналистике в незапамятные времена, носился по Москве с портативным венгерским “Репортёр-6” на плече, воспринимая чужие беды ближе своих. Померанцева поделом не любили чиновники: многие из-за него повылетали из своих кресел, а двое вообще лишились партбилета. Когда бегать стало не по возрасту, Глеб, благодаря живому уму вкупе с бойким пером, зело преуспел в написании сценариев для телевидения.

— Покурим? — позвал он Женю.

Не куривший Табашников двинулся за Глебом.

— Не бери ты в голову, старик! — посоветовал Померанцев. — Давай лучше по пиву после работы? Вчера полдня журналистов с РТР уговаривал, так и не уговорил. Идропарастаты чёртовы!

Женя облокотился на стену курилки:

— Когда уже все забудут про эту аварию, от которой она давно оправилась, и наш Костя сможет уволить это хамское отродье?

— Я как-то случайно встречал их в ГУМе, — возразил Померанцев, — и папаша, и маман внешне вполне интеллигентные люди.

— Брось, Глеб. Приличная внешность — ещё не интеллигентность.

— А сколько ей лет, часом, не знаешь?

— Точно не помню, но не очень сильно за тридцать.

Померанцев прищурился, что-то подсчитывая:

— Да тут дело не в происхождении, старик! Получается, в конце восьмидесятых — начале девяностых ей было двенадцать-тринадцать.

— Ну и что?

— То есть время формирования личности пришлось на период, когда, помнишь, никому ничего не надо было: в театрах пусто, высшее образование — на фиг, главное — деньги. Мальчики мечтали стать бандитами, девочки проститутками. А когда все прозрели, стало поздно: что выросло, то выросло. Ещё скажи спасибо, что она в проститутки не пошла.

— Может, лучше бы она стала проституткой.

— Злой ты, старик. Там вуз-то хоть есть какой-нибудь за плечами?

— Журфак.

— Журфак — не образование.

Они вернулись в отдел. Подойдя к столу Снесовой, Табашников крепко сжал её запястье:

— Запомни раз и навсегда. Ты — несчастное быдло. Раньше таких, как ты, в приличных домах не пускали дальше передней. Но коль уж так вышло, что я вынужден с тобой общаться, запомни: если ты ещё раз откроешь свой рот в ответ на мои замечания, я съезжу тебе по мордасам прямо здесь.

Не зная, что её начальник ни за что не нарушил бы одного из главных своих принципов — не поднимать руки на женщину, Снесова испуганно вырвала руку.

“Лицевой счёт” продолжал наращивать обороты. Мамкин умело использовал для этого дополнительные средства, начав выпускать майки с двусмысленной надписью: “Ты ещё не нашёл себя?” и электронным адресом сайта программы.

Вдруг стало обретать популярность всё, хоть как-то связанное с лицом человека. Второе дыхание обрела физиогномика. Чувствуя необходимость учитывать антропологические признаки при написании сценариев, Табашников специально остался на запись выпуска с участием очень некрасивой физиогномистки в полосатой кофточке, увлечённо рассказывающей о лбах, челюстях и носах.

— Физиогномика, — вещала “полосатая кофточка”, — это учение о связи облика человека с типом личности, благодаря чему по внешним признакам мы можем установить психологические характеристики индивида.

— Вы хотите сказать, что сколько бы человек ни старался, сколько бы ни самосовершенствовался, он не в состоянии изменить предопределение,

написанное с рождения у него на лице? — подначил ведущий “Лицевого счёта” Игорь Тихонов, обдавая дурнушку своей неотразимой улыбкой.

— Вы сами убедитесь в этом, если примените знание физиогномики к лицам удачливых людей или к лицам лузеров.

— А может, это не потому, что лицо диктует судьбу? Просто каждое сочетание черт лица люди воспринимают определённым образом. В том числе и те, от кого зависит, помочь или не помочь, дать денег или не дать. Внешне симпатичному человеку легче идёшь навстречу, так? Поэтому располагающие к себе люди более удачливы, нерасполагающие — менее, вот и весь секрет. И, к примеру, если какой-нибудь квазимодо сделает пластику лица, то сможет изменить свою судьбу — с новым лицом к нему начнут относиться по-другому. Вы не думали об этом?

Физиогномистка помедлила:

— Нам не известны такие примеры...

— Конечно, ведь пластические операции стоят дорого, а полностью меняют лицо вообще единицы. Я думаю, эта проблема ещё ждёт своего исследователя.

— Вы, наверно, приверженец западной системы физиогномики, — погрозила пальчиком “полосатая кофточка”, — это они считают, что человек сам творит свою судьбу. А на Востоке особое значение придаётся жребия, который нужно принять как неизбежное. Все известные нам факты свидетельствуют в пользу восточных воззрений. Хотя следует различать информацию, которую можно прочесть по костной структуре лиц, от той, что читается по мягким тканям. Костная структура неизменна, она говорит о врождённых качествах, о жизненном предопределении, обусловленном законами астрологии и наследственностью. А мягкие ткани повествуют о развитии или изменении черт характера под влиянием жизненных обстоятельств, о том, каким человек сам себя сделал. Кстати, ещё Аристотель в триста сороковым году до Рождества Христова писал: “Если люди имеют большие лбы, то они медлительны и в движении, если у них широкие лбы, то они легко подвержены безумию, если у них лбы закруглённые или выпуклые, то они вспыльчивы”. Вы не верите Аристотелю?

— Аристотелю я верю...

Физиогномистка взяла со стола чёрно-белую фотографию:

— Смотрите: у Уинстона Черчилля была бульдожья челюсть, и окружающие ощущали в нём цепкость бульдога. Чем не живая иллюстрация того, как черты лица могут раскрыть свойства личности? Или вот Гитлер, — женщина поменяла фото. — В этом лице явно выступают все характеристики зла. — Ведущий еле заметно улыбнулся. — Смотрите, смотрите: кожа на лице натянута слишком туго для нормального человека, что говорит о безжалостном характере диктатора. В то же время лоб между бровями и линией волос низкий, но необыкновенно широкий — это свидетельство ума и бесстрашия. Маленькие площадки между бровями и глазами твёрдые и приподнятые, что указывает на железную волю. Высокая спинка носа, хорошо сбалансированная с высокими скулами — предначертанная ему безграничная власть. Глаза Гитлера выражают неумолимую жестокость.

“Чересчур прямолинейно”, — отметил Жёня.

— Желобок пятидесятилетнего Адольфа Гитлера не виден из-за густых и грубых усов, — продолжала физиогномистка, — но для знатока эта твёрдая верхняя губа отмечает годы триумфа от пятидесяти одного до

пятидесяти шести лет. А челюсти и подбородок бесформенны и не сбалансированы сильными чертами выше носа: в этом можно усмотреть поражение и смерть. Приведённые мною примеры, Игорь, красноречиво свидетельствуют в пользу восточной физиогномики, родиной которой считается Древний Китай. Известен случай с Чень Бо — знаменитым физиогномистом и другом генерала Чжао Гуан-иня. Чень Бо предсказал генералу царскую участь, и менее чем за 10 лет генерал сделался первым императором династии Сун.

— А что вы можете сказать, глядя на моё лицо? — жантильничая, бросил вызов Тихонов.

Жрица физиогномики задумалась:

— У вас лицо трапециевидное. Для него характерен широкий лоб и слегка суженный подбородок. Человек с такой формой лица интеллигентен, тонок, артистичен, и ему не свойствен дух борца. Теперь глаза. Глаза — самый информативный компонент внешности: достаточно только их, чтобы можно было судить о природе характера человека, его прошлом опыте, интеллектуальных возможностях. У вас глаза посажены глубоко — это признак человека высоко духовного. Если при этом они зеленоватого оттенка, как у вас, то это говорит о хорошем уровне знаний.

Ведущий всеми силами старался не показать, как ему приятно. Конечно, думал Табашников, она нарочно ему льстит — кто же после этого станет спорить с представляемой ею наукой?

Видимо, и “полосатая кофта” почувствовала, что перебарщивает:

— Но вот широкие крылья вашего носа — это примета самомнения, а тёмные пятна на носу свидетельствуют о физическом неблагополучии, — подытожила она.

Самовлюблённый Тихонов смутился:

— Это китайцы так говорят?

— Ну, почему же. Представления о том, что лицо может выдать характер человека, не ограничиваются только Востоком или Западом. В Чёрной Африке некоторые вожди скрывали своё лицо от посланцев других племён так, что оставались видны одни глаза. Этим они стремились скрыть свой характер от возможного соперника или противника. То же самое известно и о монархах средневековой Европы...

Недовольный услышанным, Женя в тот же день купил пособие по физиогномике.

Листая взад-вперёд страницы, он увлёкся. Воспользовавшись тем, что Алёна ещё не вернулась, долго изучал себя в зеркале, сверяясь с прочитанным. “Треугольная форма лица, — мурлыкал он, — на Востоке признак высокой одарённости. Но такие люди хитры и неуживчивы, не склонны к привязанности и преданности. Говорят, что среди шпионов и изменников больше всего людей с такой формой лица”. Что за бред! “Люди с большими глазами отличаются богатой эмоциональной жизнью, гибким и острым умом”. Хочется думать, что это правда. “Коричневые или зелёные глаза — признак энергичной натуры, человека действия”. Что-то, признаться, не много совершаю я этих действий... “Раздвоенный кончик носа — робость”. Где логика — то человек действия, то робость?

Не выпуская из рук книги, сценарист откликнулся на телефонный звонок: “Да, Алёнушка... я дома... пораньше, да... хлеб? Сейчас посмотрю... нет, нету хлеба, купи...”. Вернувшись к зеркалу, продолжил “тестирование”:

“Богатое воображение проявляется на лице в том, что ноздри как бы спускаются во всю свою длину по лицу к верхней губе. Такие люди с лёгкостью обучаются и хорошо разбираются в людях”. Ну, не знаю, не знаю. “Если брови от природы загибаются кверху, это указывает на чёрствость, отсутствие здравого смысла, но также и на то, что этот человек может многого добиться”. Спорно, очень спорно. Ну-ка, что у нас там с носом поподробнее? “Страсть к наживе мы можем узнать по дугообразному и глубокому изгибу крыльев носа. Эта же форма характерна для людей, которые в стремлении к своему материальному благополучию используют незаконные средства. Но и у тех, кто действует в соответствии с законом, с таким носом жизнь сводится к приумножению богатств и стремлению к наживе, что выдают крупные и вскрытые ноздри”. Что они там, в издательстве, на корректуре сэкономили, что ли? — раздражённо вслух возмутился Табашников. Закрыв пособие, он резюмировал: — Чего и следовало ожидать: половина ерунды, половина ещё кое-как похожа на правду”.

Быстро обскакав всех конкурентов, “Лира-ТВ” безжалостно изменила расклад на телевизионном рынке. Коллеги стали относиться к Косте с плохо скрываемой завистью. Когда руководителя одного из недавно ещё лидирующих каналов спросили об отношении к неожиданной утере былых позиций, он ответил: “Некоторые бывшие аутсайдеры сегодня апеллируют к низменным инстинктам телеаудитории. Мы сознательно предпочитаем оставаться на вторых ролях, чем идти по их стопам”. Это, конечно, была глупость. Стараясь не отставать, все каналы как могли делали рейтинги на популярной теме.

Мамкин страшно ругался, увидев у одного из конкурентов в прямом эфире разработчиков “Тантамаресок” — Борю Кербиса в компании криминалиста и учёного-антрополога. Правда, по ходу интервью Константин Юрьевич помягчал: в сущности, это оказался чистый, а главное, бесплатный пиар “Лицевого счёта”.

— При разработке компьютерной программы “Тантамарески” нам приходилось учитывать массу аспектов, — вещал программист, наслаждаясь вниманием к своей работе. — Много трудностей было. Ну вот хотя бы то, что лицо почти каждого человека имеет признаки асимметрии: одна бровь немного выше другой, один угол рта более выражен, или, там, различаются особенности контуров бровей. Об этом лучше товарищ криминалист вам расскажет, я не мастак говорить.

— Я бы начал с того, — подхватил криминалист, — что вообще качество фотоснимков оценивается с точки зрения резкости, контрастности изображения, наличия ретуши. Если люди присылают снимок нерезкий или сделанный с нарушением контраста, то детали лица могут быть нечёткими, расплывчатыми. И нам при создании системы приходилось такие вещи учитывать, “Тантамарески” с ними частично справляются. Созданная нами система получилась куда более совершенной, чем живой специалист самого высокого профиля. Например, у криминалистов, принадлежащих к одной расе, сложности всегда вызывает идентификация лиц людей, принадлежащих к другой расе. Если я европеоид, у меня трудности с идентификацией негроидов или монголоидов, понимаете, да? Это обусловлено тем, что нам не известна норма признака внешности. Я знаю случаи, когда китайцы или вьетнамцы этим пользовались и при пересечении

границы показывали работникам нашей пограничной службы чужие паспорта. То же самое проделывали негры и азиаты.

— Позвольте, я объясню, — вклинился учёный-антрополог. — Недавно физиологи Кентского государственного университета доказали, что информация, которую мы визуально получаем, когда смотрим на лицо человека одной расы, воспринимается мозгом как информация, которая позволяет классифицировать человека просто по типу расы — белый или чёрный. Но она не является той информацией, что позволяет нам индивидуализировать человека по типу формы лица или цвета глаз. Это происходит потому, что наш информационный зрительный фокус направлен на восприятие главного, оставляя второстепенное без внимания. А под главным наш мозг воспринимает как раз тип расы. И получается так: определив тип расы по принципу “свой-чужой”, то есть установив, — это не моя раса, мозг дальше как бы отключает распознавательный блок зрительной информации и дальше не воспринимает черты лица людей другой расы. Поэтому, как вы говорите, для негров все белые на одно лицо и наоборот.

— А зачем это нужно нашему мозгу? — удивился криминалист.

— Видите ли, как это ни парадоксально, дело в наших животных особенностях. Ведь если мы смотрим на любых животных, а не только на людей другой расы, то среди них мы также не можем отличить одну особь животного от другой. Зрительное восприятие мозга человека и животных, заложенное на генетическом уровне, основано на принципе определения типа индивидуума живого существа. И если он относится к “родному” виду, то тогда мозг начинает перерабатывать зрительную информацию дальше, чтобы определить пол, занимаемую данным индивидуумом иерархию и так далее. С людьми точно так же. Определять же индивидуально каждое существо в мире мозг просто не в состоянии, иначе он будет перегружен информацией. Если бы мы различали каждого голубя и воробья, скачущего у нас под ногами, то не сумели бы выучить родного языка и получить даже начальное образование: наш мозг был бы перегружен громадной, но совершенно бессмысленной для нас информацией о каждом существе, что мы встречали.

— Поймите, поймите, — перебил Кербис, — вы хотите сказать, что через двести тысяч лет существования “хомо сапиенс” мы продолжаем оставаться друг для друга животными? Что я для негра всё равно что голубь, а он для меня — тот же воробей?

— Во-первых, это утверждаю не я, а мои кентские коллеги, — строго подчеркнул антрополог, — а во-вторых, не нужно передёргивать: так наш мозг сконструировала природа, и никто в этом не виноват.

— Да я ведь никого и не обвиняю, — сник Кербис.

— Нет-нет, — встал на его защиту криминалист, — это очень даже интересно. Может быть, в таком случае имеет смысл пересмотреть научную классификацию и разделить род “хомо сапиенс”. При этом всё население будет по-прежнему принадлежать к виду неантропов и подвиду “сапиенс сапиенс”, но этот последний подвид будет делиться ещё на подвиды. Я что имею в виду — если последние исследования таковы, как вы сейчас рассказали, то не следует ли из этого, что расы — это нечто большее, чем просто набор антропологических признаков? Что по сути люди, принадлежащие к разным расам, являются людьми просто условно, а фактически — это разные существа? Как те же голубь и воробей: оба называются птицами, но кто сможет назвать их одинаковыми?

Кербис с учёным переглянулись. Журналист, бравший интервью, похоже, вообще ничего не понял.

— Эт-то спорный вопрос, — прервал, наконец, паузу учёный. — С одной стороны, вы правы, но с другой, люди разных рас могут иметь детей, а голубь с воробьём птенцов — нет.

— Птенцов не могут иметь, — согласился с учёным Кербис.

— Вот именно! — воскликнул криминалист.

Очевидно, понимая, что разговор становится совсем абстрактным, журналист объявил:

— Мы прервёмся на рекламу: не переключайте канал.

Табашникову было интересно, чем закончится этот занимательный спор, но после рекламы к птицам и расам собеседники уже не вернулись.

Несмотря на то, что “Лицевой счёт” родился в России, высшего накала его популярность достигла лишь после того, как шоу стали снимать по лицензии в Америке. Табашников иногда смотрел штатовскую версию по спутниковым каналам. С гордостью отмечал — американцы их не переплюнули. Отличия в основном касались национальных особенностей массового восприятия. Одно из них заключалось в том, что заокеанский вариант делался с большим уклоном в сентиментальность.

Запомнился выпуск, посвящённый юбилею Аль Пачино. Они всё сделали с хорошей выдумкой: нашли не просто двойников великого актёра, но живые портреты его персонажей за всю кинокарьеру, начиная с шестидесяти девятого года, когда он ещё эксплуатировал образ, найденный на бродвейских подмостках. Не предупреждённый артист ошарашенно смотрел своими большими глазами на себя совсем молодого, потом постарше, ещё старше и ещё...

Неторопливо подходил к нему молодой Майкл Корлеоне — сдержанный, с расчёсанными на пробор тускло блестящими чёрными волосами и такими же, с матовым блеском глазами, похожими на масла. В брюках на старомодных подтяжках и зубочисткой во рту. Находившийся тут же симфонический оркестр деликатно играл тему из “Крёстного отца”. “Congratulations”, — негромко произнёс “Майкл”.

Следом появлялся отвязный балбес Тони из “Лица со шрамом” — вызывающе одетый, в светлой рубашке с отложным воротником, из-под которого выглядывала обвивающая смуглую шею золотая цепь. Дружелюбно улыбаясь, протянул смешавшемуся Аль Пачино свою пятерню.

За Тони вышел слепой подполковник Фрэнк Слэйд. Хрипло ворча, направился к юбиляру. Скрипач из оркестра наполнил воздух красивой мелодией. Навстречу Слэиду из-за спин зрителей выплыла девушка в чёрном платье с открытыми плечами. Он обнял девушку за талию. Сосредоточенно глядя в одну точку невидящими глазами, осторожно повёл её в танго, едва не задевая именитого актёра. Из глаз красиво постаревшего Пачино катились слёзы.

Шоу транслировалось по всей стране на исполинских уличных экранах. Камера показывала, как под ними, задрав головы, собираются люди. Сентиментальная нация сопереживала тому, кого любила. Многие тоже не могли сдержать слёз. Объектив медленно приблизил мальчика в толпе, дёргающего за рукав стоявшего рядом человека: “Папа, почему плачет

Аль Пачино, почему все плачут?”. Человек в пальто наклонил голову: “Потому что он очень много лет был с нами, сынок, и мы все хотим, чтобы он побыл с нами подольше”.

После появления американской версии “Лицевого счёта” шоу узнали во всём мире. В течение года у Мамкина купили лицензию практически все страны, за исключением стоящих на позициях фундаментального ислама. Всякий раз когда об этом заходил разговор, их официальные лица отвечали, что в Коране существует запрет на изображение человека, а потому появление такой программы на территории их государств будет не только некорректным, но и оскорбит самые святые чувства правоверных мусульман. Поразмыслив, на очередной выпуск шоу Мамкин пригласил имама и протоиерея. Программу поставили в прямом эфире: такое условие выдвинул протоиерей, сказавший: “Не первый год замужем: вы потом так монтируете, мне перед паствой совестно”.

В этот день Табашников должен был передать Тихонову для ознакомления пару сценариев, но, не успев к началу эфира, сел подождать в аппаратной, за спиной режиссёра, нависшего над пультом.

Оба священнослужителя, считая неприличным выказывать эмоции, с достоинством смотрели на мониторе сюжеты, изредка сдержанно улыбаясь. Когда до конца реалити оставалось с четверть часа, Игорь Тихонов одарил имама своей фтородентовой улыбкой:

— Ни для кого не секрет, что программа “Лицевой счёт”, участниками которой мы сегодня имеем честь быть, в некоторых мусульманских странах является программой нон-грата. Хорошо известна и их позиция: священная книга мусульман, Коран, запрещает изображать людей и животных. При этом некоторые мусульманские страны лицензию на “Лицевой счёт” всё же покупают. Так всё-таки — можно или нельзя?

Белый тюрбан и белые рукава имама пришли в лёгкое движение:

— На самом деле разногласий между нашими религиями меньше, чем может показаться. В главной вероучительной книге ислама, Коране, сказано: Ты несомненно найдёшь, что самые близкие по любви к мусульманам те, которые говорят: “Мы христиане”. Это потому, что среди них есть священники и монахи, и что они не превозносятся. Но и Христово учение Божественной Любви призывает своих последователей любить всех людей вне зависимости от их национальности и убеждений. Обе эти религии — христианство и мусульманство — дружелюбны в самих своих вероисповедных основах. Как и христиане, мы верим во всемогущество и всеведение, милосердие и правосудие Творца. Ислам знает о грядущем всеобщем воскресении мёртвых и Страшном Суде, о загробной награде праведных и наказании злых. Коран восхваляет тех же патриархов и пророков древности, что и Библия: от Авраама — Ибрахима и Моисея — Мусы до святого Иоанна Предтечи — Иахьи — и апостолов Иисуса — помощников Аллаха.

— И всё-таки как же с изображением человека? — направил разговор в нужное русло Тихонов.

— Просвещённый мусульманин сегодня знает, что обычай закрывать лицо женщинам и запрет на изображение живых существ появились лишь через века после Мухаммеда и далеко не во всех мусульманских странах, — покачивая белоснежным тюрбаном, произнёс имам. — Перелистайте любой альбом арабских миниатюр, вспомните знаменитого мусульманского портретиста Бехзада, взгляните на знаменитое медресе Шер-Дор в

Самарканде, на фасаде которого изображены львы и человеческие лица. Нужны ли ещё аргументы? В Тюркской коллекции рукописного фонда Национальной библиотеки Франции за инвентарным номером сто девятью хранится уникальнейшая рукопись “Мирадж-наме”, выполненная в XV веке в Герате в период правления Тимурида Шахруха. Текст рукописи, который содержит восемьдесят четыре листа и шестьдесят одну миниатюру, вмещает в себя не только иллюстрированный материал к истории ночного путешествия пророка Мухаммеда в Иерусалим и его вознесения на небеса, но и, что особенно важно, изображение самого пророка и архангела Джабраила.

— То есть, в каноническом мусульманстве запретов нет? — подытожил, украдкой поглядывая на часы, Тихонов. Но остановить имама оказалось не так просто. Не переставая покачивать головой в тюрбане, он продолжал:

— Примеров можно привести сколько угодно. Наследие мурджиитов в Средней Азии стал махзаб Ханафийа — самая мягкая и терпимая из четырёх школ шариата, признанных в мусульманском мире каноническими и равноправными. Основоположник этой школы — ученик главы мурджиитов ал-Хариса ибн-Сурайджа, знаменитый исламский законовед Абу Ханафа. Золотым правилом Ханафийа было требование умеренности и человечности: закон не должен создавать неудобств в жизни верующих. Поэтому ханафиты никогда не настаивали на других, более жёстких, сформировавшихся через три века после Мухаммеда, требованиях иных школ шариата — например, на требовании прятать женские лица или на том же запрете изображения живых существ. Туркменские мусульмане, опираясь на эти правила, вообще никогда не закрывали лица своим женщинам. Паранджа хотя и пришла в Киргизию с территории нынешнего Узбекистана в середине девятнадцатого века, но широкого распространения так и не получила...

— Да здравствует освобождённая женщина Востока! — Тихонов решил действовать более смело. — Скажите, святой отец, — обратился он к протоиерею, — а что думает об этой проблеме православная церковь?

— А нет никакой проблемы, — ответил священник. Он немного отодвинулся от стола, и, кажется, все прожектора студии сверкнули в его золотом, богато украшенном кресте. — Но лицо, лик всегда занимали в христианстве особое место. Допустим, Ветхий Завет относился к лицу подобно: оно было для него чем-то лживым. Справедливость и истина требовали глядеть не на лицо — оно обманывает, а на дела человека. Поэтому о Боге говорилось, что Он “не смотрит на лица”. Первые христиане — иудеи из иудеев, апостолы Иаков и Пётр — так же предубеждённо относились к лицу, как и Моисей. “Имейте веру в Иисуса Христа, нашего Господа славы, невзирая на лица”. Значит ли это, что люди Библии не ощущали того, что ощущаем мы, то есть что лицо есть средоточие человека, что оно способно всё рассказать о человеке? Знали прекрасно! Более того — они знали это не только о человеке, но и о Боге, почему и говорили, что не просто “Бога не видел никто никогда”, но что никто и никогда не видел Лица Бога, а со спины Бога видывали. “Лицо” Бога есть последняя и высшая Истина о Боге, недоступная человеку, недостижимая — ибо кто увидит Бога лицом к Лицу, тот смертию умрёт. Разумеется, говорить о Боге как об Имяющем лицо — значит уподоблять Бога человеку. Библия говорит о Лице Божию как о полноте Истины о Боге потому, что народ Библии ценил и любил лицо человеческое.

— Недаром ведь говорят — с лица воды не пить, — не к месту ляпнул Тихонов. Протоиерей сделал вид, что не расслышал реплики:

— Лицо человека всегда и во всех культурах было выражением истины о человеке. Одни народы считают поэтому неприличным глядеть на лицо собеседника, другие находят неприличным отворачиваться, но равнодушия к лицу нет. И высшее почтение к лицу всегда и всюду сочетается с высшим разочарованием в лице. Лицо цинично лжёт, и поэтому ему нельзя доверять. Люди живо знают, что лучший суд — по лицу. Бог замыслил человека так, что лицо отражает, что идеальный Судья обойдётся без расспросов-допросов, а просто посмотрит в лицо и вынесет приговор. Но люди также знают, что нет таких идеальных судей и что судить по лицу — есть величайший соблазн и обман. Лицо оторвано от сущности человеческой в результате грехопадения, — возвысил голос священник. — Само грехопадение — в том, что человек теряет лицо, научается лгать, а это всегда означает потерю связи между внешним и внутренним в человеке, связи лица с личным. Человек постоянно бывает то хуже, то лучше своего лица — и практически лицу не равен. Как это ни печально, как ни противоестественно, но доверять лицу более нельзя — это смертельно опасно для человека, как и глядеть в лицо Богу. Какая-то такая неприятность произошла с лицом, что безопаснее и добродетельнее быть нелицеприятным. Лицемерие есть каждодневный факт духовного опыта. Именно этот факт каждодневно на протяжении тысячелетий подпитывал ужас библейского народа перед лицами языческих божеств, перед всяческими образами и ликами. Лицо не может не лгать о человеке, идол не может не лгать о Боге. Всё, что было известно о языческой религиозности, подтверждало: надо быть нелицеприятным не только к людям, но и к Богу, надо и Богу не глядеть в лицо, не пытаться даже...

До конца прямого эфира оставалось всего ничего. Слыша в наушнике проклятия режиссёра, Тихонов не мог найти в речи протоиерея ни малейшей паузы, чтобы вставить хоть слово. Из-за стекла аппаратной все находящиеся там делали Игорю страшные рожи, но и это действия не возымело.

“Как они могут? — думал не пропускающий ни слова из сказанного, Табашников, — ведь он говорит такие простые и такие высокие вещи”.

Наконец помощник режиссёра, прокравшись в студию, встал за спиной оператора, снимавшего протоиерея, и стал делать самому святому отцу круговые движения руками, символизирующие призыв закругляться. Батюшка, не прекращая говорить, напрягал зрение, силясь понять, чего от него хотят. В какой-то момент его благостное лицо разгладилось. Извиняющимся тоном он обратился к зрителям:

— Вот тут мне показывают, что надо объяснить пообщее... — Тихонов побелел. — Так вот, самым потрясающим открытием стало открытие Лица Божия как действительно Лица Божия. Осознание того, что лицо Иисуса было действительно Лицом Божиим, заняло несколько столетий — и это не так много, если учесть тысячелетний религиозный опыт, противоречащий этому открытию, если учесть ежедневный человеческий опыт, не допускающий возможности видимому и подлинному. Во Христе восстановлено равенство лица и души, лица и духа. Нет ничего в Иисусе, что бы не было выражено в Его лице, и Он — человек, первый после жившего в раю Адама, Лицо Которого не лгало, а делало то, что должно делать лицо — выражало сущность личности. Появился Образ, равный Первообразу. Пропасть была преодолена, сдвиг исчез. Почитание, воздаваемое Образу, стало равно — стало тем же самым,

что и почитание Первообраза. Возможность — а для верующего и естественность — быть Богом означает, что не только воля Иисуса, но и наша воля может литься в одном потоке с Божией, что наша природа — та же человеческая природа, что и в Иисусе — может слиться, не растворяясь, с волей Божией. И это означает, что лицо человеческое во Христе обретает возможность быть лицом первозданного, райского человека. Сложность и даже трагедия здесь в том, что христианин не к своему лицу относит это знание, приобретаемое во Христе. Решить, что твоё лицо равно тебе, значит впасть в идиотизм или в фарисейство. Подвиг в том, чтобы глядеть на лицо другого как на его подлинное лицо, в том, чтобы стать лицеприятным, в том, чтобы не искать никакого нового иконописания, кроме иконописания лица ближнего своего. Как это возможно? Да спокон веку есть одно-единственное исключение в циничном нашем мироздании, есть оазис, в котором лицо другого становится иконой его сущности — это самая обычная любовь. Половая, брачная, эротическая — название может быть любым, а суть одна: вопреки всякому недоверию мы срываем повязку Фемиды со своих глаз, смотрим в лицо другому — и безоговорочно оправдываем его как дивного, хорошего, достойного человека, черты лица которого приятны и восхитительны, потому что отражают то, какой он замечательный, какое у него нежное и весёлое сердце. И пока не согрешим мы против этой любви — до тех пор мы будем смотреть на лицо любимого с весёлой почтительностью, какие бы морщины ни покрывали его, будем целовать его старческую сухость с той же нежностью, с какой целовали нежную прохладу юности. Так на старую, закопчённую и потрескавшуюся икону мы глядим так же, как на икону только что выписанную. Конечно, другой человек, любимый наш, знает о себе, насколько он хуже своего лица — как знаю я о себе, насколько мое лицо благообразнее свалки в моей душе, насколько я неравен образу, который складывается в сознании других людей обо мне, насколько я недостоин чьей-либо любви. Поэтому не о знании идёт речь, а именно о вере — она открывает нам в ближнем то лицо его, которое видит любящий человека Бог, то лицо, ради которого Он умер и воскрес, то лицо, ради которого любовь Божия нисходит в мир и проходит сквозь нас, рождая и в нас любовь к ближнему — самой драгоценной иконе Христа.

Протоиерей закончил внезапно, остановил речь, как коня на краю обрыва. От неожиданности в студии на мгновение повисла тишина. Первым опомнился Тихонов:

— Спасибо, Ваше Высокоблагословение. Всего доброго, дорогие наши зрители. Увидимся ровно через неделю.

После эфира Женя долго добирался домой. На Ленинградке случилась большая авария, образовался затор, транспорт двигался еле-еле. Чтобы никого не потревожить, Табашников не стал давить на звонок. Открыв своим ключом, прошёл в зал. Алёна щёлкала по каналам. Не отвлекаясь, помахала мужу рукой. Он сел в кресло. Шла какая-то музыкальная передача. Они долго смотрели молча. Женя приходил в себя после тяжёлого дня, почти не замечая происходящего на экране. Мысленно компоновал дела на завтра. Вспомнил слова протоиерея: «Какая-то такая неприятность произошла с лицом, что безопаснее и добродетельнее быть нелицеприятным. Лицемерие есть каждодневный факт духовного опыта...». Он не мог назвать никого, ни одного человека из своей среды, кто задумывался бы об этом. Весь круг его общения озабочен зарабатыванием денег, карьерой,

политикой. Табашников ненавидел политику — как журналист он лучше многих знал подоплёку процессов, происходящих в стране, цену произносимым в Думе словам. За большинством дел, совершаемых якобы во имя народа, стояли личные интересы отдельных людей, корысть конкретного человека, подчас глупого, недостаточно образованного, плохо воспитанного. В результате сколько живём при капитализме, а российские машины как были дерьмом, так и остались, неожиданно зло подумал Табашников, вспомнив знакомого журналиста, купившего недавно последнюю ВАЗовскую модель и проклявшего этот день.

На экране появился излучающий благополучие Юрий Антонов за роялем:

*Пусть мне твердят, что есть края иные,
Что в мире есть иная красота,
А я люблю свои места родные,
Свои родные милые места...*

Алёна впервые за вечер прервала молчание:

— Когда КГБ Гребенщикова и Майка Науменко гнобил, ему, — кивнула она на экран, — и таким, как он, не худо было: пели попсу свою, денёжки считали.

— С каких это пор дочки советских начальников ругают тот режим? Тебе-то ведь тоже неплохо жилось.

— Я совестью не торговала.

— Те, кого советская власть ласкала, тоже не всегда продавались. Ты не допускаешь мысли, что люди делятся на борцов и не борцов? От того, что лошадь не лает на чужих и не кусает их, она не становится менее нужной и полезной, чем собака. А держать фигу в кармане легче, чем написать красивую мелодию. Это талант. Настоящие мелодии становятся классикой, а будут ли слушать Гребенщикова лет через пятьдесят, большой вопрос.

— Да как тебе не стыдно, Табашников! Когда Высоцкий сгорал от водки по вине этого режима, они писали свои красивые мелодии, и ты их оправдываешь!

Женя приложил руки к груди:

— Алёнушка, я прошу тебя, только не начинай. И всё-таки, при чём здесь — оправдываешь-не оправдываешь? И при чём режим и водка? Я очень люблю Высоцкого, но ты думаешь, если бы его не запрещали, снимали в каждом фильме и выпускали миллионными тиражами его пластинки, он бы не пил? А возьми... ну, кого, я не знаю... Вицына возьми: и режиссёры любили, и власти приветствовали, а у кого повернётся язык его осуждать? Великий русский актёр! И не пил.

— Светлый был человек, — вздохнула Алёна.

“Светлый был человек” — фраза кликуш, отметил про себя Табашников. В последнее время он старался направлять вспышки жены по конструктивному пути. Иногда хитрость срабатывала. Сейчас Алёна задумалась. Дверь в комнату мамы Инны приоткрылась: она слушала.

— Вообще ты, наверно, прав, — выдавила жена. Табашников от удивления закашлялся. — Элла Богачёва ведь то же самое: великая певица, а никто её не преследовал никогда.

Зная любовь жены к Богачёвой, Женя всё-таки не сдержался:

— Может, когда-то она и была великой певицей, точнее, имела все предпосылки ею стать, но сейчас — ты меня извини...

— Ты уж не заговаривайся давай, Табашников: талант, он или есть, или его нет. Что значит — когда-то была?

— Талант штука такая, его можно зарыть, пропить, продать.

— И что, по-твоему, сделала со своим талантом Богачёва?

— Думаю, она его продала. В брежневские времена из неё делали большую певицу уже хотя бы тем, что не давали петь всякую гадость. Поэтому каждая её песня была маленьким шедевром, она пела стихи лучших поэтов. А потом советской власти не стало, не стало цензуры, и все вздохнули свободно. И Элла Богачёва тоже вздохнула свободно. И сначала исподволь, а потом всё смелее начала петь всякую, как говорит у меня на работе журналистка Снесова, чухню. Возможно, сначала ей казалось, что это никакая не чухня, а проба себя в разных жанрах. А потом оказалось, публике нравится! И поскольку таких ценителей в стране пруд пруди, то денег это приносит — мама не горюй. Сама послушай её песни — от таланта там давно следа не осталось.

— Но ведь великой певицей, Табашников, её называют очень уважаемые, известные люди...

— Ты как маленькая, ей-богу, Алёна. Это же одна компания, одна тусовка, у них общие интересы, они доят одну и ту же корову. Представь, — твоя подруга прекрасный человек, но плохой специалист. Если сегодня ты пьёшь у неё чай, сможешь ли ты завтра на всю страну сказать, что она плохо делает своё дело? Да тебя потом на порог никто не пустит. Наоборот, ты будешь её всячески хвалить, и тогда при случае она похвалит тебя. А в человеческом плане Богачёва хорошая, умная тётка, я с ней по работе общался. Но как певица...

— Так ведь все остальные хуже.

— Знаешь, у неё же на эстраде влияние, как у героя на центральную нервную систему. Мне кажется, она не допускает, чтобы появилась певица, поющая лучше. Поэтому у нас такое убожество на эстраде. Скажи, разве русские женщины петь разучились? А включишь телевизор — везде этот кошмар. — Табашников для примера наугад щёлкнул пультом от телевизора, попал на ретро-канал. Сжимая в руке платок, пела Шульженко. — Смотри, сколько лет прошло, никаких подтанцовок, пустая сцена, но кто скажет, что это несовременно? Раньше было много людей, единственных в своём роде. А твоя Богачёва в тираж вышла. Я бы на её месте все свои связи использовал, лишь бы Шульженко никогда близко по телевизору не показывали — чтобы народ сравнивать не мог.

— Вот ты скажи ей это, а она тебе ответит: дурак ты, Табашников, я многотысячные залы собираю, у меня аншлаги.

— А кто тебе сказал, что аншлаги — показатель качества? Массам нравятся вещи невысокого уровня. Если бы это было не так, по телевизору каждый день показывали бы оперу, а народ давился бы в очереди за билетами на "Мадам Баттерфляй". Это я тебе говорю по большому счёту, конечно. Но ведь певицу, претендующую на звание лучшей в стране, и надо судить по большому счёту. А так-то, конечно, пусть поёт — не жалко.

— Ах, спасибо, какой вы добрый. — Алёна отняла у Табашникова пульт. В телевизоре замельгали девчонки из молодёжной группы, покрытые разноцветной татуировкой. — Табашников, как ты отнесёшься к тому, что я себе тату сделаю?

— И чем ты хочешь себя украсить?

— Хочу вот тут, на плече сделать два китайских иероглифа — “любовь” и “красота”.

— Если тебе интересно моё мнение, я не люблю татуировки. Помнишь Витьку Вичкуткина со старой квартиры? Ему Налбухрестик на руке тоже про любовь наколол. Только не иероглиф, а сердце со стрелой. И не в тату-салоне, а иголкой и тушью за гаражами во дворе. Так дядя Жора Вичуту потом так ремнём выдрал — на весь район слышно было, как Витька орал.

— Какой ты нудный, Табашников!

— Ты спросила, я отвечаю, не татуировки нас украшают, а мы сами облагораживаем их своей личностью. На остроумном, эрудированном человеке все эти иероглифы и драконы выглядят приемлемо, но когда он умрёт и его тело станут обмывать, те же самые рисунки сделают его похожим на зэка. И не важно, что там написано — “любовь” по-китайски или “не забуду мать родную” по-русски. Наколка она и есть наколка.

Алёна махнула рукой:

— Тебя послушать, в СССР мы жили правильно, а современный развращённый мир подсовывает нам ложные ценности.

— Типун тебе на язык: я ни на день туда не хотел бы вернуться. Но что-то хорошее там было — отрицать нельзя.

— Что, например?

— Да хоть бы кино советское: что-то за последние два десятка лет ни один новый Рошаль или Данелия не появились. А ведь свобода полная, цензуры нет. Литература то же самое. — Табашников говорил всё вдохновеннее, радуясь возможности высказаться: о многом поговорить ему было просто не с кем. — Ведь откуда у нас великая литература и почему её нет сейчас? Потому что история-то какая была! Сначала самодержавие боролось со свободомыслием. Потом, в сталинские времена, человеку постоянно приходилось выбирать между жизнью и предательством, доношением. При Брежневе — между чистой совестью, самоуважением и карьерой, путь к которой всё равно лежал через подлость. Зато какие были сюжеты — метания, движения души, самопожертвование! А теперь? Главное — деньги, на всё принято смотреть проще, совесть — условна. О чём тут писать? Кого делать героем нашего времени? А началось всё, заметь, с развала Союза. — Жёня вспомнил разговор с Глебом Померанцевым о Снесовой: — Сначала появились писатели, воспевающие бандитов и проституток, сейчас на страницах — офисный планктон и гуманоиды с Рублёвки.

Алёна поудобнее устроилась на диване:

— А моей любимой книгой в детстве была “Как выжить при ядерной атаке”. Не вру. Я её читала как приключенческий роман и знала почти наизусть. А взяв в библиотеке “Хижину дяди Тома”, думала: как мне повезло, что я не негр в Америке, что родилась в СССР. Хорошо помню это страшное чувство счастья и защищённости. — Без перехода поманив Табашникова пальцем, Алёна прошептала ему в ухо: — Табашников, у нас, наверно, будет ребёнок. Что скажешь?

— Ура, — тоже прошептал он, ещё не успев усвоить услышанное.

В детстве Костя Мамкин слышал: счастье — категория не настоящего времени, человек осознаёт, что был счастлив, только задним числом. Ощущая своё счастье каждый день, каждый час, а иногда даже каждую

минуту, теперь Константин Юрьевич знал точно — так мог сказать испытанный лишь иллюзией счастья неудачник. Здоровье прекрасное, дела идут идеально. Другие каналы и мысли о соперничестве с “Лирой-ТВ” не держат. Желających участвовать в новом шоу всё больше. С тех пор как его взялись делать на всех пяти континентах, реалити стало только интереснее: появились совместные проекты, да плюс каждая страна старалась переплюнуть остальные.

Лелея амбициозную мысль, — если так пойдёт дальше, в не очень отдалённом будущем пополнить список самых богатых людей планеты, Мамкин каждый месяц стал покупать свежий номер журнала Forbes. Иногда, созерцая сверху ситуацию и себя в ней, Константин Юрьевич недоумевал: всего за год он из владельца телеканала не главного разбора превратился в первой величины медийщика, центральную фигуру и прочая, и прочая, и прочая. Его мобильники давно инфаркт хватили бы от перенапряжения, будь они живыми: всем нужен Костя Мамкин.

Успехи хозяина “Лир-ТВ” сначала понемногу, но постепенно всё сильнее досаждали создателю “Тантамаресок”. Не получая за созданную им компьютерную систему ничего сверх оговоренного в контракте гонорара, Кербис места себе не находил из-за того, что деньги немереные Мамкин гребёт не в последнюю очередь благодаря его, Бороному, творению.

Обладавший интуицией, закалённой в многолетних битвах с алчущими его дензнаков людьми, Костя такой поворот предвидел. Поэтому, когда прославленный программист стал изъявлять настойчивое желание “кое-что обсудить”, знаменитый телевизионщик перестал отвечать на его звонки. Но однажды, в ответ на стотысячное сообщение секретарши “Борис Кербис хотел бы обговорить с вами условия дальнейшего использования “Тантамаресок”, Мамкин рыкнул: “Хрен Борису Кербису, Кристиночка, с постным маслом!” и поехал в хорошо известную ему фирму по разработке программного обеспечения, где перед глазами её хозяина провёл указательным пальцем по строчкам лицензионного соглашения, гласившего, что за исключением авторского гонорара более никаких выплат разработчику софта не предусматривается.

Обиженный программист, забыв об успешных к тому времени кончить полученных им за “Тантамарески” немалых деньгах, внушал себе — его цинично использовали. Уникальные плоды его труда работают на какую-то посредственность, обогащают выскочку, приносят незаслуженные сверхприбыли этому жлобу от телевидения.

Через неделю терзаний, когда Кербис, пуская слюни, по ложечке пил предрассветную гжель зимней ночи, ему приснилось решение проблемы, как некогда Менделееву знаменитая таблица. С утра мстительный программист сел дорабатывать “Тантамарески”. Подгоняемый сладкой обидой, он не вставал из-за компьютера полгода. Добавив в софт новые функции, переписал его с другими кодами.

Летом Кербис разместил новую программу на специально созданном под неё сайте, который в ожидании несусветного наплыва посетителей назвал “Тьмой”. Но если люди, приславшие своё изображение на сайт “Лицевого счёта”, вынуждены были дожидаться милостей от создателей реалити-шоу, то у себя Кербис замкнул всех на всех. Пройдя регистрацию и заплатив доллар, любой житель Земли мог искать своих двойников по всему свету. Революционную идею поддержали все страны, производящие

“Лицевой счёт”. Без особых Бориных усилий информация распространялась со скоростью пандемии.

Теперь взбеленился Мамкин. Но Кербис не собирался уходить от неудобного разговора: пришла его очередь тыкать пальцем в лицензионное соглашение, а точнее в ту его часть, где говорилось, что софт принадлежит разработчику, и разработчик может поступать с ним по своему усмотрению. Учитывая же, что программа была переписана с другими кодами, спор вообще терял смысл. Константин Юрьевич, однако, так не считал. Пообещав подать в суд, после которого бесчестному программисту придётся побираться по электричкам, он покинул логово соперника.

Костя переживал не напрасно: “Тьма” стала быстро, а главное, успешно конкурировать с “Лицевым счётом”. Что такое три сюжета в неделю? Мизер даже для населения Москвы, не говоря о всей России. Шансов, что твоё лицо попадёт на экран, негусто. Главный принцип шоу — мы даём шанс каждому, — на деле оказывался спорным: сначала этот каждый должен стать избранным. “Тьма” же оказалась воистину демократичной: она удовлетворяла всех и сразу. К счастью, никто не запрещал искать двойников у Кербиса в ожидании вестей с “Лицевого счёта” — это и спасало Костино шоу.

Зато новый сайт нокаутировал популярнейших в недавнем прошлом “Одноклассников”. Всем сразу стало плевать, чем занимаются те, с кем учился в школе и где они вообще: каждого интересовало, существует ли в мире человек с точно такими же глазами, носом, ушами, ртом. Почти сразу на “Тьме” начали регистрироваться даже не сотни — тысячи людей. Мамкин не мог понять, почему столь логичное продолжение пришло в голову не ему.

Кое-что, правда, перепало от Бори и “Лицевому счёту”: в форумах “Тьмы” иногда попадались интересные истории из жизни, и тогда “счётчики” снимали по ним сюжеты. Например, молодой, безответно влюблённый житель Ростова нашёл двойника в Каунасе. Пригласив в гости, попросил встретиться с девушкой, в которую был безответно влюблён. Что удивительно, с первого же свидания его пассия как по щучьему веленью стала принимать ухаживания того, кого год отвергала, а на втором позволила себя поцеловать. Счастливый влюблённый не знал, как благодарить своего прибалтийского благодетеля. Проводив двойника обратно в Каунас, сделал любимой предложение. Но развелись они почти сразу после свадьбы, и безутешный ростовчанин излил свою скорбь на форуме “Тьмы”.

Обескураженная проявленным к ней вниманием, в эфире “Лицевого счёта” девушка рассказывала, как сначала стала ловить себя на внезапной симпатии к ещё недавно напрочь не нравившемуся ей парню, а затем также внезапно перестала её ощущать. Но, пожалев о сделанном выборе ещё до свадьбы, невеста не решилась пойти на попятную: родственники в предвкушении, кольца куплены, гостям разосланы приглашения. Находившийся там же в студии молодой профессор геронтологии Максим Артоболовский обмолвился: принимая во внимание обилие загадок и интересных фактов, появляющихся с возникновением невиданных доселе возможностей идентификации человеческих лиц, впору задуматься об учреждении новой науки. Но сентенция учёного погрязла тогда в обсуждении matrimониальных подробностей.

Между тем популярность “Тьмы” росла со страшной силой. “Интересных фактов и загадок” прибывало. Кудрявый и курносый житель средней полосы России нашёл в Зимбабве двойника — чёрного, как шрифт газеты

“Правда”. Зимбабвиец жил в Хараре, приходился родственником лидеру движения за демократические перемены Моргану Цвангираи и на чём свет стоит поносил президента Мутабе. Но главное, эти ребята походили один на другого до глубины морщин, опровергая все расовые исследования.

Разгоревшаяся на сайте дискуссия перетекла в прессу. Не умея объяснить феномен, но стараясь сохранять лицо, расоведы много говорили о прародине современного человека, селективных процессах, миграции и смешении, этногенезе, а также о том, что европеоидная и негроидная расы вообще принадлежат к одному стволу и что существуют целые народности, меняющие расовую принадлежность, как, например, население Эфиопии и Сомали, переходящее от негроидной расы к европеоидной, или жители Мадагаскара — от монголоидной к негроидной. Применительно к случаю с зимбабвийцем объяснения выглядели шаткими, тем более что при исследовании генеалогических древ обоих двойников не удалось найти и намёка на взаимосвязь их предков. Вновь закипел давний спор антропологов о числе основных рас и малых антропологических типов. Кое-как договорились считать прецедент с зимбабвийцем исключением, без которых не существует правила. Но исключения стали появляться ещё и ещё. То здесь, то там отыскивались негры с рязанскими чертами и чистокровные финны, смахивающие на монголов. Не сказать чтобы очень много, но на монографию Максиму Артоболевскому набралось.

Правда, иногда связанные с новой реальностью откровения представляли не только научный интерес. Например, криминальные авторитеты взяли в обычай отправлять двойников вместо себя на разборки. В половине случаев двойников убивали. Для расследования таких преступлений органы завели у себя специальный отдел, получивший название “Двойного”. Его знатоки учились на ошибках, как первые чекисты молодой советской республики. Только в отличие от рабоче-крестьянских кадров, обращавшихся за помощью к профессионалам царской школы, операм “Двойного” отдела приходилось полагаться только на себя самих.

Когда мир по-настоящему вошёл во вкус и “Тьма” заработала на полную мощность, выяснилось — среди миллионов и миллионов людей каждый может найти себе не одного, а сразу нескольких двойников, причём почти с полной совпадаемостью черт лица. Чему удивляться, если даже в пределах одного города постоянно слышишь: “Простите, обознался”. На сайте стали проводиться конкурсы — кто найдёт больше “себеподобных”, а в обращении закрепился новый термин — “иденты”.

Основу своего последнего сценария Табашников подобрал на “Тьме”. Богатый англичанин открыл в Лондоне ресторан History: на эстраде поёт “Мерилин Монро”, аккомпанируют ей “Горовиц”, “Армстронг”, и “Ричи Блэкмор”, еду разносят “Черчилль”, “Ньютон”, “Ленин” и “Ален Делон”, а кашеварит и выходит к посетителям в белом колпаке “Марк Твен”. Поначалу изобретательный британец отыскал на роль шеф-повара замечательного кулинара один в один с Саддамом Хуссейном, но его вовремя предостерегли: есть не будут.

Практикуя поощрение особо ценных сотрудников из чужого бумажника, для лучшего ознакомления с материалом Мамкин за счёт спонсора отправил Табашникова на Альбион. Повидавший таким образом страны

и материки, в британскую столицу Женя ехал впервые. Там он сразу убедился в правоте слов Сэмюэла Джонсона: “Если вы устали от Лондона, то вы устали жить, потому что здесь есть всё, чего можно ждать от жизни”. Пробежавшись по всем достопримечательностям, — Вестминстерское аббатство, Тауэр, Парламент, Театр Глобус, — Табашников заодно попрактиковался в английском.

Гуляя по битловским местам, попросил прохожего снять себя на фоне Abbey Road. Прохожий оказался русским туристом Колей. Выпив в пабе по кружке пива, они взялись вспоминать, как покупали в начале восьмидесятых из-под полы винилы ливерпульской четвёрки.

— Девяносто рублей я отдал за Abbey Road! — погрозил в воздухе пальцем Табашников.

— Да не стоил он столько!

— Как же не стоил? Самый дорогой битловский альбом вместе с “Сержантом”, “Magical Mistry Tour” и “Let It Be”!

— Точно, точно, извини, — поднял в кружке волну Коля. — А за “Magical Mistry Tour” просили сто двадцать — там ещё внутри буклет был, двадцать четыре фотки...

Ресторан “History” оказался достойным заведением. Владелец не экономил: обстановка и посуда вызывали желание завести то же самое у себя дома, беспечное поведение официантов-двойников говорило о хорошем жалованье, а стряпня “Марка Твена” наталкивала на мысль, что, может быть, ад не такая уж большая плата за смертный грех, которым числится чревоугодие. Рестораций с расторопной прислугой и хорошей кухней Женя насмотрелся и в Москве, но в Европе это казалось ему естественным, а у себя немного натужным — посмотрите, мол, как мы для вас расстарались.

Как всегда из дальних странствий, Табашников возвращался домой с неохотой. В самолёте не мог отвязаться от мучивших его не первый день мыслей. За полтора года написание сценариев для “Лицевого счёта” ему опротивело: истории для знаменитого реалити — лишь ещё одна грань нелюбимой работы.

Женя очень ценил в себе неспособность завидовать. Если кто-то умел что-нибудь лучше его, он рассматривал это как стимул к самосовершенствованию. Но проработав бок о бок с Мамкиным годы, Табашников знал его как личность средних умственных способностей, не обладающую никакими талантами и неспособную к прозрениям. Так же считали и остальные сотрудники “Лиры”. Прорыв с “Лицевым счётом” многих заставил изменить мнение. Но Женя не верил в авторство Мамкина: не бывает так, чтобы человек, носившийся с задумкой телевикторины “Лови удачу”, нежданно-негаданно так воспарил. Однако кому бы ни принадлежала идея, Табашников не мог постичь божьего промысла: почему сокровища становятся уделом недостойных? За какие заслуги посредственный Костя подпирает головой облака, а талантливый Женя работает на Костю? Этот парадокс в последнее время мешал Табашникову дышать. Он так завёл себя, что, приняв из рук стюардессы судок из толстой фольги, только поковырял вилкой варёные овощи, хотя желудок сводило от голода.

Занятой Табашников долго игнорировал боли под ложечкой, а когда, устав, наконец, терпеть, с невольными выступающими в уголках глаз слезинками проглотил в кабинете гастроэнтеролога кишку, тот накатал в графе “Заключение” маленькое эссе. Не пожалев времени на пациента с

телевидения, врач занудно водил указкой по плакату с кирпично-красными внутренними органами, а закончил мудрым и оттого потрёпанным советом пореже нервничать.

Нервничать пореже не получалось. Ну ладно, Мамкин. А кто мешал ему, уже работая в самом, можно сказать, сердце “Лицевого счёта”, самому дойти до идеи с «Тьмой»? Поместив эту прозрачную мысль в пурпурные внутренности футляра с надписью “Авторское право”, он навсегда изменил бы свою унылую жизнь. Но вместо этого он пишет сценарии, приходя на работу к десяти, а уходя в шесть. И приходиться будет к десяти, уходить в шесть, будет писать бесконечные истории, будет два раза в месяц получать свой оклад — хороший, очень хороший оклад. И заработает язву, грызя себя за то, что в голове не хватает пресловутого серого вещества. Недавно он прочитал — большинство людей достигают апогея умственных способностей к 35-40 годам, а после идёт их постепенное, ускоряющееся с возрастом, снижение. Женья не на шутку расстроился: выходит, он уже с ярмарки едет.

Раньше, юношей, молодым журналистом, Табашников считал — люди манерничают, говоря “как быстро летит время”. Поступая на журфак МГУ, думал — пять лет учёбы, лёгкой интересной жизни не кончатся никогда, пять лет — вечность. В двадцать семь дал себе слово погонять балду до тридцати, а потом заняться делом, придумать, совершить что-то такое... От той отметки пятнадцать лет прошло в зарабатывании денег, стычках со снесовыми, скандалах с женой. Ничего не придумано, не совершено.

Иногда он говорил себе: Женья, не гневи ты Бога, миллионы людей согласятся палец себе отчекрыжить, лишь бы обменять свою планиду на твою. Сценарии для лучшей программы страны, квартира в центре Москвы, обалдеть какая зарплата, поездки за границу. Но что делать, если понимаешь это, его мозг никак не мог уговорить душу.

И однажды он решил написать сценарий для самого себя. Женья хорошо помнил, когда это произошло. Поставив свою “Ауди” на ремонт, он ехал в метро на работу. Сидел, глядя в окно. Появившийся в отражении одноногий “афганец” с затасканными наградами на новеньком камуфляже потребовал:

— Ты бы встал, мужик, я за тебя всё-таки в Афгане кровь проливал.

Сценарист поднялся:

— Я тебе уступаю место, потому что у тебя ноги нет, и мне тебя жалко. Но кровь твою проливало государство. Не за меня, а просто так. И если ты убивал людей, так гордиться тут нечем.

Он хотел сказать ещё, но поезд подъехал к нужной станции. Стараясь отвлечься от мыслей об “афганце”, Табашников, поднимаясь на эскалаторе, подумал про Пашку. Надо бы к нему съездить, а то снова не был вечность — ещё один банк построить успеют. Вспомнился Пашкин рассказ о “ГАЗели” с миллиардом евро. “Если по инструкциям жить...” — сказал тогда Бузлаев.

Подумав об этом, Женья и увидел сценарий, который мог изменить его жизнь. Привычно проработав фабулу в общих чертах, он не нашёл недостатков. Но ощутив предопределённость задуманного и конечный пункт путешествия, испугался. Отказываясь признаваться себе в серьёзности возникновения намерений, попытался переплавить всё в безобидную идею написания детектива — книги об ограблении банка с использованием двойников. Роман должен пойти, убеждал себя Табашников. Особенно теперь, когда

на тему дичайший спрос. Как всякий журналист, он считал себя потенциально способным к написанию прозы. Но его мозг, не терпящий полумер, уже запустил программу, устраняющую помехи. “Ну когда его сочинять, — спрашивал себя Женя, — если ты целый день строчишь на работе? К вечеру сознание бойкотирует любую умственную деятельность. Писать по выходным, в отпуске? Но этак на текст уйдёт неопределённое время, а участок уже распахивают юркие детективщицы. Небезызвестная Лиля Папуас разродилась целой сагой под названием “С меня писали Джоконду”. Так что вряд ли у него есть шанс стать новым Сименоном.

Зарабатывавший внутри мотор толкал к действию, словно вобрав в себя энергию всех поступков, по нерешительности или трусости не совершённых Табашниковым за всю жизнь. Он не мог себе простить, что не занимался бизнесом в девяностые. Какие были возможности! Какие деньги делались из воздуха! Девственные советские люди, относившиеся к видеомagneтофону, как к посетившему их дом Джавахарлалу Неру, чумели от посыпавшихся на них иноземных товаров. Спекуляция, совсем недавно порицаемая, как по манию руки стала почётным промыслом.

Но Табашников видел и другое: за лёгкие перестроечные деньги многие платили башкой. Причём в прямом смысле: головы двух его одноклассников, успешно торговавших новомодными по тем временам компьютерами, нашли в мусорных баках у одной из городских новостроек. Перепугавшись, Женя надолго оставил мысли о предпринимательстве.

Зато гайдаровско-чубайсовской приватизацией можно было воспользоваться и не вожжаясь с криминалом. Вряд ли из него вышли бы Ходорковский или Абрамович, но уж ваучеры-то, полученные от государства даром, мог бы толково пристроить. В Нижнем Новгороде, куда он о ту пору ездил от газеты, один ваучер обменивался на две тысячи акций “Газпрома”. Ах, если б знать. Но он отдал причитавшиеся ему “фантики” маме Инне, а та вместе со своими продала их за копейки скупщикам. Теперь, когда Женя смотрел на ситуацию извне, она казалась примитивной, как кроссворд из гламурного журнала. Если б знать... От тех времён у него в памяти остались убийство Листьева и водка “Распутин” с голограммой в виде подмигивающего бородача на этикетке.

А дефолт 1998 года? Его, писавшего как раз тогда на экономические темы, банковские знакомые по-свойски предупреждали: буря, скоро грянет буря. Мог он, назанимав в июне денег, купить долларов по шесть рублей, а в январе девяносто девятого продать их уже по двадцать три? Мог! Мог загодя набрать кредитов в рублях? Легко! Что творилось в этой стране — уму непостижимо. Сразу после скачка “Волгу” продавали за пятьсот баксов. А он не назанимал, не купил, не набрал, не продал... Не верил, что случится, как предупреждали.

Он не любил рисковать. Но и ходить на работу с десяти до шести больше не хотел.

Проанализировав десятки печально закончившихся ограблений банков, Табашников придумал план, не содержащий ни капли риска. Чтобы убедиться или разувериться в этом, Жене не хватало знания банковских реалий. И он отправился к Пашке.

Около трансформаторной будки вертелась та же, отпущенная с поводка, такса, привычно изводящая своей нерешительностью топчущегося на краю детской площадки хозяина в тех же самых трико с отвисшими

коленями. Из-за отогнутой двери будки торчал тот же самый, кровожадно выданный кабель с разноцветными проводами. Неожиданно завертевшись волчком, собака присела и замерла. В этот раз у неё на морде возникло выражение, какое бывает на лице женщины средних лет в магазине французского белья.

Проходя мимо забора с эмблемами Белсинкра-банка, Табашников подумал: поселившаяся в его голове мысль даёт ему право смотреть на это здание с чувством превосходства над теми, кто там работает, ещё не знающими о своём финансовом учреждении чего-то важного, что известно ему.

Он успокаивал себя — пока всё висит на уровне игры, теории, гимнастики для интеллекта, очередного сценария. Сценарий — единственная надёжная броня, которой он сможет себя защитить, если эта бездна станет заглядывать в него всё настойчивей. С некоторых пор Женья стал находить некоторую привлекательность в пафосных фигурах речи, списывая это на возраст.

Справа от подъезда под своими окнами чинили забор палисадника старый Сторчило и дядя Гена.

— А вы же в Штутгарте? — удивился сценарист, пожимая грубые, как покрышки автомобиля, ладони обоих Сторчил. По таким и гадать было всё равно, что разглядывать прошлое и грядущее в линиях автомобильного протектора: общая судьба многих поколений русских мужиков. Он помнил эти ладони с детства, с тех пор как отцы дворовых приятелей бережно сжимали его маленькую лапчонку. Папины руки были мягче.

— Пропади она пропадом, Германия эта, — ответил за дядю Гену старый Сторчило. — Как, Женья, знаешь, говорят: где родился, там и содился.

— И Санька вернулся?

— Все вернулись. — Дядя Гена положил на скамейку плоскогубцы. — Санька кран покупать поехал: кран на кухне сломался. И забор вон, видишь, сломался — чинить-то некому особенно было: дед старый совсем, бабка еле ходит...

— Чего я старый? — старик покосился на открытое окно, сказал тише: — Восемьдесят пять в феврале, а сикель торчком. — И громко проорал в проём, забранный решёткой с эмблемой Олимпиады-80: — Иъсть-то скоро?!

— Скоро, скоро, — послышалось из-за занавесок.

— Как мать? Жива-здоровая? — спросил дядя Гена.

— Давление. Вы же знаете — женщины всё время болеют, а первыми умирают мужчины. Так вам не понравилось в Германии?

Дядя Гена сплюнул:

— Да это же невозможно там жить, Женья! Я сначала в такси пошёл. Раз нарушил правила — уличная видеокамера зафиксировала, утром в почтовом ящике квитанция на штраф. Я её, понятное дело, в сортир. Через неделю ещё квитанция. Я её туда же. Ещё через неделю третья. А потом — повестка в суд ихний. Скажи, можно так ездить? Да ещё таксистом работать само по себе нервы. Я не выдержал, уволился, пошёл ковры возить с фабрики в магазины. А их там много, в фургоне. Смотрю — кажися, и не считает никто. Ну я взял да домой один завёз — кто заметит? День полочки — вижу, мне хозяин, Клаус, жалованье повысил. Ладно, думаю. Потом как-то взял, да ещё ковришку того. А этот Клаус меня выгнал.

— А почему тогда жалованье поднимал?

— Да я потом узнал, он первый-то ковер тоже заметил, да подумал, мне денег не хватает, поэтому я, мол, утянул.

Дядя Гена достал папиросу:

— Мы потом хотели ещё вместе с основной работой бизнесом семейным заняться. Не дают, гады. Как видят, что у нас по занятости на основной работе лимит, так и не дают.

— Так это они заботятся, чтоб люди в ущерб себе не работали, — вступился за немцев Женя. — На качестве отражаться будет.

— Да я ж им говорил: “Мы больше можем, мы справимся”, а они — нет, и всё. Орднунг, мать их! Германия долбанная!

— А Санька?

— Санька на парикмахера выучился!

— Да ну?

— Да-а.

— Немецкий быстро одолел?

— Да он вообще на нём не говорит — на хрена ему немецкий.

— А как же стриг-то?

— А чего? Садится немец в кресло — Санька ему каталог. Тот тычет в нужную причёску, Санька его стригёт, берёт деньги — и всех делов.

— Лихо! — засмеялся Табашников.

— А ты, говорят, совсем большим человеком стал — в “Лицевом счёте” работаешь, — дядя Гена опёрся на служившую фрагментом загородки ржавую спинку кровати. — У нас в Германии тоже шло, называлось только по-другому — “Unter vier Augen”.

— У немцев хорошо выходит, я видел.

— А вот ты, Женька, показал бы по телевизору у себя лицо моё неповторимое, — вмешался в разговор Сторчило-старший.

Выглянувшая из окна Сторчилица не дала мужу закончить:

— Туда же, как люди — лицо у него! Но это ты правильно говоришь — рожу у тебя точно неповторимая, второй такой нигде нет!

— Добрый вечер, — весело поздоровался Женя. — Как показывает опыт, двойники у всех есть, значит, и у дедушки вашего.

Из-за сломанного лифта на шестнадцатый этаж Табашников потащился пешком. Долго слушал лай Пупсика за дверью.

— Тётя Люда дома? — спросил он заспанного Пашку.

— Да, этот, полы же она моет в магазине, скоро должна прийти.

— Раз скоро, пошли лучше посидим где-нибудь, поболтаем, пивка попьём, — Женя принялся: — Да ты уже, кажется, принял?

— Да ну, принял! Так, после работы по кружечке.

— Ну пойдём, пойдём.

— Не знаю, братка... — загрустил Бузлаев.

— Денег нет, что ли? Ты же зарабатываешь теперь?

— Да отца вчера встретил, почти всю, этот, зарплату ему отдал.

— Дядь Кешу?

— А какого ещё?

— Собирайся, собирайся, расскажешь по дороге. Деньги у меня есть.

— Да? — воспрял Пашка. — Тогда тут, этот, недалеко кабак новый открылся: такие сюзанны ходят — закачаешься.

— Давай лучше наоборот, где потише: хоть поговорим спокойно — столько не виделись.

— Ну подожди, Пупсику поесть дам. Иди ко мне, мой Пупсичек, иди, хорошая собачка...

Они шли через сквер, распиная ботинками пыльные листья последних тёплых дней осени. Заходящее солнце печатало на аллее толстые тени. Оторвавшийся с ветки молодцеватый жёлудь ударил Табашникова по плечу. Пашка поднял закрытые глаза к солнцу:

— Хорошо-то как, мама...

Женя усмехнулся. Давно начав относиться к Бузлаеву снисходительно, он ругал себя за это, но исправить ничего не мог. "Хорошо-то как! — мысленно передразнил он Пашку. — Разве ты можешь чувствовать? Разве ты этому учился, работал душой?"

Очень давно, прочитав "Жизнь Арсеньева", Табашников под наплывом чувств навязал книгу Бузлаеву, а потом терроризировал его: "Ну как, нравится?". Пашка долго увиливал — "ещё не дочитал", а потом вернул, признавшись: "Что-то не идёт у меня". — "Как это может не идти? — негодовал Женя. — Как может не идти Бунин?". Именно после того случая чувствительный сын главного инженера Завода никому не нужной продукции выписал в дневник: "Я хочу, чтобы жизнь, люди были прекрасны, вызывали любовь, радость, и ненавижу только то, что мешает этому".

Но тогда ему всё равно казалось — они с Пашкой похожи. И теперь он не мог простить своему названному брату предательства: того, что тот стал другим, перестав быть ему близким; перестав быть тем, перед кем можно вывернуть душу, как потайной карман.

— Так где ты отца-то нашёл? — отвлёк себя от постылых мыслей Табашников.

— Иду вчера через Комсомольскую площадь — смотрю, сидит, на асфальте. Прямо, знаешь, там, этот, около палаток с шаурмой, картонку подложил под себя. Весь заросший, грязный. Под ногами у всех. Поверишь, я его только по пальцам узнал. Трясу за плечо — папа, а ему, видать, стыдно: отворачивается.

— Он там милостыню просит, что ли?

— Ну да. Говорит, иногда на Казанском ночует.

— А обитает где?

— У Ольги этой своей, помнишь, к которой первый раз ещё уходил, когда мы с тобой щеглами были. Нам с мамкой даже телефон не давал. Вчера еле уговорил его показать, где живёт, домой проводил. Ты бы, этот, братка, видел, как живут они: запах в хате, постель серая киснет. Я ему говорю: домой возвращайся, мамка примет, а он, этот, головой так качает тихо, и слёзы текут. Нет, не бросит он Ольгу.

— Может, передумает ещё?

Бузлаев махнул рукой:

— Да это не главное сейчас. У него там, братка, этот, дела совсем хреновые: печень почти полностью разрушена. Он же бухал всю жизнь как не знаю кто! Врач ему сказала, донорская печень нужна, иначе кранты — может, год протянет, может, полтора.

— Так надо делать что-то! Пусть трансплантируют.

— Врач ему сказала — в России в основном, этот, не донорскую печень, а от родственников половину ливера пересаживают. Я бы хоть завтра ему половину своего отдал, но не известно как пересадят ещё: у нас такие операции только с девяностого года фигачат и пока по всей стране всего примерно двести сделали. А в Америке, этот, с конца шестидесятых по четыре тыщи операций каждый год — есть разница? Но стоит знаешь сколько?

— Ну?

— Триста штукарей “баксов”!

— Можно квартиру продать.

— Их хата столько не стоит. А мы с мамкой свою продадим — где жить будем? К ним в однокомнатную пойдём? Нищета хренова...

Глубоко вздохнув, Женя вспомнил слова патологоанатома, о котором писал в пору своей газетной деятельности: “Вскрываешь такого — от печени одна труха осталась, а сосуды, как у подростка”. Матушка ты моя, о чём только ни приходилось писать!

— Слушай! — вспомнил Табашников. — У нас в “Новостях” тут недавно сюжет снимали про целителя одного из Казахстана. Доктор Берик. Просто чудеса делает: руками лечит. И берётся за таких, от кого врачи отказались. Я бы не поверил, если бы те, кого он поднял, сами не говорили. Кстати, чуть ли не печень восстанавливает, там как раз об этом речь шла, я почему и вспомнил.

— Да знаю я про доктора Берика. Но у него там запись на год вперёд — чудес все хотят.

Пашка снова поднял глаза к солнцу. Заметив боковым зрением двух попавшихся навстречу милиционеров, прошипел:

— У-у, псы поганые...

Наслаждаясь атмосферой осеннего вечера, они пропускали мимо уже которое заведение. Проходя мимо рекламного щита, предлагавшего купить новый роман известного писателя, Табашников замедлил шаг. “Человек написал книгу, — подумал он. — Хочется верить, хорошую. Значит, мучился темой, придумывал героев, старался вдохнуть в них жизнь, сидел за письменным столом, подбирая слова, которые не оставят нас равнодушными. А что делал ты в эти же самые дни? Тоже писал? Свои сценарии? Но расстояние между вашими текстами велико, как степь, и цели их далеки так же. И так можно сказать обо всём, написанном тобой за последние двадцать лет жизни. Но, возможно, ты как журналист ставил перед собой задачу помогать тем, о ком пишешь? Как Ллеб Померанцев, а? Нет, никому ты помогать не думал”.

Солнце постепенно исчезло, забрав с собой тени с улиц, как забирает, уходя со сцены, свой реквизит фокусник.

Табашников кивнул Бузлаеву на стоявшие под навесом столики кафе. Немолодой официант положил перед ними на зелёную скатерть одно меню на двоих.

— А у меня новость, — сказал Женя как можно более ровным тоном. — Алёна беременна.

— Вот паяльные яйца!! — задохнулся Пашка. — И ведь, гад, молчал! — он перегнулся через стол, поцеловал Табашникова в щёку. — Кого ждёте? Когда?

— Кого — не знаю, она ещё УЗИ не делала. А родит ещё не скоро — беременности месяц всего. Значит, в конце июня — начале июля.

— На крестины-то позовёшь или снова пропадёшь на два года?

— Нет. Теперь не пропаду.

— Ладно, ладно, не зарекайся...

— Пашкер, а как там работа твоя? — осведомился Табашников. — Весело и беззаботно?

— А что ей делается? — Пашка раскрыл меню. — Ну её на фиг, братка, мне, этот, работы и на работе хватает. Скажи лучше, как назовёте, если пацан родится?

— И всё-таки ты моё любопытство удовлетвори, — с трудом скрыл недовольство Табашников.

— Тебе, поди, для статей твоих? Я сейчас расскажу, а ты потом, этот, по телевизору, да? И меня начальство подтянет: скажет, ну-ка, Пал Анатолич...

— Ерунды не пори.

Они проговорили до полуночи. Тихо щёлкнув в нагрудном кармане пиджака кнопкой тоненького серебристого диктофона, сценарист мелочью за мелочью выпрашивал у инкассатора подробности его службы в Бел-синкра-банке.

Получалось вот что. Живые деньги банк держит у себя в хранилище, оборудованном так, что, как выразился Бузлаев, ангел не просочится. Наличные из головного отделения перевозят по мере надобности, делая это обычно по заказу либо клиентов, либо подразделений самого банка. Как правило, деньги пересчитывают и отвозят сразу после оформления заявки. Но иногда заявка оформляется заблаговременно.

— От чего это зависит?

— Ну, это если клиент или наш филиал налик берут постоянно. Они знают, что такая сумма понадобится, просто, этот, не представляют, когда именно. Чтоб потом не волынить, заранее заказывают.

— Какие обычно это суммы?

— По-разному. Даже по тридцать, по сорок “лимонов” евро бывает. Но это не для филиалов — филиалы такие “бабки” редко просят.

— Почему?

— А филиалу нет резона тридцать пять “лимонов” у себя, этот, в подотчёте иметь: расходы по реализации валюты тогда на него как на продавца ложатся.

— А какие суммы чаще всего заказывают филиалы?

— Да разные... Вот одному подразделению мы раз в месяц железно сто штук евро возим. Они там, этот, платёж какой-то постоянно проводят СП одному: чё-то наши с французами мутят...

— Теперь объясни на пальцах, как деньги загружают, как везут?

— Вот смотри, — входил в роль эксперта Пашка, — приходит в банк заявка от филиала — осуществить, этот, подкрепление наличными средствами. Управление кассовых операций просчитывает нужную сумму. Потом в подземелье идёт кассир, а в шлюз заезжает, этот, бронемашина — там заезд такой есть специальный. Когда “бабки” из самого хранилища вынесли, их пересчитывают на столах там. Потом кассир передаёт бабло в опломбированных мешках инкассаторам, те принимают, расписываются за полученный объём и сопровождают до места.

— Ещё точнее — кто именно и как заходит в хранилище?

— Есть комиссия, которая состоит из трёх человек: это начальница управления кассовых операций и два её зама. У каждого из них свой, этот, ключ и свой код. По одному, друг без друга, они войти туда не могут. Другим лицам доступ в хранилище запрещён. Да ты скажи, для чего тебе?

— Не отвлекайся. Сколько человек должно находиться в инкассаторской машине? Ну, с тобой кто ещё деньг возит?

— У нас, братка, вообще такая классная команда сложилась, я тебя познакомлю! Дядя Нолик, Мишка Никишин, Дмитрий Сергеич, Лёха...

— Не отвлекайся!

— Хорошо, хорошо. Согласно, этот, инструкции, в машине должно находиться до пяти человек: это водитель-инкассатор... слушай, дядя Нолик, мужик такой!

— Паблос!

— Да-да. Значит, этот, водитель-инкассатор — раз, старший инкассатор — два, кассир-инкассатор — три, и ещё два вооружённых инкассатора — четыре и пять.

— А вот ты говорил, вы по тридцать пять “лимонов” возите — для такой суммы какое сопровождение положено?

— Тридцать пять “лимонов” — сумма критичная. У нас служба безопасности уже с пяти “лимонов” всякие заморочки устраивает, чтобы доставку обезопасить.

— Какие заморочки?

— Количество людей увеличивает. Пять инкассаторов — это считается усиленный вариант. А на тридцать пять “лимонов” к нашей “ГАЗели” дополнительно, этот, машина сопровождения полагается, которая впереди едет и путь пробивает на случай препятствий, ремонтных работ всяких...

Табашников огляделся: столики вокруг пустовали.

— Откуда ты всё это знаешь? Из того, что ты мне рассказал, минимум семьдесят процентов закрытая информация должна быть.

— Закрытая-то закрытая, да мы, этот, с водилой гендиректора Белсинкра-банка пиво по пятницам пьем.

Подошёл официант:

— Пиво повторить?

Табашников недовольно покосился на кружку с недопитой мутной жидкостью:

— Что-то не нравится мне ваш “Миллер”. Какое ещё есть?

— А какое вы любите? — официант неестественно улыбнулся, наклонив лоб с большими залысинами.

— Есть какое, я спрашиваю? — Табашников не смог сдержать раздражения, вызванного неумением официанта прямо ответить на вопрос.

— “Францисканер” хорошее пиво...

— Светлое? — уточнил Бузлаев.

— Как первая любовь, — обиженно потупился половой.

Пообещав Пашке перезвонить через неделю, Табашников стал думать.

Не преувеличивая, можно сказать — скоро сайт Бори Кербиса встал в один ряд с русским балетом, водкой и Достоевским. По всей земле миллионы клерков в офисах, студентов в библиотеках и просто самых разных людей на персональных компьютерах, зайдя в Интернет, первым делом вызывали в адресной строке “Тьму”. Все искали всех. Ни один выпуск новостей не обходился без сюжета про идентков. Книга рекордов Гиннесса не успевала фиксировать рекорды количества двойников на душу населения. Долше всех держался финн Тойво Йокинен, отыскавший на свете пятнадцать человек, походивших на него, как шарики одного подшипника один на другой.

Боливуд ощутил прямо-таки второе дыхание. Репутация классиков индийского кинематографа с их немудрящими сюжетами, построенными на подмене двоих близнецов, серьезно пошатнулась в свете новых

возможностей. То же касается и бразильских “мыльных опер”, количество серий в которых сразу подскочило в полтора-два раза. Домохозяйкам приходилось серьёзно работать над собой, чтобы следить за хитросплетениями сюжета.

Некоторые отцы случайно нашли на “Тьме” мужчин, на которых их дети были похожи больше, чем на них самих. Прокатилась волна скандалов с жёнами, экспертиз ДНК и разводов — в пятнадцати процентах случаев биологическими папашами оказывались именно “ходоки”, выявленные на сайте: беременные женщины, по разным причинам не имевшие возможности выйти за тех, кто одарил их счастьем материнства, сознательно или подсознательно искали для брака хотя бы внешне сходные кандидатуры.

Вместе с тем имели место редкие случаи, когда некоторые не могли подобрать себе вообще ни одного двойника. Никто не брался этого объяснить: компьютер показывал стопроцентное сходство всех частей лица, но не стоило даже приглядываться, чтобы понять — они не похожи. Мистика, брак природы. Таких стали называть “люди с неправильными чертами лица”.

Одну такую “неправильную” вытащили как-то на “Лицевой счёт”. Отчаявшись найти хотя бы одного идента, в свои двадцать пять лет эта ненормальная считала жизнь конченной.

— Ведь вы же взрослая женщина, а ведёте себя, как подросток, — пристыдил её находившийся в студии профессор геронтологии Максим Артоболевский. Его часто звали на “Лицевой счёт”: учёный интересно говорил и хорошо выглядел. — А вы знаете, что во Франции, например, давно запретили пересаживать кожные покровы лица? Как думаете, почему? Французы считают, что это неэтично. Не-э-тич-но, понимаете?! Это нарушает право человека на индивидуальность!

Глядя перед собой в одну точку, девушка молча качала головой.

— Да тут гордиться надо, что вы — единственная и неповторимая, ни на кого не похожая! — воздел руки к софитам ведущий Игорь Тихонов. — Ни на одного человека во Вселенной. У вас есть самое дорогое — индивидуальность.

Ему удалось взять гостью за живое: при последних словах она, закрыв лицо руками, по-бабьи разрыдалась:

— А если я не хочу-у-у-у!! Если я ненавижу эту свою проклятую индивидуальность!

Испугавшись, как бы с девушкой чего не случилось, Тихонов обнял её за плечи:

— Воды принесите! — крикнул он ассистентке.

— Простите, ой, неудобно как... — стала приходить в себя “единственная и неповторимая”, сморкаясь в предложенный ведущим комок носового платка. — Но я правда не хочу быть особенной: я хочу как все.

— Вот, дружочки мои! — не удержался Артоболевский. — Мы не заметили, как стали одинаковыми! Реклама предлагает нам одни и те же вещи, телевидение и нынешние книги рекомендуют клишированные мысли и чувства. Мы скоро все станем как один.

— Ну уж это вы загибаете, — возразил Тихонов, картинно поправляя высветленную прядь.

— Да личностей-то не стало! — задвигал густыми бровями геронтолог. — Вы вспомните, раньше около пивнушки каждый алкаш был Демосфен, вещал о высоких материях, его послушать было интересно. А почему?

— Пиво лучше было? — предположил Тихонов.

— Потому что было стыдно не читать хорошие книги, не учиться, не развиваться. А нынче все одноклеточные. Мы раньше стремились выделиться. Я был стилигой, вы поверите? Нас милиция гоняла, а мы всё равно. А сегодня они, — профессор кивнул в сторону героини программы, сидевшей с припухшими розовыми веками, — не знают, что им делать со своей неповторимостью и куда её приткнуть. Они не понимают её ценности, готовы променять на что угодно, лишь бы “как все”. — Артоболевский снова обратился к девушке: — Вам когда-нибудь приходилось слышать, что в мифологии многих народов двойник часто выполняет роль проводника в потустороннее? Нет? В одной из трактовок Каин убил Авеля, узрев в нём своё зеркальное отражение, то есть противоположность. Или возьмите литературу — Дориан Грей, убив своего портретного двойника, тем самым лишил жизни себя самого. Так что не нужно, хорошая моя, так уж рваться навстречу “Тьме”, которая может вас поглотить...

— Я позволю себе перебить вас, — озарился каучуковой улыбкой Тихонов, — у нас — следующий сюжет.

Перезвонив Бузлаеву через неделю, Табашников снова приехал в башню, где прошло его детство. За это время у телевизионщика сложился пошаговый и оттого ещё более пугающий проект. Когда он несмело взялся за частности, они сложились сами собой, как магнитные фигурки детского конструктора — только подтолкни. Успокаивая себя, Женья мысленно повторял: никто ничего не собирается осуществлять — сценаристы не грабят банки. Это просто ребус.

— Пошли порубаем — мамка перед уходом борщев сварила, — пригласил Пашка. — Пупсик, фу! Свои! — отогнал он норовившую укусить Женю за рваную тапку собаку.

— Кто и как контролирует вашу “ГАЗель” в пути, когда вы перевозите деньги? — спросил Табашников, пока Бузлаев наливал в тарелки горячий борщ.

Пашка неосторожно повернулся, уронив с половника на эмаль плиты большую ярко-оранжевую каплю:

— Тебе, этот, зачем всё-таки?

— А мы твой банк обчистим, — буднично произнёс Табашников.

Лицо Пашки неожиданно сделалось ужасно умным, отчего его хозяин стал похож на смышлёного шимпанзе:

— Должен признаться, — выговорил он, — что данная мысль теоретически посещала и меня, но я вынужден был от неё отказаться, поскольку сие, этот, невозможно.

— Почему же-с? — подул на ложку с борщом Табашников.

— Да патаму шта! — сев напротив Жени, Пашка пододвинул к нему дощечку с порезанным крупными ломтями хлебом. — Как ты его собрался обчистить? В чулках на голове? Всем лечь на пол — это ограбление?! Только в кино так бывает! На самом деле там, этот, “тревожных кнопок” как грязи понатыкано: у тебя пяти минут не будет — группа быстрого реагирования прилетит.

— Дурачок ты. Мы зайдём в хранилище и возьмём деньги.

— Да щас! Хранилище — это пуле-лаго-непроницаемый-непробиваемый саркофаг! Вокруг, этот, бетон на три метра — хоть вверх, хоть вниз, хоть вбок. Армированные стены, суперсложные замки, бронированные двери толстые. Туда проникнуть невозможно!

— А мы всё-таки попробуем.

Охваченный неожиданным спортивным интересом, Женя поставил перед собой цель во что бы то ни стало сегодня же переубедить Бузлаева. И чем яростнее Пашка доказывал, тем сильнее пылал Табашников. Начав подначивать инкассатора, он добивался, чтобы тот воздвиг стену повыше.

— Да у нас три уровня безопасности! — стукнул по столу рядом со своей тарелкой Бузлаев. — Ты на одной системе доступа зубы сломаешь, понял? Каждый работник банка имеет, этот, магнитную карточку, по которой проходит только туда, куда ему по должности положено. Положено человеку заходить в кассовый узел — вот он и заходить будет только в кассовый узел, а в серверный центр уже шиш! Даже у самого, этот, директора департамента безопасности нет в хранилище официального доступа! Если ему надо, он звонит и его пропускают, да и то только со служебной целью. И выйти оттуда он сам тоже не может. И везде камеры днём и ночью.

Взяв с блюда крепкий зуб чеснока, Табашников ткнул им в солонку. Ему нравилось сознавать — придуманный им план так хорош, что может свести на нет труд многих умных людей, придумавших всё то, о чём сейчас брызгал слюной Пашка.

— Пашентий, — шепнул Женя, когда Бузлаев начал успокаиваться, — мы элементарно угоним ваш набитый купюрами “бобик”.

— Да что ты говоришь? Хрена-то с два, братка, его угонишь! Некоторые, этот, сильно знаменитые журналисты там у себя на телевидении могут и не знать, что спецавтомобиль, когда везёт деньги, всё время находится в поле зрения дежурной службы инкассации, а водитель по рации постоянно докладывает: мы прошли там-то, едем там-то. Понял, да? А сверху маршрут контролирует спутниковая служба слежения.

— Спу-у-утниковая? — округлил глаза Женя.

— Спу-у-утниковая! И если машина без предупреждения отклонится от маршрута, туда из банка сразу понесётся, этот, вооружённая группа. Так что деться ему просто некуда.

— Дела... — притворно-сокрушённо покачал головой Табашников. Наклонил тарелку, чтобы доесть остатки борща, он увидел на дне веснушчатого мальчугана на трёхколёсном велосипеде. Женя помнил эти тарелки с детства. Какая всё-таки молодец была тётя Люда: бережливая, готовила вкусно, дети у неё всегда ходили отутюженные. Готовить она и поныне не разучилась, но куда уплыло всё остальное?

— Ещё налить? — Пашка облизнул ложку.

— Ну-у... пол-тарелки. — Да ты не расстраивайся, мы всё равно его угоним. Только теперь ты меня послушай. Вся твоя охрана нас сама впустит, сама выпустит, а служба видеонаблюдения всё будет видеть, и ничего не заподозрит. Я подберу идентков, понимаешь? Двойников каждого из вашей инкассаторской бригады. Кроме тебя, конечно: ты будешь их страховать. Мне понадобятся фотографии ваших ребят — анфас и оба профиля.

Пашка поставил перед Табашниковым полную тарелку борща:

— Ты, братка, извини, конечно, но ты гонишь.

— Слушай дальше. Всё произойдёт не завтра и не через месяц. Это большая, сложная работа — подобрать двойников по возможности со стопроцентной похожестью, списаться с ними, расположить к себе, вызвать сюда и, что самое главное, уговорить. Как тебя сейчас. Но и тянуть нельзя: мало ли что там у вас может произойти — уволится кто-нибудь из бригады вашей, и всё насмарку. В общем, надеюсь, к весне.

— Ну-ну, — криво усмехнулся Пашка, но в его тоне чуткий Табашников уловил уже меньше скепсиса. Положив в тарелку ложку сметаны, Женья неторопливо помешал борщ:

— Помнишь, ты говорил, раз в месяц вы обязательно возите сто тысяч евро в какой-то там ваш филиал?

— Ну, возим...

— В этот день иденты придут на работу вместо своих прототипов. Когда наличка будет у вас в спецавтомобиле, вы поедете, как положено отчитываясь по рации. Сколько ехать до этого филиала?

— Где-то час, если без пробок.

— Чудесно. Примерно на полдороге в условленном месте вас будут ждать я на машине. Перегружаем в неё деньги, вы пересаживаетесь — и всё! И пускай дежурная служба инкассации фиксирует отклонение от маршрута, высылают своих бойцов — пока они приедут, мы будем уже далеко. И даже её величество спутниковая служба слежения окажется бесполезной: вот она, "ГАЗель", никуда не убегает, забирайте.

Табашников замолчал, ожидая Пашкиной реакции. Бузлаев молча убирал со стола.

— Блин, — просопел он, — вообще-то, этот, придумано неплохо. Логика есть. Подожди, это получается, нас в машине будет пятеро вместе со мной, да ещё ты шестой. Сто тысяч, этот, евро на шесть человек — по шестнадцать с копейками "косарей" на каждого? Из-за шестнадцати штук весь сыр-бор?

— Не из-за шестнадцати "косарей", а из-за тридцати миллионов евро — по пять миллионов на каждого. Ограбление века.

Вытаращив глаза, Пашка закурил прямо на кухне, чего обычно не делал:

— Где мы их возьмём? Невозможно так подгадать, чтобы, этот, иденты твои пришли на работу именно в тот день, когда мы повезём как раз столько. И ещё, при перевозке тридцати "лимонов" полагается машина сопровождения. Или в неё тоже идентов?

— Нет, так много идентов я не вытяну, — засмеялся Табашников. — Но я продумал и это. Заявка на наличку к вам в головное отделение приходит из филиала, так?

— Так.

— Исходя из чего к вам прикрепляют или не прикрепляют машину сопровождения?

— Смотря какая сумма, я же говорил. Заявка сначала попадает, этот, в управление кассовых операций. Дубликат начальник управления отправляет нашему руководителю службы инкассации. Если сумма большая, руководитель службы инкассации прикрепляет сопровождение.

— Значит, сто тысяч евро вы везёте сами, а тридцать миллионов — с машиной сопровождения?

— Ну ты чё по сто раз переспрашиваешь!

— Я переспрашиваю потому, что здесь любая ерунда может всё испортить.

Женя видел — Пашка начинает проявлять всё большую заинтересованность.

— Теперь о том, где мы возьмём тридцать миллионов. Скажи, кто может на промежуточном этапе изменить в заявке сумму?

Бузлаев уставился на оставшееся со времён дяди Мити панно на стене с изображением цыганистой Юдифи, держащей за космы голову Олоферна:

— Да как раз начальник управления кассовых операций и может. Начальница. Юлия Карловна там такая.

— Это точно?

— Точно, точно. Она и, этот, в бункер потом идёт с одним из трёх ключей — помнишь, я тебе рассказывал: один человек хранилище открыть не может — только трое, и у каждого свой ключ.

— Значит, задача усложняется, и нам понадобится седьмой. — Подойдя к плите, Табашников налил в стакан кипячёной воды из чайника: нелеченый гастрит напомнил о себе тошнотой. — В целом всё будет выглядеть так. Заявка приходит, как положено, со ста тысячами. Этот экземпляр отправляется в службу инкассации и насчёт машины сопровождения никто не заикается. Но в дубликате, предназначенном для работников хранилища, идент этой вашей Юлии, как её там по отчеству, меняет сумму, вам загружают тридцать пять миллионов, и вы без шума и пыли вывозите их с территории банка.

— Слушай, братка, так она тогда может хоть сто “лимонов” там нарисовать.

— Может и двести, — согласился Табашников. — Но сто миллионов сразу вызовут подозрения, а порядка тридцати пяти у вас возят часто, ты сам говорил.

Бузлаев о чём-то задумался.

— Братка, всё это хорошо, иденты и так далее. Но куда ты, этот, настоящих-то девать собираешься?

Женя зевнул:

— Об этом я ещё не думал. Но я придумаю.

— Охренеть! Даже если бы я раньше хоть на минуту задумался о том, чтобы согласиться, то после этого!.. Нет, даже не так, — перебил сам себя Пашка. — Если бы я, этот, хоть на минуту поверил, что ты говоришь серьёзно.

Встав, Женя прошёлся от стола до буфета и обратно:

— Я говорю серьёзно. А что тебя смутило?

— Да то, что за такое ограбление нам пожизненное светит.

— В том-то и дело, что не будет никакого ограбления. — Подойдя к Пашке, Табашников ткнул своим лбом в его. — Ты не забывай, где я работаю. Если нас хлопнут, чего, подчёркиваю, быть просто не может, я скажу, что делал сюжет для “Лицевого счёта”. Да, ни с кем не согласовал. Но я хотел, чтобы получилось реалисти-шоу в полном смысле слова — ни подставок, ни подстраховок, ни заблаговременно посвящённых. Представляешь, какие рейтинги — ограбление банка реалисти!

— Так никто же, этот, снимать не будет.

— А банковские камеры? Твоя хваленая система безопасности?

Пашка недоверчиво посмотрел на Табашникова:

— Это отмазка на случай, если у нас не получится. А если получится?

— Получится — значит, получится. Начнётся расследование. Но идент-тов-то никого не поймают, потому что просто не будут знать, кого ловить.

— А я как? У меня ведь, этот, идента не будет.

— Ты с такими деньжищами спрячешься так далеко, что ни одна ищейка... Будешь на каком-нибудь Таити расслабляться со смазливой мулаткой, мартини пить и в море купаться!

Табашников ставил именно на то, что вину следствие возложит на настоящих инкассаторов. А на кого же ещё? Они получили деньги — деньги пропали. Это была ещё одна безукоризненная грань плана. Нет, пока просто ребуса.

— Видишь, слабых мест нет, — подзадорил Женья, — всё будет весело и беззаботно. Но без тебя ничего не получится.

Пашка побарабанил пальцами по клеёнке стола:

— Братка, ну сам посмотри: мы — и ограбление банка!

— А ты хорошо представляешь себе, что такое пять миллионов евро? Как изменится с ними твоя жизнь? Что ты сможешь на них купить? И не только себе — отца вылечишь в лучшей клинике мира. — Табашников заметил, как сразу изменился Бузлаев. — Кстати, как там дядь Кеша?

— Да как! Хреново, как. Был у него позавчера — но-шпу, этот, горстями хакает.

— Вот ты говорил, что отдал бы ему часть своей печени. А ты думаешь, у тебя внутри такой уж хороший материал? Ты же и куришь, и попиваешь. И с наркотой дело имел. А с такими деньгами тебе и под нож не нужно будет ложиться — купишь отцу новенькую печёнку, от здорового донора.

— И ты думаешь, с банком на самом деле может получиться? — опустил голову Бузлаев.

— Не думаю — уверен. Ну так что?

— Дай мне подумать до завтра.

Табашников не нашёл причин для отказа. Но, не выполнив задачи переломить Пашку этим же вечером, он всё-таки сильно его смутил. А самое интересное, Женья с удивлением поймал себя на том, что, убеждая Бузлаева, сам стал верить в реальность и простоту затеи.

— Слушай, — подумал вслух Женья, — а может, не надо связываться с идентами? Попробовать договориться с самими ребятами-инкассаторами? Дождаться, пока вы повезёте много-много денег и просто с ними уехать?

— И даже не думай! Там семьи, дети, никто на это не подпишется, я ведь знаю их. Опять же риск: все согласятся, а один упрётся — и полетела твоя операция.

Уходя от Пашки, Женья вспомнил:

— Что-то второй раз уже к тебе иду — Илюши во дворах не вижу. Не переехали они?

— Илюша умер, братка.

— Ох ты! Почему?

— Он же ровесник наш, а олигофрены ведь, этот, долго не живут.

Написав на основе богатейшего, предоставленного “Тьмой” материала обширнейшее исследование, профессор Максим Артоболевский вернулся к идее создания новой науки. Основав доктрину на базе геронтологии,

анатомии, антропологии и физиогномики, он назвал её вултологией. Правда, некоторые коллеги профессора долго не признавали вултологию учением самостоятельным, но Артоболевскому удалось доказать завистникам её право на существование. Учёный так аппетитно расписывал свои, будоражащие воображение, эксперименты, что быстро сделался популярным, а многие солидные издания назвали его Человеком года.

— Не в службу, а в дружбу, — попросил как-то Табашникова Мамкин, — я Артоболевского к себе на ток-шоу “Золотые слова” пригласил, а привезти некому. Возьми мою машину, поезжай с водителем, заberi его на факультете международных отношений МГИМО. Очень обяжешь”. И Женя отправился на проспект Вернадского. Приехав с запасом, ждал у полуоткрытой двери аудитории, где профессор читал лекцию.

— ... Египтяне верили, что у каждого человека есть двойник, его внутренний собеседник — Ка, — доносилось до Табашникова. — Египетский иероглиф “Ка” изображается в виде двух простёртых рук и часто трактуется как душа или дух, но смысл его гораздо шире. С этими верованиями связана традиция египтян мумифицировать тело умершего. Они верили, что пока цела мумия, жив и Ка, а значит, через три тысячи лет, когда тело возродится, с ним вернутся все его составные части: жизненная сила Икха, тень Хайбит, душа Ба и духовное тело Саха, о которых мы говорили на прошлом занятии. Ну и, конечно, сам Ка.

Лицом Женя ощущал тепло, сгущающееся в проёме приоткрытой двери. Он с интересом слушал Артоболевского, размахивающего очками, которые держал за дужку.

— Максим Ксенофонович, — подал голос кто-то, невидимый сценаристу, внутри аудитории, — так этот Ка — это как астральное тело у них считалось?

— В том-то и дело, голубчики мои: Ка — не астральное тело, не призрак умершего, а именно его близнец, двойник, которого даже можно было отправлять вместо себя по каким-то важным делам. Но им не суждено было увидеть друг друга: человек мог встретиться со своим Ка только на пороге смерти. И тогда начинало действовать самое главное предназначение Ка — он становился проводником в загробную жизнь. Среди египтян бытовала присказка: “Встретить своего Ка — значит умереть”. Интересную гипотезу выдвинул в своей работе “Царская власть и боги” известный американский востоковед Генри Фрэнкфорт, который в сороковые годы двадцатого века проводил в Египте раскопки. — Взяв со стола книгу, Артоболевский раскрыл заложённую страницу. — Он пишет: “Ка фараона рождается вместе с ним, как его двойник, сопутствует ему, как гений-хранитель в жизни, играет роль его двойника и защитника после смерти. Ка фараона носит характер его жизненной силы”.

Профессор сделал паузу. В тишине Женя услышал, как кто-то из студентов закашлялся.

— Также необходимо было, чтобы Ка всегда мог найти свою земную оболочку и вселиться в неё, — продолжал рассказывать учёный, — только так душа могла чувствовать себя уверенно. Для этого помимо самой мумии в гробницу помещали сделанную с натуры статую умершего, чтобы Ка узнал свой облик. К стати, именно здесь берёт начало знаменитое портретное искусство Египта. Но египетские портреты своеобразны: они предельно точно передают индивидуальные черты, а выражение

лица при этом остаётся до такой степени отвлечённым, что самый искусный физиогномист уйдёт не солоно хлебавши. — Артоболевский засмеялся: — Представляете, какой шок был бы у древних египтян, оказись они сегодня на сайте “Тьма”?

До Жени донёсся несмелый женский голосок:

— Это только мифы, или бывали и на самом деле случаи, когда идент.. извините, двойник уводил на тот свет человека?

Артоболевский пошевелил бровями:

— Могу привести такой относительно свежий пример. Свежий относительно фараонов. В тысяча девятисотом году итальянский король Умберто Первый ехал из Рима в Милан и остановился перекусить в одной забегаловке. А хозяин этой забегаловки оказался его точной копией. Звали его тоже Умберто. В разговоре выяснилось, что родились они с монархом в один и тот же день, и в один и тот же день женились. Мало того, в тот же самый день, когда Умберто Первый вступил на трон, его двойник стал владельцем этой своей харчевни. Король уехал, а на следующий день захотел пригласить трактирщика во дворец. Но оказалось, за несколько часов до этого корчмарь возился с ружьём и нечаянно застрелился. Король сказал: “Надо же, мой двойник уже на небе, а я всё ещё здесь, на земле”. И в этот же день Умберто Первого убили двумя выстрелами в сердце.

— Это правда было? — не поверил тот же несмелый голос.

— Исторический факт, — нацепил на нос очки Артоболевский. — На сегодня занятие окончено.

Когда Табашников с профессором ехали в “Останкино”, Женя сказал:

— Я думаю над вашими словами, и не могу понять — кто же всё-таки считался, если можно так выразиться, главнее — фараон или его Ка?

Артоболевский поудобнее расположился на заднем сиденье машины, пустив под собой винтом чехол.

— Полагаю, каждый фараон рассматривался как своего рода двойник относительно совершенного близнеца. Ка фараона считался мертворождённым и сразу же переходил в потустороннее пространство, поскольку был плацентой фараона. Что любопытно, до сего дня в Уганде у некоторых племён сохранился обычай хоронить плаценту вождя. Есть учёные, которые высказывают гипотезу, что сходный ритуал существовал и в Древнем Египте, но документов, это подтверждающих, до нас не дошло.

Машина остановилась у телецентра, и Артоболевский поспешно выбрался из её пахнущих приторным ароматизатором внутренностей.

Мамкин встретил профессора как старого знакомого.

— Обычно вы меня всё на “Лицевой счёт” приглашаете, — заметил учёный.

— “Золотые слова” — тоже неплохо. Это моё ток-шоу, сам веду, помните, я говорил вам.

— Да-да, я знаю, смотрим.

— Тем более тема будет ваша. Вам ассистенты отправляли вопросы по электронке?

— Спасибо, я получил.

Привычно отдавшись в руки гримёрши, учёный ждал, пока ему уберут глянец со лба. Потом прошёл в студию, где Мамкин показал ему, куда сесть, а парень в толстовке с изображением группы Linkin Park нацепил на лацкан пиджака “петличку”.

— Добрый вечер, — поздоровался в объектив Костя, увидев себя на мониторе после заставки. — Как всегда в это время в эфире ток-шоу “Золотые слова”. Сегодня у нас в гостях не нуждающийся в представлении Максим Артоболевский.

Зрители в студии захлопали.

— Максим Ксенофонович, — сразу взял быка за рога Мамкин, — основанная вами наука вултология вызывает всё больший интерес в мире. Я напому всем, кто нас смотрит, “vultus” по-латыни означает “лицо”, а “logia” — изучение. Пользуясь случаем, хотелось бы узнать о вашей работе из первых рук. Посвятите нас, пожалуйста, в самые-самые свежие ваши исследования.

Артоболевский задумался:

— Дайте подумать, с чего начать...

— Если это возможно, расскажите о том, о чём никому пока не рассказывали, чтобы наши зрители получили, так сказать, эксклюзив.

— Да, хорошо, красавцы мои, — решился Артоболевский. — Как раз недавно у нас начался очень интересный эксперимент. Суть его в следующем. Мы взяли детскую фотографию одного человека почтенного возраста, которому нынче восемьдесят пять, а на фотографии всего десять. И нашли его идента, только не восьмидесятипятилетнего, а точно такого же мальчика десяти лет, как на фото.

— Вы хотите посмотреть, будет ли через семьдесят пять лет лицо мальчика таким же, как сейчас у этого старика? — догадался Мамкин.

— Я-то уже вряд ли смогу это лицезреть, — грустно усмехнулся профессор, — а вот вултологи второй половины двадцать первого столетия — да. Как видите, сиюминутных результатов мы не обещаем. Но это только первая часть исследования. Вторая заключается в том, что мы отыскиали и идента этого сегодняшнего отрока. Вы понимаете, да? Через семьдесят пять лет люди увидят, одинаково ли состарились оба эти мальчика между собой и стали ли они похожи на человека, которому восемьдесят пять сейчас. Я ясно излагаю свою мысль?

— Конечно, конечно. Но если вы сам не надеетесь увидеть результаты своего эксперимента, то хотя бы какие-то прогнозы можете строить на этот счёт?

— Прогнозирование в науке — дело неблагодарное, — попытался уклониться Артоболевский.

— И всё-таки?

— Думаю, что похожесть друг на друга у юношей в течение всей жизни, скорее всего, сохранится, а вот с дедушкой они могут сильно разойтись. Дело в том, что в течение жизни на внешность человека серьёзное влияние оказывают внешние факторы, индивидуальные особенности именно его существования. И если наш старичок прошёл войну, сталинские лагеря, пережил голод, на протяжении многих лет занимался тяжёлым физическим трудом, а двум этим мальчикам, даст Бог, выпадет жизнь без лишений, вряд ли они будут похожи на него в старости.

Мамкин повернулся к зрителям в студии:

— Кажется, к профессору есть вопросы...

К одному из приготовленных ассистентами микрофонов потянулся молодой военный в форме:

— Максим Дормидонтович...

— Ксенофонович, — поправил Мамкин.

— Да, извините. Максим Ксенофонович, а доживут эти ваши мальчишки до таких лет?

— Думаю, доживут. Уровень жизни повышается, и через три четверти века восемьдесят пять даже в нашей многострадальной стране будет считаться средним показателем.

— А, профессор, — краснолицая тётка говорила с нескрываемым желанием поразить окружающих своим неординарным мышлением, — надо ли было огород-то городить — нашли бы двух стариков одинаковых, да их детские фотографии и сравнили!

— Видите ли, — растерялся Артоболевский, — мы пытались поступить, как вы советуете, но, к великому сожалению, карточки, сделанные такое количество лет назад, плохо сохранились и не дают возможности ручаться за чистоту выводов. Зачастую по ним можно сказать — похож-не похож, но для науки “похож-не похож” — не аргумент. Кроме того, для нас большую ценность представляет возможность вести наблюдения за процессом в динамике.

Сидевший в аппаратной Табашников мог наблюдать всю студию целиком сквозь стекло и одновременно разные фрагменты происходящего на мониторах. Время от времени, чтобы лучше слышать, он прикладывал к уху сложенную лодочкой ладонь, особенно когда сторбившийся над пультом режиссёр зычно командовал в микрофон камерами.

— Ну, а ещё? — вернул себе инициативу Мамкин. — Ещё какие-то исследования ведутся под вашим чутким руководством?

— Конечно. Знаете, существует огромное количество фильмов, в которых охвачены большие временные пласты, и герои показаны с детских лет до смертного одра. Естественно, в хороших картинах режиссёры очень тщательно подбирали актёров, играющих одного и того же персонажа в разные периоды жизни, гримёры профессионально искали грим. Но кино есть кино. А всем, конечно, было бы интересно узнать, как состарились бы их любимые герои на самом деле и сравнить это с хорошо известным, киношным вариантом.

Мамкин согласно кивал. Поймав паузу, он ввернул:

— Но это вы, конечно, намеренно приводите примеры, интересные широкому кругу?

— И да, и нет, — голова Артоболевского качнулась наподобие маятника. — Например, мы изучаем родителей идентков — выясняем, похожи ли те, кто произвёл на свет одинаковых людей. Как по-вашему, это интересно всем или только учёным? А возвращаясь к примеру, с которого я начал, скажу, что возрастная изменчивость внешнего облика — одна из черепак, на которых зиждется вултология. И наибольшую трудность представляет как раз сравнение лиц детей, подростков и пожилых людей. Благодаря этому человечество скоро узнает о себе намного больше, чем знало до сего дня. И нет на свете человека, которого бы это не касалось, потому что, извините меня за банальность, все мы рождаемся, взрослеем и стареем. При этом мы представляем весь процесс лишь в общих чертах, потому что даже если бы просидели всю жизнь перед зеркалом, не отрывая от него глаз, то и тогда не смогли бы заметить, как меняется наше лицо.

— А как мы стареем, Максим Ксенофонович? Расскажите! — выкрикнул из гущи сидящих в студии зрителей парень с тремя серёжками в ухе.

— А надо ли? Только пожилых людей понапрасну расстроим.

— Расскажите, — выступила на стороне парня в серёжках седая матрона с высокой причёской. — Кто достойно жил, у того причин расстраиваться нет.

Профессор посмотрел на Мамкина. Костя развёл руками:

— Глас народа...

Артоболевский поёрзал в кожаном кресле с высокой спинкой:

— Что ж, если всем интересно... Давайте эту часовую стрелку, ход которой незаметен глазу, я прокручу вам с увеличенной скоростью. Начнём с головы. Редкие светлые волосы в первые годы нашей жизни сменяются густыми и тёмными. Но уже в каких-нибудь двадцать-двадцать пять лет линия лобного края волос отходит назад из-за их выпадения. Сначала появляются лобные залысины, потом начинается облысение на темени и на затылке. Где-то лет в тридцать пять на висках появляется проседь, и её уже не остановить. Волосы при этом становятся реже и тоньше. Зато они начинают расти в носу и в ушах, а чуть позже и на ушных раковинах. Брови с возрастом становятся лохматыми.

На одном из мониторов Табашников заметил, как при этих словах сидевшую в студии женщину бальзаковского возраста передёрнуло.

— Далее, — говорил Артоболевский. — Если к сорока годам у мужчин завершается образование надбровного рельефа, то к старости лоб сглаживается, а виски западают. Наш нос до тридцати лет увеличивается, а потом его кончик и основание опускаются. Из-за разрастания хрящей нос становится шире и толще. Широкая глазная щель с годами сужается по причине нависания складки верхнего века. После пятидесяти эта складка уже прикрывает наружный угол глаза и к старости истончается. Из-за увеличения глазниц глазные яблоки западают в орбиты, а сами глаза с возрастом светлеют.

В студии раздалось удивлённое вскрикивание. Не обращая внимания, Артоболевский продолжал:

— Длина ротовой щели с возрастом увеличивается, но к старости уменьшается. По мере стирания и потери зубов понижается прикус, а в связи с редукцией жевательного аппарата мышцы рта атрофируются. К шестидесяти толщина губ нередко уменьшается почти в два раза. С выпадением зубов, особенно в верхней челюсти, губы втягиваются.

— И что тогда делать? — подала реплику студия.

— Вставлять зубные протезы, — безжалостно порекомендовал профессор. — К тому же выпадающие зубы обеспечивают выступание и подъём подбородка: специалисты называют его подбородком Бабы-Яги. Ничего не забыл? Ах, да, — ушные раковины! Со временем они у нас удлиняются, а мочка становятся более тонкой и длинной, со складками. Ну и о том, на что денно и ночью работает индустрия косметики — о морщинах. Появившись однажды, они уже не исчезают, а напротив, увеличиваются количественно и качественно. Что я имею в виду? С возрастом морщины завоевывают всё новые области лица, а после сорока увеличиваются в длину и в глубину. Начинают со лба, появляются у глаз, потом около рта, постепенно приходят к ушам, забираются на губы, щёки, подбородок, шею, виски. Это я вам рассказал об изменениях нашего лица в норме. Но дело усугубляют болезни, травмы и операции. Так что берегите себя.

Артоболевский удовлетворённо откинулся на спинку кресла.

— Какую страшную картину вы нам нарисовали, — разлепил губы Мамкин.

Продолжение следует.

Талгат ГАРИПОВ

Кирпичики

(Продолжение цикла)

Мы каждый — больше чем планета,
Пусть меньше их во много раз.
Песчинки мы, мы искры света,
И тьма миров сокрыта в нас.

Что жаждем — не всегда возможно,
Пусть есть и воля, и терпенье.
Часы остановить несложно.
Но как остановить мгновенье?

Многое мы странно понимаем.
Случается нередко ведь и так:
За ветер перемены принимаем
В замочной скважине сквозняк.

Юности беспечной
Беспочвенные грёзы,
Вам вечность обеспечена,
Как и с горчинкой слёзы!

Кому-то это мгновение —
Окно, за которым вечность.
Точка — ведь тоже вселенная:
Сжатая бесконечно.

Двигаясь в ритме столетий,
Взрывом мгновений взлетая,
Жизнь утверждающим светом
Путь во тьме пролагает.

**Талгат
Талипович
ГАРИПОВ**

родился 10 февраля 1955 г. Окончил Казанский университет. По специальности инженер-химик. Член Павлодарского литературного объединения им. П. Васильева. Публиковался в разные годы в сборниках "Радуга над Иртышом", "Магия твёрдых форм и свободы", в журналах "Айдын", "Озарение", в павлодарских изданиях "Звезда Прииртышья", "Новое время", "Наш край", "Павлодарская газета". В "Ниве" впервые напечатался в № 8 за 2008 год (подборка четверостиший "Кирпичики").

Тебе — я знаю — не уняться.
И так порой, что — сам не свой...
Но, сердце, всё-таки не прячься
От серой чёрствости людской.

Зачем же в крайности кидаться?
Так в несусветной суете,
Стремясь на юг, ты оказаться
Вдруг можешь в вечной мерзлоте.

Считаешь — старости топор
Над тобой? Зачем его бояться?
Молодым ты будешь до тех пор,
Пока не перестанешь удивляться.

Одиночество с любовью повстречалось.
Разве этим можно удивить?
Только вот себе, сколь ни пыталось,
Так и не сумело изменить.

Грядущий день для всех один на свете,
Но всем своё несёт алеющий восток:
Едины мы на белом свете,
И в то же время каждый одинок.

Летим пушинкой на ветру.
Несёт нас вдаль помимо воли.
А дует ветер тот не вдруг:
Чтоб дул, мы сами ветры молим!

Смотрю вослед растаявшему эхом,
Лишь в памяти оставившему след...
Как мера грусти, эти жизни веки,
Той грусти, для которой меры нет.

Если б внешний вид чаще
Отмерял счастье людям,
Все мы были бы краше
Кинодив Голливуда.

Чтобы вырезать разом
Зла коварную рать,
Уж не нужно ли разум
У людей отобрать?

Шаги прохожих. Бой часов...
Как метроном, в груди забьётся
Вдруг сердце; время отзовется
Мерой грусти из веков.

Все присущие людям черты
Есть в повадках твоих и моих.
От меня отличаешься ты
Лишь иною пропорцией их.

Героя как-то раз спросили,
Как храбрецом сумел он стать.
— Что храбрый — люди сочинили,
Я лишь пытался оправдать.

Лесть слушать каждый рад,
Коль даже и невнятна.
Ведь знают все, что яд,
Но всё же как приятна!

В стремлении к величию
Для многих нет различия:
Наверх шагать или идти,
Всех принижая на пути.

Легко ли дышится тому,
Кто, гордость позабыв,
Перед начальством гнёт хомут,
Дыханье затаив?

Если почувал миг удачи,
Считая — на крючке она,
Не торопись: не рыба-счастье...
Возможно, там ведро без дна.

На дерево похожа власть:
Непросто каждому взбираться,
Ещё труднее опускаться,
Но как же вниз легко упасть!

Порою как коварна власть:
Ведь если к ней чрезмерна страсть,
То сразу и не различишь,
Что, вверх шагая, вниз летишь.

Точит камень веками вода.
Чем не символ большого терпения?
Но и с ней может выйти беда,
Коль её довести до кипения.

При победах найдётся герой.
Их сверх меры бывает порой.
Порождение темени рока —
Пораженье всегда одиноко.

Не дано наветам сразить
Тех, кто ценит себя, уважает:
Бриллиант даже в грязи
Свою ценность не потеряет.

Иные любят поворчать:
— В тени других так мало света!
Когда же пекло, то — молчат.
Видать — вполне довольны этим.

Стремление делать добро
Порой вызывает участие.
Осыпь-ка всех золотом впрок, —
Добавит ли это им счастья?

В жизни нашей ноликов не счесть.
Пусть малы они, но свойство у них есть:
Часто на порядок рядом с ними
Ближние становятся большими.

Напраслина, одетая в хламиду
Величия, нескромного весьма,
Несёт в себе прикрытую обиду
Природы на контузию ума.

Всех обмануть сумела
Вокруг себя бесспорно,
Назвавшись как-то белой
Вороной, зависть чёрная.

Как был нежен в горшочке росток.
Изумрудный, желанный, красивый
Каждый скромный его лепесток!..
А подрос, оказался крапивой.

В детских мечтах куклы, пла́неры
Во взрослое жаждут одеться.
Но и в океанском лайнере
Есть от кораблика детства.

В объятиях грусти-печали
Глядели наивные мысли
Туда, где их мило встречали
С усмешкой холодные числа.

Порывы юности и мудрости улыбка.
Огонь желаний. Зрелости гранит..
Вглядишься — он нескромные ошибки
В себе песчинками колючими хранит.

Всякий талант — что бриллиант,
И странен вопрос:
— Ему быть иль не быть?
Но среди прочих есть и талант
Чужие таланты бить и губить.

Обманчиво отчасти
Ты, ветреное счастье:
Казалось — на ладошке,
А глянешь — только крошки.

Деньги с наркотиком схожи. —
Можно ль сказать о них горше?
Сколько б их ни было, тоже
Хочется больше и больше.

Стремясь быстрее повзрослеть,
Спешите вы на самом деле
К тому, чтоб с грустью сожалеть
О том, что прежде не успели.

г. Павлодар.

Галина ВИШНЯКОВА

Почему я выбрала папу

Маленькая повесть

*... Мы были юны и красивы,
Любили мы свой жалкий кров,
И нам казался справедливым
Наш мир голодных и рабов...*

Сандро Белогский

Мне приснился сон: будто я нахожусь в каком-то тёмном полуподвальном помещении без окон, со стенами из тёса. Сквозь щели наискосок пробиваются полоски солнечного света, в котором, как рыбки в аквариуме, медленно плавают крошечные пылинки. Я чувствую себя как в западне: окон нет, а дверь высоко. И вдруг сквозь щёлочку замечаю, что по улице идёт отец. Он открывает скрипучую дверь, но в темноте не видит меня. Плача, я пытаюсь дотянуться — обнять его за ноги, и ужасаюсь неестественному холоду, проступающему сквозь старенькие штанины: “Папа, мне сказали, что ты умер...”.

— Доченька... — впервые в жизни я слышу в голосе отца потрясающую нежность...

Просыпаюсь на залитой слезами подушке с чувством невосполнимой утраты. И первая мысль:

“Может быть, известие о смерти отца — только страшный сон? Вот я проснулась, и теперь всё будет как прежде...”.

Но нет! Холодный поезд с белыми махровыми окнами сквозь стылую морозную ночь мчит меня в маленький целинный посёлок на похороны папы.

Я вспоминаю своё безотрадное детство, и айсберг обиды, многие годы дрейфовавший в акватории моей души, начинает медленно таять и проливается на свет божий горячими слезами.

Смерть прощает...

**Галина
Гавриловна
ВИШНЯКОВА**

родилась в посёлке имени Микояна Джетысайского района Южно-Казахстанской области. В 1980 году окончила филологический факультет Казахского государственного университета им. Кирова. Работала в сфере молодёжной политики, в Детском фонде Казахстана, в Министерстве информации и общественного согласия РК, Министерстве образования и науки РК. В настоящее время трудится в АО “РД «КазМунайГаз”. Автор книги “Есть тайна у меня...” Живёт в Астане.

Стихи и рассказы Г. Вишняковой регулярно публикуются в журнале “Нива” с 2000 года.

Мокруша

— Ах ты мокруша! Раздевайся, сегодня ты будешь спать не на матрасе, а на голой кровати! — голос отца звучит так грозно, что я не осмеливаюсь послушаться и начинаю медленно снимать старенькое платье, чулки на резинках и ложусь на холодную металлическую сетку. В доме с утра не топлено, моя кровать стоит у заиндевевшего окна, от которого ужасно дует.

— Нет! Всё снимай! И трусы тоже! Маме надоело стирать твои вонючки! Матрас уже прогнил от твоей мочи! Ты весь дом нам провоняла! Мокруша!

Не поднимая глаз, я обречённо снимаю майку и трусы, медленно складываю вещи на полу у кровати и сворачиваюсь на койке голым клубочком... Мне скоро шесть лет. У меня энурез. Каждое утро я просыпаюсь в мокрой постели и в страхе быть наказанной.

Мой четырёхлетний братик Костик смотрит на меня с осуждением и повторяет вслед за отцом: “Мокруха, мокруха, мокруха”...

От холода и несправедливости меня колотит дрожь, зуб не попадает на зуб... Обидная игра, затеянная отцом, затягивается, я пытаюсь подняться с кровати, но папа за шею всё сильнее прижимает меня к ребристой проволочной сетке, которая больно режет кожу...

— Я тебя воспитаю! Язви тебя в душу! Ты будешь лежать здесь голышом до тех пор, пока не дашь мне честное слово, что больше не будешь мочиться в постель!

Пытаясь вырваться из его больших и недобрых рук и захлёбываясь от боли и обиды, я не знаю, как объяснить взрослому человеку, который знает всё на свете, почему же это происходит со мной, ведь каждый вечер, ложась спать, я мечтаю только об одном — проснуться в сухой постели...

— Честное слово ...

— Что? Я не слышу!

— Больше не буду...

— Ну то-то же! Попробуй мне ещё хоть раз... Всю жизнь будешь спать на голой кровати! Язви тебя...

Сказка

— Мама, расскажи нам сказку!

— Пусть папа вам сказки рассказывает! Мне некогда... — мама раздражённо гремит посудой.

Отец лежит на кровати с закрытыми глазами и изо всех сил борется со сном.

— Папа, расскажи сказку! Ну, расскажи... — канючим мы с братом.

— Ладно, ложитесь, укрывайтесь... — неохотно сдаётся отец, не открывая глаз.

— Мы уже укрылись! — радуясь редкой минуте родительского внимания, мы с Кости́ком устраиваемся удобнее.

— В некотором царстве... Жил-был... Язви его... — не отрывая головы от подушки, начинает своё повествование отец.

— Иван-царевич...

— Ну да... Поехал он ...— сказочник медленно погружается в нирвану дрёмы, пауза затягивается.

— Искать себе невесту! — переглянувшись, в два голоса громко подсказываем мы отцу развитие сюжета.

- А? — пугается папа, вырываясь из объятий Морфея.
— Иван-царевич поехал искать невесту!
— Да... Значит.. Поехал...
— Пап, а потом что?
— Поехал... Поехал... Под Атбасаром машина стала... Гружёная... — отец опять замолкает и... вдруг тихонько всхрипывает...
— А что потом?
— Крестовина, язви её, полетела... Без неё не поедешь... Закрыл машину... И пошёл...
— А дальше?.. — не сдаётся мы.
— Шёл, шёл... Километров... шесть... отмахал...
— Пап, отмахал... А потом?
— Добрался до автобазы... Нашёл... у ребят крестовину, и назад... — бормочет еле внятно наш рассказчик.
— Лучше бы он на коне поехал, конь не ломается... — Костик пытается спасти сказку и изо всех сил трясёт отца за плечо. На мгновение тот открывает ничего не понимающие глаза:
— Кто... не ломается?.. — Ох, язви вас... Когда ж только вы повьрастаете...

Расстрел

- Собирайся, — говорит мне отец, — пойдём со мной!
— Куда?
— Только быстро! Увидишь...
Отец ждать не будет. Торопясь, на босу ногу я надеваю большие мамины валенки, с трудом застёгиваю худенькое пальтецо. Мы выходим на улицу.
— Шагай за мной след в след, а то снег глубокий — провалишься... — отец идёт впереди в распахнутом овечьем полушубке, на плече у него новенькая берданка, в руке на поводке — наша старая чёрная собака неизвестной породы по кличке Кутька. Пёс упирается, с трудом карабкается по глубокому снегу, поскуливая, он то и дело оглядывается на меня. Мы с братом всей душой любим нашего лохматого друга. Он каждый день преданно сидит на улице перед окнами дома — ждёт нас... Сколько в его собачьих глазах ошалелого восторга, когда, пряча от родителей, мы в кармане украдкой выносим ему кусочки сахара. Прежде чем жадно проглотить лакомство, пёс, повизгивая, с благодарностью облизывает тёплым шершавым языком наши руки и щёки...
Любимая игра Кутьки — стащить с руки варежку, потом отбежать в сторону и быстро закопать её в снег. Мы карабкаемся по сугробам, находим рукавичку, откапываем, но собака, улучив момент, успевает ухватить свою добычу у нас из-под носа и во всю прыть несётся её перепрятывать...
— Пап, мы на охоту идём? — на всякий случай уточняю я.
— На охоту, на охоту! — скороговоркой отвечает отец.
За посёлком открывается бескрайняя снежная целина. На фоне ярко-голубого неба снег искрится мириадами таких ослепительных искр, что смотреть на него просто невозможно. Я стараюсь шагать как можно шире, с трудом поспеваю за отцом. Белые хлопья набиваются в широкие голенища валенок и медленно тают, но я не решаюсь остановиться и вытряхнуть снег, потому что боюсь отстать от охотника. Лёгкий морозец пощипывает мои голые ноги — второпях я не успела надеть чулки, руки тоже покраснели от холода — варежки недавно закопал в сугроб Кутька, а я не смогла их отыскать...

Вчера вечером приходила соседка и громко ругалась из-за того, что наш пёс придушил её курицу. Мать с отцом пообещали ей, что разберутся... Но, если папа взял собаку на охоту, значит никаких разборок не будет. Ведь родители прекрасно понимают, что наш добряк не то что курицы, — мухи не обидит. Как он будет охотиться? Если встретит зайца, то наверняка тут же начнёт играть с ним...

— Разве это собака? Перед всяким хвостом машет... Какой с неё сторож? — всегда сердится отец.

— Да у нас и охранять-то нечего! — возражала ему мама. — Забава детям — и то ладно!

— Ну вот... пришли! Стой тут и не двигайся!

Я в недоумении оглядываюсь, на кого же мы будем охотиться? Недалеко наш посёлок, метрах в двадцати — одинокое заиндевевшее дерево. Ни заячьих, ни лисьих, ни волчьих тебе следов...

Отец привязывает к стволу берёзы упирающегося и скулящего пса... Вскидывает ружьё...

До меня доходит весь ужас происходящего...

— Не надо!!! Па-а-а-а-а... — рвётся на части моё маленькое сердце.

Теряя в глубоком снегу валенки и обжигая босые ступни, я со всех ног бросаюсь к собаке...

Выстрел грянул как гром среди ясного неба.

Не успев добежать до Кутьки несколько шагов, я падаю лицом в красный снег...

Мне кажется, что убили меня...

Почему самолёт летает

Из-под машины видны кирзовые сапоги — папа ремонтирует свой старенький "ГАЗик", а мой братишка сидит рядом на корточках — помогает ему.

— Так, а теперь найди мне накидной ключ на двадцать семь! — поступает команда, и Костик безошибочно находит в брезентовой сумке-раскладушке нужный инструмент и подаёт его отцу.

— Ни хрена не подлезть им... Дай-ка рожковый... — из-под машины доносится сопение и пыхтение. Длительная пауза, а потом радостный возглас: — Кажется, подтянул! Скоро она у нас как новенькая бегать будет! Собирай железки, сейчас заводить будем!

Пользуясь хорошим расположением духа нашего родителя, мой братишка задаёт очень важный вопрос, занимающий его в последнее время:

— Пап, а почему самолёты летают?

Сапоги зацарапали каблуками землю и исчезли, из-под машины показалось чумазое лицо, а потом и весь отец.

— Ну, во-первых, у самолёта, как и у машины, есть двигатель, а ещё пропеллер и... плоскость... — как-то не совсем уверенно начал он своё объяснение.

— И?

— Я ж говорю... Мотор работает, пропеллер нагнетает под лопасть воздух... Самолёт разбегается... И пошёл, пошёл, пошёл... — для убедительности рожковым ключом рассказчик продемонстрировал отрыв самолёта от земли и плавную динамику полёта.

— Но...почему же самолёт не падает, ведь он же большой и же-лез-ный!

— Ах, язви тебя! Да воздушная подушка не даёт ему упасть! Понятно?

— П-п-п-одушка?.. — растерянно моргает глазами Костик. В его планы не входит испортить настроение отцу: не очень-то приятно постоянно чувствовать себя досадным недоразумением, которое способно только на то, что осложнять и без того безрадостную жизнь родителей. Смущаясь своей непонятливости и борясь с сомнениями, он, помолчав, всё же решается задать ещё один важный вопрос:

— Пап, а для чего ж тогда нужны самолёту крылья?

— Вот ты... дурило!!! — отец, выпучив глаза, прямо задохнулся от такого глупого вопроса. — Это же и есть — сами плоскостя!

Старая карга

На нашу голову свалилась гостья: из Полтавы приехала папина мама, которую он “за глаза” называл Старой Каргой — “это что-то типа Бабы-Яги, только гораздо зловредней”... Бабушка привезла конфеты, печенье, а ещё пелёнки и всякую всячину для нашей новорождённой малышки.

Отец находится в долгосрочной командировке, и мы встречаем незваную гостью сами.

За одним столом со взрослыми мы пьём чай с невероятно вкусными ирисками и, наострив ушки, слушаем, как бабушка “пилит” маму.

В деревянной качке заливается плачем наша маленькая сестрёнка. Мы уже привыкли к её крику и не обращаем на него никакого внимания. Но Каргу, видно с непривычки, этот противный писк с каждой минутой раздражает всё больше:

— И дэ ж цэ було, шоб дитё, как кошенья, жило два мьсяцу без имьени? — шипит наша гостья, смешно коверкая русские слова.

— Папа сказал, что б мы её Салапетей звали... — пытаюсь я “защитить” родителей.

— Вот дурило! — аж подпрыгнула на табуретке наша гостья.

— Илюша не хотел больше детей... А я чего только ни делала — и тяжести поднимала, и со стула прыгала... Девочка родилась недоношенная. Орёт день и ночь... Он ругался страшно... Потом уехал... В командировку... У меня молоко пропало... Сил никаких уже нет... — обречённо оправдывается мама, крупные прозрачные капли текут по её бледным щекам и падают в кружку с остывшим чаем.

— Илюша ни хотив дитэй... — противным голосом передразнивает маму Карга, морщась, как от зубной боли, от крика нашей безымянной сестрёнки. — “Був дурный, да узав дурновату, воны не знали шо робыть — подпалылы хату”! А ты не знаешь, от чего диты родятся? Не хочитэ детей — предохраняйтэся!

— Не хочет он п-п-п-предохраняться...

— Сто чиртив у его пичёнки! Вин у батьку своёго уродывсь: ни муж, ни батька и ни хозяин... — смягчает грозный тон бабушка. — До тэбэ тры разу був охвициально жинат — дитэй прижив. А сколько раз ни охвициально... Ваших жэнихив война забрала, вот вин тэпирь за усих и отдуваеця! И на цэлыну завербовавсь, шоб от алиментив удрать... Как же ш ты за ёго пишла? Ни бачилы очи, шо куповалы?

— Нет у меня никого... А вы же знаете, какой он бывает, когда хочет кому-нибудь понравиться ... Прилип как банный лист... Не говорил, что женат был... Не пьёт... Не курит... Не бьёт... Не ругается матом... На гармошке играет...

— На гармошке грае... Э-э-э-эх, Салапетя ты Салапетя! — горько вздыхает наша гостья. — Да вин же кохае тилько сэбэ!

— Бабушка Карга, а кто такая Салапетя? — уточняет Костик.

— Это батько твий мэнэ Каргой величае? Ох же ш придумщик! Хто така Салапетя? Да у нашей деривни дурочка одна була полоумна...

Я злюсь на незваную гостью за то, что она, как говорил папа, “точит зуб на нашу семью” — говорит непонятные и обидные слова маме, от которых та плачет горькими слезами; ругает нашего папу, который старается, работает, деньги в командировке зарабатывает...

— Усё! — решительно и грозно проскрипела Карга на своём корявом языке. — Хватэ тут сопли распускаты! Дитё як надрывается... Воно вже грыжу себе накрычало... Сейчас наносимо воды, натопимо грубу, намоемо диток... Потом пиду у контору — усэ разуюзнаю про ёго... кон-ман-ди-ровку... Давнэнько я энтого битюга за кучерявый чуб не тягала!..

Мама с бабушкой быстро растопили печку, наносили из речки и нагрели на плите в больших вёдрах воду, установили корыто.

Не отрывая глаз, мы с братом следили за действиями гостьи. Папа не раз повторял, а мы “мотали себе на ус”, что с бабушкой всегда надо “держат уxo вoстрo”: “Карга — она и есть Карга”!

Вот она осторожно берёт на руки посиневшую от крика безымянную девочку...

— Добралась... — с ужасом шепнул мне Костик.

Но буквально на наших глазах злобная Баба-Яга стала трансформироваться в нормального человека: добрым светом засветились её глаза, смягчились морщинки на загорелом лице и голос стал тихим, ласковым... Но мы, на всякий случай, бдительности не теряем!

— Назвэм дитятко Олею... — заворковала бабушка. — Цэ такэ красивэ имья... Таке добре... Даже если кажешь Олька, оно усэ одно — звучит ласково...

— Нарикаю тэбэ Ольгой! — громко крикнула она прямо в ухо нашей сестрёнке и, перекрестив, осторожно погрузила её в тёплую водичку, на поверхности которой плавали маленькие листочки чистотела, потом стала осторожно мыть кукольное тельце, тихо приговаривая какие-то непонятные слова.

— Мам, что это она делает? — мы с братом буквально впились руками в бортик цинкового корыта, когда Карга, низко наклонившись, стала большими жёлтыми зубами покусывать животик малышки вокруг пупка...

— Загрызёт!!! — ужаснулась я.

— Бабушка так грыжу лечит — “закусывает” ... — успокоила меня мама.

Туто запеленав притихшую вновь наречённую в мягкие пелёнки, наша гостья напоила её из бутылочки с соской тёплым молоком и уложила в качку. Потом в этой же воде вымыла маму, приговаривая:

— Каждое дитятко прийходэ в цей мир со своим шматком хлиба. Ни займай дитей, вони растут долго, а вырастают ох как быстро! У них друга жизнь будэ... Помянэшь потом моё слово, — как видно, бабушка знала о тайных замыслах судьбы — с Олькой ты свой вик доживать будэшь ... А щас лягай и спы!

— Гарный хлопчик! Лобастэнький! Бог ума для ёго не пожалив! У моёго диди уродывсь... Той був знатный атаман в Украине! — приговаривала она, когда мы с ней в четыре руки мыли, а потом укладывали в постель Костика.

— А Ганною тэбэ у мою чисть называлы... Прыдумалы якыйсь энурес... Цэ ж простой спуг... Вылэчу я тэбэ и бильш нихто никола не будэ

займать... — странно, но я начинаю ясно понимать речь, которая ещё совсем недавно так резала мой слух...

В бабушкиных руках жёсткая мочалка, намыленная брусочком невиданного мною до сих пор душистого земляничного мыла, привезённого из далёкой Украины, не дерёт кожу, а мягко скользит по моей спине и по груди, по рукам, пена не жжёт глаза.

— Ты вода очистна, ты очищаешь луга, ты очищаешь бэрэга... — ласковым шёпотом произносила она волшебные слова заговора, поливая меня из старого ковши наговорённой водичкой. — Ты очисти божью рабу Ганну от сглазу, от порчи, от усих хворий...

Повязанные белыми платочками, ошеломлённые добрыми словами и нежными руками бабушки, мы, привыкшие к сосредоточенному молчанию мамы и постоянному раздражению отца, лежали с братом в тёплой, чистой, сухой постели и слушали её грудной голос, проникающий в самое сердце:

— Вы — роднэньки братик и сестрычка. Николы ни ругайтесь, как задержиха с неспустихой, усигда помогайтэ друг дружке...

Я смотрела в усталые бледно-голубые глаза, и мои подозрительность и недоверие постепенно растворялись, таяли, исчезали, как мыльная пена в воде...

То ли "очистна" вода подействовала, то ли волшебные слова, но что-то перевернулось в детской душе... Не зная как выразить переполнявшее меня чувство, всем сердцем я вдруг потянулась к этой большой и сильной женщине, ощутив в ней не только родную кровь, но и впервые в жизни — понимание и надёжную защиту. Прижав к своему лицу горячую морщинистую руку, я прошептала:

— Бабушка, мы больше никогда-никогда не будем называть тебя Каргой!

Утро нового дня я встретила в сухой постели. В доме вкусно пахло жареными пышками. За столом сидели отец, бабушка и мой братишка Костик, они пили чай и о чём-то тихо разговаривали.

Мама и малышка Оля проснулись только к вечеру. Открыв глаза, мама обнаружила, что у неё вновь появилось грудное молоко...

Фаршированная щука

Папа наш вообще-то не пьёт, но выпивает довольно часто. И если "примет на грудь" граммов двести водочки, то засыпает тут же, за столом. Наша маленькая, худенькая мама каким-то непонятным образом доставляет его из гостей домой, раздевает, укладывает в постель, укрывает.

Выспавшись, часов в пять утра отец начинает будить нас всех по очереди своими вопросами:

— Когда я вчера пришёл? Не помню ни гада... Кто меня привёл? Вот вы паразиты! Спите... Батька вас кормит, поит, воспитывает, а вы ему отвечать не хотите... Язви вас в душу...

Сегодня мама приволокла отца, но ему не спится. Он стонет, мечется, ахает, охает...

— Может, тебе водички подать? — беспокоится мама.

— Нет... Не надо...

Отец пытается встать, но пол уплывает у него из-под ног, тошнота подступает к самому горлу, кружится потолок ...

— Может, рассольчику?

— Умираю... — стонет он, — прощайте все...Э-э-э-х! Не довелось мне порадоваться жизни...

— Давай промоем желудок? — пытается спасти “умирающего” мама. — Промывание хорошо помогает!

— Э-э-э-х! Салапетя ты Салапетя... Какое промывание? Я что, каждый день фаршированную щуку ем? Язви тебя в душу!..

Забыл

Сегодня замечательный день: за то, что я помогала маме присматривать за младшей сестрёнкой, отец взял меня с собой в командировку!

Мы выехали из дома ещё затемно. Первыми загрузились в поле у новенького комбайна “Нива” и часа через полтора тряски по целинному бездорожью наш, выдавший виды “ГАЗ-54” прибыл на пыльный ток. Под длинным красным транспарантом “Дадим стране миллиард пудов целинного хлеба!” возвышались золотистые барханы пшеницы. Папа раскрыл борта, и весёлые девчата в выгоревших ситцевых платьях и белых платочках, повязанных так, что видны были только одни глаза, ловко орудуя деревянными лопатами, быстро разгрузили машину. При этом они что-то задиристо кричали моему отцу, от чего его пасмурное настроение сразу заметно улучшилось.

— Сейчас заедем в одно местечко — позавтракаем...

И вот уже наша машина несётся по буеракам какого-то посёлка и останавливается у утопающего в зелени небольшого домика. Во дворе, приветливо помахивая хвостом, нас встречает большая серая овчарка, и мы без стука открываем дверь.

— Ну здорово, Ваня! — громко и нарочито весело приветствует папа мальчишку лет десяти.

— Явился — не запылится... — ворчит себе под нос мальчуган. Он явно недоволен появлением незваных гостей.

— Где мать? — “не замечает” его неудовольствия отец.

— Где... Где... На работе!

— Я быстренько смоюсь к ней... — кивает мне папа и, весело насвистывая, скрывается за дверью.

Мальчишка нарочито старательно застёгивает стоптанные сандалии неопределённого цвета и, не глядя в мою сторону, бурчит:

— Мне к бабушке надо! Уходи отседова!..

Лавочки у дома нет, присесть негде. Собака, ещё несколько минут назад радовавшаяся нашему появлению, теперь грозно лает на меня из-за штакетника. Ничего не остаётся, как пересечь улицу и, зайдя за угол соседского сарая, мазанного грязно-жёлтой глиной, ждать появления отца. Передо мной небольшой пустырь, в центре его — водяная колонка, рядом с ней — огромная лужа, в которой плещется целая колония домашних уток.

К колонке подходят люди, в основном женщины, с любопытством поглядывая на меня, они наполняют вёдра водой...

За пустырём — небольшой детский садик с зелёным двориком, во дворе шумно играет нарядная детвора...

Время идёт, а отца всё нет ... Вот уже воспитательница в белом халате увела ребятшек в здание. “На обед, наверное...” — сглотнув слюну, с тоской подумала я.

Августовское солнце любознательно повернуло ко мне свой жаркий лик. Шершавая стена сарая стала горячей. Я уже различаю уток, плещущихся в луже. От многочасового стояния ужасно гудят ноги. Пересохло во рту. Но я не двигаюсь с места — боюсь пропустить появление папы...

Вначале казалось, что он вот-вот появится... Потом всё острее стала нарастать тревога: может, с ним что-то случилось? Тревогу сменил леденящий страх: меня бросили... Как теперь я найду наш дом, маму, Костика и маленькую Ольку? От всевозрастающей обиды, звеневшей во мне тугой натянутой струной всё громче и громче, я потеряла счёт времени...

“Хочу домой!” — кричала каждая клеточка моего маленького тела. Во двор детского садика опять вышли играть ребятишки, потом стали появляться взрослые и уводить их домой. Домой шли коровы с пастбища. Домой, вперевалячку, утопая в пыли коралловыми лапками, потопали утки. Домой несли женщины вёдра с водой...

С каким нескрываемым любопытством и сочувствием смотрели они на меня! Вот остановилась одна, другая, третья... Незаметно у сарая собралась взволнованная толпа. Люди задавали мне вопросы, но во мне всё словно оцепенело...

— Она, наверное, немая... — решили тётки.

— Я видела, она с утра тут стоит..

— Подкидыш...

— Худая какая... Может, глисты у нее?

— Ойбай... бишара бала...

— В милицию её сдать — пусть разбираются!

— Маруся Светличная хочет себе девочку из детского дома взять...

— У ний у прошлом рики дивчина утопла... Можэ, возмэ цю дытыну? Послали кого-то за Марусей.

Смеркалось. Вот уже засветились мягким жёлтым светом окна, но в доме, где оставил меня отец, так никто и не появился...

Впереди ночь. В темноте, в незнакомом посёлке, у чужого сарая стоять страшно...

Ждать тяжело, но в ожидании есть надежда... А осознавать, что тебя бросили... Казалось, пережить это невозможно... Но я здесь, дышу, гулко стучит моё сердце...

“Раз так... — обречённо решила я, — пойду жить к Марусе...” — и почувствовала, как больно царапнув изнутри, вдруг лопнула во мне та звенящая, напряжённо-тугая струна...

Стало тихо-тихо...

Как в странном сне склонились надо мной сострадательные лица женщин, тихо закачалась тёмная вода в вёдрах, медленно и безучастно поплыл по широкой сельской улице белый свет фар...

— Собрала толпу! Язви тебя... — отец больно рванул меня за руку. — Расселась тут! Поднимайся! Быстро в машину! Позоришь отца... Я ж просто забыл про тебя...

Культурное мероприятие

Сегодня у Костика день рождения. Мы ещё пребываем в счастливом неведении, что рядом с нашим существует параллельный мир, в котором наличествуют целые церемонии празднования памятных дат со свечами, тортом, поздравлениями, подарками, фейерверками и прочей торжественной атрибутикой...

А в нашем мире мама зарубила петуха и приготовила Костины любимые галушки.

Мы сидим за столом, и папа делит между нами мясо, как всегда, “по алфавиту”: Ганна — имя на букву “Г”, значит, мне достаётся варёная голова,

с клювом, закрытыми глазами и гребешком. Голова наводит на меня уныние, но отец быстро восстанавливает порядок: “Не нравится — марш из-за стола!”. Перспектива остаться без ужина меня не привлекает, и я начинаю медленно выковыривать маленькие вкусные кусочки из куриной шейки.

Костику перепадают крылышки.

Ольке с именем повезло больше — в её тарелке красуется окорочок.

Мама мясо не любит, она ест только суп.

Остальные части петуха достаются отцу.

“Принцип алфавита” нерушим, не обсуждаем, применяется он также при дележе мяса водоплавающей птицы — гуся или утки...

“Под петуха” отец выпивает за здоровье сыночка водочки, и его душа требует праздника. Многозначительно глянув на маму, он торжественно объявляет:

— Тут некоторые гражданочки проявляют недовольство, что я мало занимаюсь воспитанием детей... Так вот, язви вас, сегодня мы будем проводить культурное мероприятие — разучим песню! Мы — люди рабочие, поэтому и песня у нас будет про детей рабочих!

Маленький отряд во главе с именинником, во всё горло, с энтузиазмом, раз пятьдесят подряд прокричал:

Взвейтесь кострами синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих!

Близится эра светлых годов!

Клич пионера: “Всегда будь готов!”.

Клич у нас получался особенно жизнеутверждающе.

Папа принял ещё стаканчик “Московской”, и наше культурное воспитание решено было “углубить методом украшения песни физкультурными номерами и акробатическими этюдами”. В тесной комнатке с физическими упражнениями возникли сложности, поэтому наш отряд, в едином порыве, не одеваясь, через заснеженный двор двинулся в сарай.

Под аккорды гармошки “Беларусь”, кудахтанье кур, гогот гусей, беспокойное метание и визг ошалелого кабанчика Борьки, печатным шагом топчя навоз, маршем носились мы по сараю и, не жалея связок, неистово горланили торжественный гимн. По папиной команде “Делай раз!”, “Делай два!”, “Делай три!” выполняли прыжки, приседания и наклоны... Но потом пришла мама и остановила наш воодушевлённый порыв:

— Нахватались тут культуры, как собаки блох... Марш в дом, а то простываете, а мне потом возись с вами...

Ночью отец то и дело просыпался от нашего кашля:

— Прекратите бухкать! Кому я сказал?

Костик, Ольга и я, стараясь не раздражать папу, давясь кашлем, прятали лица в горячие подушки...

Утро следующего дня мы встретили высокой температурой.

“Как я провёл лето”

В начале каникул отец пообещал, если мы сделаем саманы для строительства крольчатника, он перед школой свозит нас в зоопарк.

Пришлось стараться изо всех сил. С вечера в специальной яме мы замачивали, а потом босыми ногам месили вязкую жёлтую глину с соломой. С восходом солнца начиналось наше трудовое утро: плотно, чтобы не

было пустот, руками набивали тяжёлой массой саманный станок — невысокий ящик с перегородками, предварительно смоченный в воде и посыпанный пеком. Потом, помогая друг другу, за верёвку тащили его от ямы на полянку, где рядочками сохли уже готовые кирпичики. Но притащить ящик — это только полдела. Главное — нужно было осторожно выбить из него три ровных мокрых прямоугольника.

Высохшие на солнце саманы мы складывали в высокие пирамидки, потом подносили строителям. Работа занимала много времени и сил, на наших руках и ногах красовались красивые цыпки, носы облупились под палящим солнцем, рыжие волосы стали огненными, но мы не обращали на такие пустяки внимания, ведь впереди нас ждала удивительная награда — поездка в город! А там: газ-вода, мороженое и, главное, — зоопарк!

Предстоящая поездка была основной темой всех наших разговоров. Мы так мечтали о ней, что порой уже начинало казаться, что где-то в далёком городе, в прохладных вольерах звери уже ждут нас...

И вот, наконец, сарай готов, в нём установлены клетки, в которых поселились маленькие пушистые обитатели — кролики.

— Папа, до школы остаётся всего три дня, когда же мы поедем в зоопарк? — я начинаю наступление по предварительному сговору с братом и сестрёнкой. — Ты же обещал нам!

— У меня выходной! До города на автобусе трястись сто восемьдесят шесть километров! Дорога разбитая, сплошные объезды... Какой там зоопарк... Баловство это всё... Ваш зоопарк теперь в крольчатнике!

— Папа, нам было трудно, но мы выполнили своё обещание, теперь ты выполняй своё! — с энтузиазмом, но без всякой надежды, поддержал меня Костик. — Мы же ни разу в жизни не были в зоопарке!

— Так и детство пройдёт... — вздыхает Оля.

— На следующее лето поедем... — как от назойливых мух отмахивается от нас отец.

— Каждый год в школе мы пишем сочинение на тему: “Как я провёл лето”. Все будут рассказывать о том, как отдыхали в пионерском лагере, гостили у бабушки или побывали где-нибудь на экскурсии... — Я пускаю в ход “тяжёлую артиллерию”. — Вот я возьму и напишу, что ты пообещал поездку в зоопарк, а сам обманул нас! Имей в виду, мои сочинения учительница всегда читает перед классом!

— И я тоже напишу! — у Костики от обиды звенит голос. — Пусть все знают!

— Ну, язви вас в душу... Ладно... — не устоял перед “шантажом” и неожиданно сдался отец. — Завтра подъём в пять утра! Если проспите — никуда не поедем!

— Держитесь вместе, если кто-нибудь из вас потеряется, искать не буду! — при входе в зоопарк кратенько “проинструктировал” нас папа, и мы, всё ещё не веря своему счастью, примкнули к одной из экскурсионных групп.

Люди, пришедшие в зоопарк, были нарядно одеты, ни у кого из детей не было красных цыпок на руках и ногах, а также облезших носов. Им наверняка не пришлось всё лето делать саманы, чтобы попасть сюда. Группа вначале неодобрительно оглядывалась на трёх “краснокожих индейцев”, примкнувших к экскурсии без оплаты, но потом интересный рассказ пожилого экскурсовода так увлёк всех, что нас просто перестали замечать. Плечо к плечу, с горящими от любопытства глазами, мы неотступно буквально по пятам

следовали за группой. Я старательно записывала в новую тетрадку интересную информацию, которая потом может пригодиться для сочинения.

“Организовав” таким образом для нас экскурсию, папа держался чуть в стороне и всем своим видом показывал, что к “индейцам” он никакого отношения не имеет.

Впервые в жизни не на картинке, а вживую, мы видели настоящего пятнистого жирафа, австралийского кенгуру, гривастого царя зверей — льва... Белые медведи оказались совсем не белыми, а грязно-жёлтыми, изнывающими от жары в вольере у маленького бассейна с зеленоватомутной водой. Высунув от жары язык и растянувшись во всю длину, тяжело дыша, страдала от жары полосатая тигрица — самая крупная и сильная кошка на свете. Всех развеселила огромная мама-горилла, которая, не обращая ни на кого внимания, старательно искала блох в густой шерсти своего беспокойного детёныша.

— Гориллы — это крупные и миролюбивые обезьяны, они питаются только растительной пищей и принадлежат к семейству приматов, — рассказывал старичок-экскурсовод, который оказался учёным-зоологом, подрабатывающим в зоопарке консультациями и экскурсиями. — Приматы — самые умные среди всех животных. К ним относятся различные виды обезьян и люди...

— И... люди? — ахнул наш папа — Язви ж тебя в душу!.. — он теперь держался поближе к экскурсоводу и время от времени о чём-то шёпотом расспрашивал старичка.

— А это молодой слон Джонни, — экскурсия остановилась у вольера с небольшим одиноким слоном. — Он — артист цирка, приехал в наш город на гастроли из Индии, а его хозяин-дрессировщик заболел и сейчас находится в больнице на излечении. Скоро он поправится, и Джонни опять вернётся в цирк...

Слон, словно понимая, что речь идёт о нём, приблизился к решётке вольера и стал кланяться нам громадной головой. Колыхались его огромные шелковистые серые уши с тёмными прожилками, длинный гофрированный хобот касался земли, а в маленьких влажных глазках светилось озорство. Все зааплодировали артисту цирка.

— В слоновьем хоботе около сорока тысяч мышц, — продолжал экскурсовод, — он им пользуется как рукой, а заодно и дышит, и пьёт, и нюхает, и трубит!

Неожиданно Джонни просунул свою руку-нос сквозь решётку и стал обнюхивать нашего отца, который стоял ближе всех к вольеру. Все замерли. Папа перестал дышать...

— Притворитесь покойником! — посоветовал ему кто-то из группы.

— Не волнуйтесь, — сказал учёный-экскурсовод. — Маленькими шагами отступайте назад...

Но растерявшийся экскурсант не мог двинуться с места. Мы не успели моргнуть глазом, как артист цирка забрался своим длинным хоботом в нашу чёрную брезентовую сумку, которая была в руках у ошолобеневшего папы, пошарил в ней всеми своими сорока тысячами мышц, достал большое красное яблоко, ловким движением отправил его себе в маленький клыкастый ротик... И вновь потянулся к сумке...

Все смеялись и аплодировали, глядя как Джонни поедает наш фруктово-овощной обед на четыре персоны. Опустошив сумку, он поднялся на задние ноги, демонстрируя нам своё слоновье величие, и громко затрубил...

Экскурсовод что-то тихо говорил нашему, ошалевшему от всеобщего внимания отцу, а тот потрясённо качал головой:

— Ах, язви ж его в душу!.. Ах, язви...

Уставшие, голодные, но вполне счастливые, едва успев на последний рейс, возвращались мы домой, трясаясь в стареньком пыльном и переполненном автобусе. Место нам досталось только одно — папе. Но что такое три часа стояния на ногах, по сравнению с новыми ошеломляющими впечатлениями, украсившими этот незабываемо счастливый день нашего детства!

Папа подробно рассказывал сидевшему рядом мужику с осоловевшим взглядом про Джонни, сосед молча и сосредоточенно кивал.

— Вот как ты думаешь, какого размера у слона... — папа наклонился и что-то доверительно зашептал ему на ухо.

— Ну, наверняка сантиметров.... Пятьдесят-шестьдесят? — встряхнулся мужик.

— Эх ты, дурило! Слон же самое большое сухопутное животное на земном шаре! — блеснул эрудицией наш отец и заговорщически подмигнул нам.

— Ну, ничё се! Тогда... может... метр?

— Нет! В рабочем состоянии у него... — рассказчик сделал паузу и многозначительно понизил голос, — пол-то-ра мет-ра!

— Не может быть! — ошарашенно икнул сосед.

— Может... Язви его...

Тяжёлая техника

— Всё! В этом году мы не будем копать огород! — несказанно обрадовал нас отец. — На это есть тяжёлая техника! Договорюсь за бутылку, загоним трактор — он за час нам всё вспашет. А мы потом грабелями разровняем, посеем и станем ждать урожая!

Мама увещевала, уговаривала отца, что этого делать ни в коем случае нельзя, потому что на суглинке плодородный слой нарастает годами сантиметр за сантиметром, что тяжёлый трактор погубит землю, а плуг, даже если поставить его на минимальную глубину, вывернет и поднимет наверх почву, на которой даже картошка родить не будет.. Упрекала в прошлогоднем агрономическом эксперименте, когда папа “утробил” наш молодой сад: надев на голову противогаз, достал из выгребной ямы туалета несколько ведер фекалий, развёл их водой и обильно “удобрил” молодые яблоневые и вишнёвые деревья. Через неделю наш садик, набравший первоцвет, засох...

Но переубеждать автора оригинального проекта было всё равно, что чихать рядом со слоном. Папа оставался непреклонным:

— Во-во... Заодно трактор и засохшие деревья выкорчует!

Подвыпивший тракторист выкорчёвывать деревья не стал, он направил на них железную машину, тяжёлыми гусеницами подмял и впечатал в землю тонкие стволы. Мы, ещё недавно радовавшиеся тому, что этой весной не надо будет копать бесконечные огородные грядки, теперь, примолкнув, с сомнением и тревогой смотрели, как, громко тарахтя, стальное чудовище тащило по нашему огороду плуг, нарезавший вздыбленные, гладкие и блестящие глиняные волны...

Мама тихо плакала.

Отец невозмутимо приступил к следующему этапу своего проекта — попробовал разбить фрагмент одной из “волн” граблями. С возрастающей яростью и ожесточением он колотил граблями по вывернутой земле, острые зубцы впились в почву, но дальше дело не шло. Грабли не боронили...

Потом автор проекта заставил и нас разбивать пласты. Мы выбивались из сил, на ладонях вырастали и лопались кровавые мозоли, но почва не поддавалась, ломались и тяпки, и грабли, и лопаты...

В сумерках наш огород напоминал лежбище мёртвых котиков.

Уставшие, опустошённые, понунив головы, молча шли мы домой. Отец решил подбодрить нас, поделившись своей новой "идеей":

— Язви его в душу, этот огород... Завтра за бутылку договорюсь с трактористом, чтоб прошёлся несколько раз бороной, а мы потом удобрим всё селитрой и посеем клевер для кроликов...

Тарзан

— Иди за отцом, — сказала мама, — ушёл к своему другу Ваське и пропал... Напьётся там, а мне тащи его потом на себе... А ему утром в рейс!

Пришлось мне топать в другой конец посёлка.

Дружки сидели за столом и пили пиво. Моё появление папу не обрадовало:

— Мать за мной прислала? Язви её в душу, эту Каргу! Ладно, ступай, я тебя догоню сейчас...

С чувством исполненного долга, не торопясь, я шла домой. Путь хотя и не близкий, но тропинка знакомая, каждый кустик приметен, папа вот-вот догонит меня...

Вдруг я услышала шорох... Откуда ни возьмись, передо мной, как из-под земли, выросла страшная псина. Гремя обрывком цепи, сверкая фосфорно-зелёными огоньками глаз и угрожающе рыча, чудовище двигалось на меня... У меня похолодело в животе, ноги стали ватными, сердце застучало как набат...

От собаки убежать нельзя, в любом случае настигнет, и тогда пощады не жди! Не спуская глаз с клыкастой пасти, холодея от страха, я присела, шаря по земле руками и пытаясь найти хоть какой-нибудь камень или палку, но ничего не попадалось... Защищаться было нечем. Оставалось одно — продержаться до появления отца. Он наверняка уже идёт следом... Если закричать — услышит и поспешит на помощь...

— Па-а-а-а-а-па! Па-а-а-а-а-а-па! — заорала я не своим голосом и замахнулась на собаку рукой ...

Псина, гремя цепью, отпрянула... Я успела сделать маленький шаг назад... Но клыкастая морда тут же опять возникла передо мной.

— Па-а-а-а-а-па!

Со злобным рычанием чудище пыталось ухватить меня за ноги... Вот уже затрещал подол платья...

— Па-а-а-а, — теряя надежду, я призывала на помощь отца, уже еле сипя, замахиваясь на пса из последних сил... Он на мгновение отскакивал, но тут же бросался ко мне с ещё большим остервенением.

Казалось, это никогда не кончится...

— Тарзан!!! Тарзан!!! — вдруг послышался из темноты громкий женский голос, и псина, гремя цепью, метнулась на зов. — Эй, ты! Убегай скорей! Я держу его!

Я мчалась быстрее ветра...

— И чё ты орала там как ненормальная? Язви тебя... — встретил меня дома отец недовольным ворчанием. В синих семейных трусах он сидел на маленьком стульчике перед тазом с водой — собирался мыть ноги...

Притча

Папа приехал домой поздно ночью, шумно раздевается, роняет стулья, громко топает, недовольно ворчит:

— Жена называется... Грязные сапоги не может снять с мужа... Язви тебя... Другая бы мне ноги мыла и воду пила... Ни кожи, ни рожи... Нет от тебя никакой чести... Сто чертей тебе в печёнки... Карга старая...

Наконец он утомился, и я тронула за руку нашу маленькую, худенькую и всегда виновато-молчаливую маму, сидевшую в темноте на краешке моей кровати и ждавшую, когда же отец уснёт покрепче, чтобы лечь с ним рядом в супружескую постель.

— Сколько можно так мучиться? Давай разойдёмся с ним! Он уже пятнадцать лет унижает тебя... — я первый раз в жизни заговорила на эту тему, и моя всегда сосредоточенно-молчаливая мама вдруг разговорилась... Это было так странно и так удивительно...

— Т-с-с-с-с! Все так живут...

— Не все, мама!

— У детей должен быть отец... Ты потом это поймёшь... В жизни всё просто — бери и носи свой крест... — в мамином голосе звучала обречённость.

— Какой крест?.. Человек должен мечтать и стремиться к своей мечте!

— Всё правильно... У вас мечты, а у меня — крест... Есть одна история, её мне ещё мама моя рассказывала...

Под громкий храп отца она стала рассказывать мне притчу о том, как два путника искали землю обетованную, и каждый из них нёс на плече крест своей судьбы...

Один — нёс тяжелую ношу и не роптал, а второй — всё время останавливался, отдыхал, ворчал на то, что ему тяжело, и в конце концов взмолился: "Господи! Разреши мне облегчить груз!". Бог внял его мольбе и разрешил отпилить кусочек от деревянного креста. И пошли путники дальше.

Шли они, шли... Солнце палит, пить хочется, а заветная цель ещё так далеко...

И опять взмолился второй путник — попросил разрешения отпилить ещё кусок. И опять внял Бог его просьбе. И путники продолжили свой путь. Острые камни резали ноги, тяжёлая ноша гнула к земле...

И в третий раз не выдержал путник — в третий раз попросил Господа помочь ему. И в третий раз тот внял его словам...

Долго ли, коротко ли шли наши странники, но наконец увидели обетованную землю. Там в реках текла хрустальная вода, над сочной и зелёной травой порхали удивительной красоты бабочки, а на деревьях пели птицы и спели большие красные яблоки...

До желанной цели рукой подать, нужно только преодолеть последнее препятствие — глубокую пропасть... Первый путник тут же перебросил через неё свой крест и по нему, как по мостику, легко перебрался к заветной цели.

Второй тоже бросил свою ношу, но его крест упал в пропасть, потому что оказался очень коротким...

— Мам, ты хочешь сказать, что всю жизнь будешь его терпеть?

— Буду... пока сил хватит... Надо поставить вас на ноги...

Почему я выбрала папу

Жизнь в столице и учёба в университете казались мне раем. Нравилось мне и общежитие, где у меня были свой уголок, кровать, тумбочка и, главное, моя соседка Аля, с которой мы подружились со дня знакомства. Я

восхищалась своей новой подругой. Она, городская девочка из семьи военнослужащих, неизменно приходила ко мне на выручку во всех житейских ситуациях, случающихся с человеком, который, как говорится, слаще репки в своей жизни ничего не едал...

Мне, с молоком матери впитавшей простую житейскую истину о том, что в этой суровой жизни нужно надеяться на себя и рассчитывать только на свои силы, самым потрясающим открытием, перевернувшим представление о целом мире, была дружба с этой хрупкой, доброй и деликатной девушкой.

Как-то незаметно я научилась смеяться, перестала вздрагивать от громкого голоса или стука, уже не боялась кашлять — никто не приказывал мне: "Прекрати бухкать!". Я сама решала идти мне в кино или в библиотеку. И, главное, я могла не прятась читать! Читать всласть, запоем, ночь напролёт... Тугая пружина неуверенности и незащищённости, с детства вживлённая в мой позвоночник, стала потихоньку выпрямляться...

Как-то однажды мне в руки попал популярный женский журнал, в котором я обнаружила интересную теорию о том, что дети, вернее, души детей, ещё будучи в Космосе, сами выбирают себе родителей...

Реально понимая, что это лишь чудная фантазия экзальтированной дамы-звездочки, я почему-то всерьёз разволновалась и не на шутку была озабочена поисками ответа на вопрос: почему же я выбрала своего папу?

Понятно, когда дети выбирают семьи, в которых их будут любить... Но ведь на свете сколько угодно людей, которым быть родителями вообще противопоказано. Почему выбирают их?

Теория не шла у меня из головы. Она, как мышка, лишь только я оставалась одна, тихонько выбиралась из какой-то своей потайной норки и начинала подтачивать мои мысли...

С мамой всё понятно... А вот отец... Может быть, это был лучший вариант среди предложенных судьбой, а моей душе очень сильно хотелось на Землю? Или я наперёд знала, что в составленный природой экспериментальный генный коктейль самого сладкого и бесценного напитка на свете под названием "Жизнь" необходимо было добавить щепотку экзотики и эксцентричности от моего папы, язви его в душу?

Наверняка должна существовать очень веская и серьёзная причина, объясняющая мой выбор! Но какая?

Шли день за днём, я искала, но не находила ответа ...

Однажды вечером мы с Алей сидели в комнате общежития на старых скрипучих кроватях напротив друг друга, готовились к зачёту по творчеству Льва Толстого и говорили о романе "Анна Каренина", который начинался словами: "Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему"...

Слово за слово, и я решила показать журнал своей подруге. К моему удивлению, умница и отличница Аля отнеслась к заинтересовавшей меня теории с большим вниманием...

Это был вечер откровений. Я, никогда и никого не пускавшая в свою душу, рассказывала ей о своих родителях.

Она мне — о своей семье, о папе, который два года назад трагически погиб в автомобильной катастрофе.

— Мы так дружно жили... мама, папа, мой старший брат и я, — рассказывала Аля. — Мне сейчас очень жаль, что я, когда подросла, не записала сказки, которые придумывал мне отец. Нет, в них не было ни Василис Премудрых, ни Кошечев Бессмертных, ни Иванушек-дурачков. В папиных сказках ссорились и всегда мирились правая и левая туфельки,

косички и расчёска, моя новая кукла Катя, которую я постригла наголо в день покупки, разбросанные игрушки, оставшиеся мёрзнуть на полу, и даже моё небрежно брошенное платьице, которое, как и игрушки, свято верит в то, что у них хорошая и добрая хозяйшюшка... И как только, поцеловав меня, папа уходил из моей спальни, я пристыженно сползала с кровати, убирала всё на место, шептала Кате, что я остригла ей волосы исключительно для того, чтоб они росли погуще, укладывала её рядом с собой, и... как облегчённо, с чувством исполненного долга, засыпала я после этого!

А в первом классе моим родителям сказали: "Какая у вас удивительно развитая девочка! Она не только прекрасно читает и считает, она так интересно умеет рассказывать об обычных предметах!". А это во мне было от отца...

И к нашей маме мы относились с особенной нежностью. Она теперь говорит, что это папина любовь к ней, его каждодневное "Правда же, наша мамочка самая лучшая?" заставляли и нас видеть в ней самую-самую...

Аля надолго замолчала, я боялась шевельнуться, чтобы не вспугнуть её сокровенные чувства, связанные с воспоминаниями.

Сумерки вошли в нашу комнату, но зажигать свет не хотелось.

— Знаешь, там, в Космосе, я выбрала себе самого замечательного отца на свете! — нарушила молчание моя подруга. — Теперь его нет... Но всегда, в самые трудные минуты своей жизни, я вспоминаю какие-то, вроде даже совсем незначительные события детства, связанные с ним, и его любовь живет во мне, греет душу, помогает преодолеть все преграды и беды... Я стараюсь жить так, чтобы соответствовать его любви...

А ещё... Об этом никому не говорила... Если я когда-нибудь смогу вырастить сына, похожего на моего папу, — значит, я не напрасно пришла на эту Землю...

Мы сидели, взявшись за руки, и тихо плакали, не стыдясь своих слёз.

Я плакала от того, что мне было жаль так рано ушедшего Алиного отца, подарившего ей такое удивительное, такое потрясающе счастливое детство...

Жаль мою маму, так и не изведавшую в своей жизни радости быть любимой женщиной и женой...

Жаль бабушку, одиноко умершую в далёкой сельской больнице с нашей детской фотографией в руках...

Жаль папу, который однажды всё-таки ушёл из нашей семьи, но за свою долгую жизнь так никого и не сделал счастливым...

Я плакала, потому что моё детство и детство братишки Кости и сестрёнки Ольки закончилось, и теперь перед нами открывалась новая, полная надежд, жизнь...

И тут, неожиданно для себя, я поняла, чем же объясняется мой космический выбор... Всё оказалось очень даже просто...

— Придёт время, и я напишу о своём детстве... — поделилась я открытием с подругой. — Это будет рассказ или даже... маленькая повесть! Её напечатают в самом лучшем литературном журнале страны и прочтут миллионы пап. Среди них наверняка будут и те, кто ещё не успел понять, почему ребёнок, будучи ещё там, в Космосе, избрал именно его...

А заканчиваться моя повесть будет такими словами: "Папы, любите своих сыновей и дочек, потому что отцовская любовь — лучшая прививка от всех жизненных бед и испытаний. И нет её надёжней на всей Земле. Ныне. И присно. И во веки веков"...

Автор со всей ответственностью заявляет, что все герои и события, имеющие место в повести, вымышлены, а возможные совпадения — случайны.

Астана, 2009 г.

Альбина БАЙКОВСКАЯ

“Я с улыбкою встречу зарю...”

Закат

Люблю я летом
наблюдать закат,
Вот облака
выстраиваются в ряд,
И солнце их
окрашивает снизу,
Как мастер кистью
золотит карнизы.
И ярким пламенем
пылают облака,
А сверху
наплывает темнота.
Кроваво-красная
палитра в небесах,
Тут день и ночь
на суточных весах.
Тускнеет ярких
облаков завеса,
И солнце медленно
скрывается за лесом.

**Альбина
Кирилловна
БАЙКОВСКАЯ**

родилась в Приморском крае России на берегу Японского моря в семье военнослужащего. Её отец, родом из Зерендинского района, был призван в армию на Дальний Восток, там воевал, женился на своей землячке из медсанбата, после войны переехал с семьёй в Кокчетав. После окончания средней школы Альбина поступила в Новосибирский инженерно-строительный институт и, получив специальность инженера-строителя, возвратилась в Кокчетав. Работала мастером, начальником строительной лаборатории, проектировщиком, с 1982 года — преподавателем техникума (ныне — политехнический колледж).

А. Байковская — автор поэтического сборника “Мелодии души” (2009). Дарования её разнообразны. Она занимается живописью, вышила много картин-гобеленов, она является мастером декоративно-прикладного искусства, членом Международной ассоциации “Искусство народов мира”. Ещё одно увлечение Альбины Кирилловны — куклы. Их у неё более двухсот. Куклы она не только коллекционирует, но и реставрирует, мастерит сама. В 2008 году в музее Малика Габдуллина состоялась персональная выставка Альбины Байковской “В мире кукол”.

Её живописные работы и гобелены известны не только в Кокшетау, но и во многих городах Казахстана, а также в России, Германии, Израиле, Польше.

На заре

По траве я пройду босиком,
Спозаранку в росу окунусь,
Прошепчу я молитву тайком
И к берёзе рукой прикоснусь.
Я с цветами поговорю
И послушаю пение птиц,
Я с улыбкою встречу зарю,
В жизни столько открою страниц...
Вот петуния буйно цветёт,
И в бутонах весь розовый куст.
Солнце огненным шаром встаёт...
К чему стоны из моих уст?
Но как беды свои мне забыть?
Набираюсь я сил на заре,
Научилась с природой ценить
Каждый прожитый день на земле.

КОЛДОВСТВО

В одуванчиках всё поле,
Вся округа в желтизне,
Закодную свою долю,
Наберусь я сил извне.
Собираю я букеты
Желтоглазые тебе.
Плачут цветики при этом
Млечной каплей на стебле.
Желторадостный веночек
Я на счастье заплету,
Обвенчаю наши ночи,
Зачарую красоту.
Отцвёл быстро одуванчик,
Разлетелся в пух и прах,
И меня покинул мальчик,
Горечь только на губах...

Колокольчики

Звенит колокольчик,
в душе отзываясь,
Сладко волнует
чем-то меня.
Нежною лаской
сердца касаясь,
Уносит в мир сказок,
тонко звеня.
Звон колокольчика,
с детства знакомый.
Вот где-то пасётся
коровка вдали,

А вот перезвон
 колокольни церковной,
И в доме звенит
 оберег на двери...
Люблю колокольчики —
 они словно дети,
Каждый по-своему
 чем-то хорош,
И перезвоны их
 сладкие эти,
Их благовест
 вызывает в нас дрожь.
Динь-динь — колокольчик
 душу тревожит,
Динь-динь — о прекрасном
 чём-то поёт,
Динь-динь — и тоска нас
 больше не гложет,
Динь-динь — и мечта нас
 куда-то зовёт...

В берёзовом лесу

Лес берёзовый,
 как в сказке,
Воздух весь
 в зелёной ряске...
Птицы весело
 щебечут
О своём, о птичьем,
 вечном...
Жужжат пчёлы
 неустанно,
Над цветами
 кружат пьяно...
Муравьи снуют
 в заботах,
Вдалеке тоскует
 кто-то.
Трава мягкая,
 как коврик,
Она нас с тобою
 помнит,
Наше пылкое
 свиданье
Перед долгим
 расставаньем.
И с тех пор мне
 очень грустно,
Без тебя на сердце
 пусто...

Обниму я
 ствол берёзы,
Осушу свои я
 слёзы,
И берёзка
 изначально
Утолит
 мои печали...

Осенний бал

Старинной бронзы патина
И позолоты цвет, —
Прекраснейшими платьями
Осенний лес одет.
Дыханием морозным
Крепчает акварель, —
Средь молодых берёзок
Вся в купоросе ель.
Стыдливая осина
Краснеет каждый год,
Иудин грех доныне
Покоя не даёт.
А жимолость в багрянце,
Боярышник-шатен,
Трава — и та в румянце
В предвестье перемен.
Рябины гроздя алые
Рубинами горят,
Шиповники с кораллами
Нарядные стоят.
Земля покрылась листьями,
Как праздничным ковром.
Осенний бал, воистину, —
Всё сказочно кругом.

Расчудесная пора

У природы бабье лето —
Расчудесная пора:
Так тепло, так много света,
Благодать — как из ведра.

Бабье лето, бабье лето!
Паутины кружева,
И не всё ещё пропето,
И любовь ещё жива.

Как подарок, бабье лето,
Напоследок летний час,
А для женщин значит это —
Есть ещё последний шанс.

И в народе есть примета —
Если молоды душой,
У вас будет бабье лето,
Ещё рано на покой.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-12 за 2009 г. и в № 1 за 2010 г.)

2 февраля 1994 года

Детективная история о том, как мы искали вагон с бумагой... Начальник "Местснаба" доложил по всем инстанциям: вагон № такой-то отправлен к нам в пятницу, 28 января. Через сутки — максимум двое — будет в Павлодаре, потому что идти ему со станции Ченская Западно-Сибирской дороги всего ничего...

Вот уже трое суток прошло, а вагона нет. Мне звонит едва ли не плачущий начальник "Местснаба" и убитым голосом сообщает: "Вагон потерялся, что делать — не знаю..."

Звоню А. С. Саркыншакову, который меня ещё никогда не подводил... Аби-ке смеётся: "Найдём ваш вагон, если реквизиты точные..."

Отыскивали вагон ещё через сутки благодаря связям Саркыншакова, который подключил к поиску ЭВМ-специалистов двух управлений железных дорог — Западносибирской и Целинной. Оказывается, наш вагон одолел за шесть дней путь в 15 километров и стоял на соседней станции... Если, конечно, вообще двигался...

Саркыншаков переговорил с начальниками Новосибирского и Алтайского отделений дорог, с которыми он давно знаком и лично дружен, чтобы обеспечить нашему грузу "зелёную" улицу, и только потом позвонил мне.

— Завтра утром принимайте вагон под разгрузку!

Вот это работа! Чем больше узнаю Аби Саркыншаковича, тем больше восхищаюсь им — его надёжностью, обязательностью, въедливостью. Кто придёт на смену таким "зубрам"?

А начальник "Местснаба", содрав с нас бешеные деньги за этот злосчастный вагон, ещё и заставил нас делать за него работу — искать груз...

Общался с бывшим заведующим лекторской группой обкома партии Ю. М. Резниковым, ныне ведущим специалистом отдела внутренней политики администрации. Старый еврей, умён, как чёрт, в меру циничен, всего повидал в жизни, а потому всему знает цену, в том числе и тому, кто в ней чего стоит.

Шансы Галенко он оценивает выше моих, но знает и его уязвимые места, дал несколько толковых советов. Хотя ничего совсем нового он мне не сообщил — я и так всё про себя и про Галенко знаю и трезво оцениваю ситуацию. Мне надо быть лишь поспокойней, что пока не очень получается.

Я спросил, есть ли разница в том, как работали идеологи "в массах" раньше и теперь?

— Разница в том, — отвечал Юрий Моисеевич, — что раньше идеологи с людьми встречались регулярно, была система... А теперь... Я два дня провёл в бывшем Ермаке, общался с так называемыми целевыми аудиториями — отдельно с учителями, представителями творческой интеллигенции, рабочими

и “итээровцами” ГРЭС... И оказалось — подобных встреч в городе не было с августа 1991 года. Это и есть полнейший идеологический вакуум, который заполняется Бог весть чем — слухами, сплетнями, бреднями новоявленных “лидеров”, ничем себя в жизни до сих пор не проявивших, необразованных, подчас питающих самым низменным потребностям толпы.

Ещё Ю. М. говорит, что во власти “тянут” кто и где только может, боясь не успеть на раздел самого лакомого до ухода с занимаемого поста. До идеологии ли тут?

Новым и несколько неожиданным для меня стало сделанное им, как бы между прочим, замечание: кое-кто из весьма влиятельных лиц в обладминистрации поговаривает о том, что я намеренно веду свою предвыборную кампанию так, чтобы обеспечить победу Галенко.

— Ну это полная глупость! — запротестовал было я.

— И тем не менее вы должны знать и об этом, — не вступая в спор, сказал он.

Много звонков от знакомых, малознакомых и совсем незнакомых людей — с пожеланием мне успеха на выборах... Не подозревал, что у меня будет столько “болельщиков”.

Есть и иное... Коллега — молодой журналист, которого я не раз поддерживал в трудные для него минуты жизни, отказался помогать мне в предвыборной кампании — из-за того, что в моей предвыборной платформе есть пункт о втором государственном языке — русском. “Не ожидал от тебя такого”, — только и нашёлся что сказать. “А я от вас”, — холодно, глядя куда-то в сторону, ответил он.

Когда в наше время начинают говорить о некоей стабилизации (например, финансовой в России, да ещё ставя это в заслугу Гайдару — Фёдорову), всё во мне закипает... И мне приходит на ум такое сравнение: человек заболел, долго находился в тяжёлом (нестабильном!) состоянии, и вот он скончался... По этому поводу тоже ведь можно сказать, что состояние его стабилизировалось, уж теперь-то его здоровье не может ухудшиться... Из этого же разряда и заклинивания политиков о стабилизации, выдающих желаемое за действительное...

Вчера встречались втроём — Галенко, Галин (тоже кандидат, преподаватель вуза) и я. Пустой, в общем, разговор, хотя и по-своему любопытный... Галин, похоже, надеялся, что один из нас с Галенко снимет свою кандидатуру. Он много ещё чего говорил и напоминал мне романтика, который собирается в далёкое путешествие, не представляя себе ни маршрута, ни возможных тягот пути. Галенко на его фоне выглядел прожжённым политиком и сразу заметил, что никому из нас не уступит, что нам нет места на его встречах с избирателями. Как Остап Бендер, всем своим видом показывая, что он “холоден и готов к борьбе”; пять лет он занимается политикой, за ним социальная опора — 55 тысяч человек, поставивших свои подписи под обращением “Славии” за введение двойного гражданства. Так что, повторяюсь, этот свой козырь он будет эксплуатировать везде и всюду. Я больше молчал, только напомнил Галенко, что власти не имеют отношения к его увольнению с прежней работы, которое, как выясняется, лишь поможет ему в предвыборной борьбе — как состоящему на “официальной” службе в “Славии”.

Неожиданный звонок из Иркутска — из некоего объединения “Ермак”. Интересовались — в каком состоянии памятник Ермаку; если цел, то они готовы его забрать... Отвечал им: раньше надо было думать, теперь забирать уже нечего...

Оказалось, причиной звонка стала передача по российскому ТВ (я её пропустил) о бедах русскоязычного населения в бывших союзных республиках, о сносе памятника Ермаку, закрытии русского театра в Алма-Ате... Такой “подбор” фактов и доводит людей до белого каления... Потому что история с памятником — довольно давняя, а русские театры в Алма-Ате — и Лермонтовский, и ТЮЗ — по-прежнему работают, речь же шла о недавно созданной труппе — больше любительской, нежели профессиональной, которая не пережила тягот становления... Похоже, и российские политики, и журналисты вообще плохо понимают, что на самом деле у нас здесь происходит. Отсюда и примитивные, неуклюжие попытки защитить бывших соотечественников.

С интересом читаю новую газету “АБВ”, которую издаёт “Караван”. Этакий своеобразный “замес” из “Независимой”, “Известий”, “Коммерсанта”... Активно анализируют предвыборную кампанию, политические баталии и всё то, что происходит в коридорах власти. Эта газета нового типа — такой в Казахстане ещё не было: называет вещи своими именами, не стесняясь, пишет обо всём, оценивает действия политиков, невзирая на авторитеты.

В одном из последних номеров жёсткая статья председателя бывшей контрольной палаты (“самоликвидировавшегося” Верховного Совета). Помимо прочего, пишет: одной из причин “самороспуска” могло стать и то, что эта самая палата много чего малоприятного для “верхов” раскопала. Весьма критически оцениваются деяния правительства и даже президента. Прямо говорится о том, что нет ничьей заслуги в том, что в Казахстане сохраняется межнациональное согласие, за исключением заслуг представляющих большинство населения русских и казахов.

В другом номере — жёсткий нелюбимый анализ президентского списка кандидатов в депутаты, как, впрочем, и самой идеи этого привилегированного списка. И ещё критический разбор пространного интервью президента “Казахстанской правде”.

Это — новая журналистика. И если газету под каким-нибудь предлогом не задушат, она будет набирать всё большую популярность. Но насколько же убого по сравнению с “АБВ” выглядят все наши областные газеты. Хотя это не только и не столько вина их, сколько беда: не дадут сегодня никому в областях делать другую газету.

Есть у писателя Владимира Орлова роман “Альтист Данилов”. Герой — музыкант, но ещё и демон на договоре, и, поскольку как демон он часто ведёт себя неправильно, в качестве наказания его делают сверхчувствительным к разного рода аномалиям — землетрясениям, наводнениям, другим катаклизмам и Человеческим бедам. Вот и у меня тоже — острейшая болевая реакция на всё, что происходит вокруг: от проблем в семье до бед всего нашего “неудельного” СНГ. Понимаю: глупо, но так уж воспитан. Что тут поделаешь — “совок”.

3 февраля

Президентом Крыма избран пророссийски настроенный Ю. Мешков, который, помимо прочего, заявил, что он выступает за возвращение России Черноморского флота с базой в Севастополе. Значит, опять надо ждать “разборки” российских и украинских политиков.

Умер А. В. Ломов — легендарный строитель, за плечами которого возведение уникальных объектов не союзного даже, а мирового масштаба — тракторный, алюминиевый, химический, ферросплавный заводы, разрез “Богатырь”,

предприятия строительной индустрии... Работал министром строительства предприятий тяжёлой индустрии Казахстана...

Александр Васильевич награждён высшими орденами СССР — Ленина, Октябрьской Революции и т. д. Между тем некролог о его смерти в “ЗП” подписали только строители, а не руководители области. Что тоже характеризует последних.

Жалею, что мне так и не удалось познакомиться с Ломовым...

Падает производство всех видов продукции в совхозах-колхозах, зато растёт в личных подсобных хозяйствах, где в прошлом году произведено 87 процентов картошки и 67 — овощей, а также 33-36 процентов мяса, 55-60 — молока, 37-38 процентов яиц. На подворье содержится более половины всего поголовья коров области, 42 процента лошадей, 40 — свиней, 22 процента овец и коз. Из этих цифр следует прежде всего то, что люди на селе не очень-то доверяют так называемому общественному сектору производства, который и прежде не отличался высокой эффективностью, а ныне усилиями бездарных реформаторов и вовсе доведён до ручки... Так вот, селяне всё больше разочаровываются в будущем своих совхозов-колхозов и постепенно берут курс на самообеспечение. Это путь отнюдь не в мировую цивилизацию, а в экономический сельскохозяйственный тупик.

Из сегодняшней криминальной хроники... Как решают экономические и имущественные споры представители прогрессивного частного сектора экономики... Руководитель малого предприятия пришёл к председателю правления акционерного общества и, не найдя общего языка с ним, облил бензином и поджёг “партнёра” прямо в его рабочем кабинете. Ожоги оказались смертельными.

Примерно так же разобрался с “клиентом” в его доме работник кооператива... В итоге хозяин жилища оказался с ожогами в реанимации, а двухквартирный щитосборный дом сгорел дотла...

5 февраля

В редакцию передали копию письма работников Ермаковской ГРЭС Н. А. Назарбаеву и С. А. Терещенко. Под ним 1450 подписей. Пишут о том же, что и другие, — бедственном экономическом положении “первенца” электроэнергетики Казахстана, задержках зарплаты и прочих бедах. Пишут: мы пока воздержимся от забастовки, понимая, насколько разрушительными для республики могут быть её последствия; но мы оставляем за собой право пойти и на эту крайнюю меру, если наши требования не будут удовлетворены в трёхмесячный срок...

Трогательное письмо от наших читательниц Н. Куриной, Л. Михайленко, П. Смаиловой, Г. Серебряковой: “Мы с пониманием относимся к возникшим у вас трудностям с выпуском газеты... Пусть даже мы будем получать “Звёздочку” раз в неделю, пока вы найдёте выход из создавшегося положения... Главное, чтобы она жила, эта газета!”.

Пока у нас есть такие читатели, стыдно опускать руки...

В области очередной кризис. На этот раз — бензиновый. Это при том, что у нас действует один из самых современных в бывшем СССР нефтеперерабатывающий завод.

Р. Штарк разбирался в сложившейся ситуации, которая оказалась банально-типичной... Наши нефтепереработчики задолжали тюменским нефтяникам 40 миллиардов рублей. Не такие уж большие деньги, если учесть, что

государственная республиканская компания “Нефтепродукты” должна заводу 30 миллиардов. Кое-какие деньги есть и у самого завода, и он пытался частями возвращать долг тюменцам, но не проходят в Россию эти платежи. И Тюмень уже в августе прошлого года перестала отпускать сырую нефть в Павлодар в счёт так называемых госпоставок...

Завод мог и вовсе остановиться... Чтобы этого не случилось, правительство ему разрешило заключать договоры с коммерческими структурами на поставку ими так называемой давальческой нефти. Полученная продукция делится затем между заводом, “Нефтепродуктами” и фирмами, поставившими нефть. Эти самые фирмы нефть в Павлодар поставили — 300 тысяч тонн, а “Нефтепродукты”, распоряжающиеся полученным из неё бензином, коммерсантов попросту, как теперь выражаются, “кинули”, не дав им ни оговорённых 40 процентов продукции, ни денежных компенсаций за неё.

Итог закономерен: кто же захочет иметь дело с такими “партнёрами”? И завод остался без нефти, мощности загружены всего на 15-30 процентов, а область, и не только она, посажена на голодный бензиновый паёк...

Давно уже ведутся переговоры о создании транснациональной компании, которая бы увязала интересы тюменских нефтяников и павлодарских нефтепереработчиков, но... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Нашёл в нашей газете подтверждение тому, о чём давно уже догадывался: оказывается, свинья — наиболее близкое к человеку существо... Впрочем, в данном случае — лишь по иммунным свойствам организмов. И российский учёный А. Цыпин первый в мире разработал способ излечения тяжёлых болезней человека с помощью свиной селезёнки. Пропуская через себя большую кровь, селезёнка свиньи не только очищает её от микробов, но и обогащает активными веществами, благотворно влияющими на организм человека. Но сама эта процедура технологически довольно сложная, и сейчас профессор разрабатывает препарат из свиной печени, дающий тот же эффект и без технических сложностей.

Нам, людям, вообще бы попристальнее присмотреться к свиньям — может быть, мы бы ещё многому у них могли поучиться.

На “Манакбай-базаре” процветает нелегальная торговля валютой: меняют тенге на рубли, доллары, немецкие марки. Коммерция эта незаконная, но власти закрывают на неё глаза, поскольку банковская система оказалась в этом деле столько же неразворотливой, каким бывает в большинстве случаев государство.

Может, ещё и поэтому на “Манакбае” действует своя “налоговая инспекция”: кучка крепких парней взимает оброк с каждого “менялы” — 25 тенге в день — за “крышу”, то есть за то, чтобы никто больше этого самого “менялу” не беспокоил.

Как это всё по-нашенски: один незаконно торгует валютой, другие незаконно их обирают. А милиция делает вид, что ничего не замечает. Может быть, потому, что сама “в доле”?

6 февраля

Состоялась моя регистрация в качестве кандидата в депутаты. Проходила она, в общем, гладко, если не считать своеобразного выговора мне от председателя окружной избирательной комиссии, замдиректора алюминиевого завода, за пункт программы о втором государственном языке. Как же глубоко оно сидит в людях, это национальное чувство! Это и хорошо, и плохо одновременно, и ничего с этим не поделать.

Ещё похерили 450 подписей в мою поддержку. В некоторых из них только инициалы вместо имён-отчеств (говорят — нарушение, а по-моему — глупость), где-то один из членов семьи расписался за другого (М. П. Пудич по этому поводу позже возмущался: “Да видели бы они некоторых избирателей: они не только расписаться — ложку держать не могут!”). Оказывается, побывали проверяющие и в нескольких квартирах, дабы удостовериться: мои агитаторы там были, и подписи — достоверны. Впрочем, и без этих 450 подписей у меня их хватало. Остался, правда, тяжеловатый осадок после “выговора” за недопонимание нюансов языковой политики, но это как-нибудь переживу...

Галенко тоже зарегистрировали. Ему сделали замечание за преждевременное распространение среди избирателей листовок, на которых были его биография, программа и даже портрет с календариком на год. Предложили ему собрать “всю эту агитацию” обратно, но он тут же вывернулся: мол, всё это было только у доверенных лиц... Проверять же — так это или не так — теперь никто не будет.

Председатель окружной избирательной комиссии назвал галенковскую программу экстремистской, и тем не менее регистрация состоялась.

Всего же нас в округе — четверо. Кроме Галенко и меня преподаватель вуза Галин и кандидат наук, руководитель некоего научно-технического центра Рыспанов. Для нас, первых троих, это плохой расклад: Рыспанов консолидирует голоса казахов-избирателей, а мы трое — “растащим” все остальные...

7 февраля

Смотался на пару дней к брату Петьке в Усть-Каменогорск — повидаться, перевести дух. Брат демонстрировал меня своим университетским коллегам — здешней вузовской элите: глядите, мол, каков мой “старшой”, и, похоже, сам от этого, как выражаются мои дети, “тащился”. Кажется, мы с братаном и на этот раз “перекушали”, что уже становится хреновой традицией...

Мою затею с выборами брат считает дурацкой и желает мне скорейшего провала... Когда расставались в аэропорту, мне показалось: он вот-вот заплечет — и я постарался скорей уйти, не оглядываясь.

Ольга начинает не меньше моего понимать, в какую историю мы вляпываемся, связавшись с выборами... Она была на встрече с избирателями (агитировала!), и некоторые из них прямо ей заявили: они будут голосовать за председателя “Славии”. Так что прекрасный козырь получил Галенко, превратившись из замдиректора неведомого малого предприятия в председателя защитницы всех славян “Славии”.

О. мне сказала после этой встречи: может быть, и правда надо было хлопнуть дверью, когда тебя перебрали в округ Галенко?

Да что теперь об этом говорить...

9 февраля

Мать на меня в обиде. Прочитала “Материнскую педагогику” — “блёстки”, составленные мною из её крылатых выражений по разного рода поводам... Говорит:

— Выставил меня чёрт знает кем... Как будто я, кроме задницы, других слов не знаю... Если я такая необразованная и невоспитанная, в кого же ты — такой умный? Порви всё это!

А я-то думал — делаю благое дело! Спорить с ней не стал... Однако и рвать пока что этот цикл не буду — пусть отлежится.

У меня есть гарантированное время для агитации по местному телевидению. Я решил сам не выступать, а отдать это время трём другим людям — бывшему директору химзавода С. С. Беркетову, хирургу-ортопеду Н. Н. Онипко и актрисе нашего театра Н. М. Запрудневой. Они согласились, не раздумывая, и получилось вроде неплохо.

Суматоха на работе... Предвыборные дела наслаиваются на служебные, всё время дёргаюсь... Провёл большой сбор с доверенными лицами. Поставил главную задачу — организовать встречи везде, где только будет можно...

Были у меня гонцы от Ю. Мухина — замдиректора Ермаковского завода ферросплавов, тоже кандидата в депутаты. Накануне он выпустил книгу (уже не первую) под названием "Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно". Мухин отличается парадоксальностью и независимостью суждений, для него не существует авторитетов, его с охотой печатают московские газеты и журналы — от "Правды" до "Огонька". Его новая книга уже получила одиозную известность, поскольку он в ней не церемонится ни с местными политиками и властями, ни с республиканскими, ни с российскими... Книгу, якобы, запрещают распространять в области, "Сарыарка самалы" уже дала на неё ругательную рецензию, вот Мухин хотел бы через "ЗП" и ответить на неё. Я сказал, что полемизировать с "С-с" не буду, а заметку о книге в нашей газете дадим.

В качестве противовеса "нежелательному" Мухину власти Аксу выставили свою кандидатуру.

В "ЗП" опубликованы биографии и предвыборные платформы трёх первых кандидатов — главы Индустриальной районной администрации Елисеева; общественника, кандидата наук Чевненко и спортивного тренера Сейсенбаева. Наиболее весомо представлен первый — достойный послужной список; пакет законопроектов, якобы им уже подготовленный, которые помогут нормализовать нашу жизнь; во всех смыслах выверенная позиция... Готовый парламентарий. И Чевненко тоже неплох в своих обещаниях, но против Елисеева, которого власти поддерживают, вряд ли устоит. У третьего — Сейсенбаева — шансов, скорее всего, нет...

Наша областная администрация настоятельно рекомендует мне снять свою подпись редактора, которая есть в каждом номере газеты... А то, мол, соперники говорят, что у меня заведомое преимущество... "С какой стати? — возмутился я. — Вы ведь, кажется, меня ещё не освободили от обязанностей редактора... Да к тому же там не одна моя подпись, а указаны все члены редколлегии..."

После долгих препирательств договорились убрать весь список, оставив лишь фамилию замредактора — Роберта Штарка.

Вчера было десять лет, как умер отец... Время даже не летит, а как будто проваливается в некую чёрную дыру... Жаль, что отец не дожил до наших времён (ему и было бы всего 72 года), не успел порадоваться нашим с братаном Петькой успехам... Хотя, с другой стороны, не знаю, как бы он пережил всё, что произошло со страной, которую он защищал в Великую Отечественную...

Великолепный спектакль “Кража” по ТВ — о нравах и скрытой от постороннего глаза жизни сильных мира сего. Особенно хорош И. Смоктуновский в роли главы семейства — холодного, расчётливого финансового воротилы, не останавливающегося ни перед чем в защите своих интересов... Надо полагать, подобные фигуры появятся и в нашей жизни.

10 февраля

Путаница с указаниями Центризбиркома насчёт того, чего и сколько можно печатать (за счёт бюджета) — плакатов, листовок... От плакатов я хотел вовсе отказаться, потому что специально отведённых мест для них в городе нет... То есть, куда хочешь — туда и лепи...

Спрашиваю: могу я из положенного мне количества бумаги напечатать листовок — их можно потом хотя бы рассовать по почтовым ящикам? Никто не отвечает. Зато советы давать мастера — особенно власти: надо активизироваться, взяв на вооружение принцип “от двери к двери”; хорошо бы заявить о себе громкой акцией и т.д. В текст моей предвыборной платформы предлагают внести положения о том, что меня поддерживают Союз журналистов и общество “Казак тили”. С первым согласился, а второе отверг: оно мне навредит больше, чем поможет...

Испытываю огромное желание — как в детстве при каких-то неприятностях или долгом ожидании: уснуть и проснуться, когда всё уже закончится или всё уже наступит... И результат, кстати, в данном случае для меня не столь уж важен — лишь бы поскорее...

Президент И. Каримов присудил одну из самых престижных национальных премий Узбекистана Шарафу Рашидову — за его литературные труды и неустанную заботу о формировании неповторимо-своеобразной архитектурной застройки Ташкента. Таким образом состоялась официальная реабилитация одного из самых одиозных представителей национальной коммунистической элиты в СССР.

Ташкент и вправду хорош, хотя я был там всего раз — проездом на военные сборы, но успел проехать по городу с экскурсией. Помню и статью в “Правде” под заголовком “Рашидовщина” (потом были ещё “Алиевщина”, “Кунаевщина”). Говорят, что только скоропостижная кончина уберегла Рашидова от возможного ареста. Да и неутомимые следователи Гдлян и Иванов (где они, интересно, теперь?) много чего в Узбекистане “нарыли” — была там целая система приписок и поборов: от бригадиров-хлопкоробов — до самых республиканских верхов, а дальше ниточки тянулись в Москву...

Ну да кто теперь про то помнит... К тому же Восток, как известно, дело тонкое... Так что и на себя тоже работает сегодня бывший товарищ, а ныне господин Каримов, воздавая должное своему предшественнику.

А российский министр иностранных дел Козырев побывал в Казахстане, где, помимо прочего, три часа беседовал наедине с нашим президентом. Речь шла в том числе и о положении русских в Казахстане. Но козыревское интервью по ТВ было столь невразумительным, что из него ничего невозможно понять. Воистину: язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Да и какое моральное право имеет российский министр говорить с Назарбаевым о правах русских после Беловежской пущи, после того, как Россия выдавила нас из рублёвой зоны! И не Россия ли, точнее, не её ли нынешние лидеры более всех других потрудились на ниве развала Союза в угоду своим политическим амбициям?

Что же до Козырева, то это, наверное, один из самых соглашательских российских министров, уступающий за рубежами отчизны всем — кому только можно уступить.

Говорят, что А. А. Громыко, лет тридцать возглавлявшего МИД СССР, за неуступчивость в отстаивании интересов страны наши идеологические противники называли “мистер “Нет!”... А Козырева уже окрестили “господином “Да!”.

Верховный суд Казахстана отклонил нашу жалобу, оставив в силе решение областного суда о необходимости согласования нашего текста опровержения с территориальным комитетом по госимуществу, а, следовательно, и решение райсуда — о публикации текста, представленного теркомом и избыливающего несуразностями.

Вот уж воистину — рука руку моет, ворон ворону глаз не выклюет! Ну ведь ясно же любому здравомыслящему человеку, что дурацкое было требование — согласовывать текст.. И вот нам снова указали на наше место...

Всё, конечно, уже позади. Но сколько сил и нервов потрачено напрасно...

Весь вечер доводили с Ольгой до “кондиции” предвыборные тексты — листовок, плакатов... Одурели... Она мне — с досадой:

— Наверное, и правда зря мы всё это затеяли...

А в обладминистрации текстом платформы, предложенным мной для печати (сто строк), остались недовольны: “Слишком лозунгово, мало конкретики!”. И ставят в пример Галенко, чья платформа начинается со слов “Родные мои!”. Так он обращается к избирателям.

Будь я на его месте, я бы вовсе оставил в программе два пункта: двойное гражданство и два государственных языка. И не надо больше никакой агитации. Хорошо ещё, что он сам до этого не додумался, и много чего насовал в свою платформу.

Хороший совет дал А. М. Мухамеджанов:

— Скажи что-нибудь доброе и в адрес казахского языка.

Вот это и вправду не помешает из уст русского человека.

Ещё Алеке, видя моё “не слишком боевое” настроение, подбадривает:

— У казахов есть правило: вышел на байгу — не сходи с дистанции, стремись к победе!

В типографии, где я заказывал листовки и плакаты, встретил Галенко, и в ответ на его вопрос: как дела — отвечал: “Жизнь вообще-то куда лучше, чем предвыборная кампания...”. Не надо было мне говорить ему этого, потому что он тут же среагировал: ну так, мол, и делай соответствующие выводы. Что означало: не лезь тогда не в своё дело.

Ещё попрепирались маленько, но слегка, по-мирному.

Встречался с коллективом “Союзпечати”. В основном — женщины, многие меня знают, поэтому разговор вышел почти душевный... Обещали голосовать за меня... Я им сказал: этого мало, надо ещё, чтобы вы своих знакомых сагитировали.

12 февраля

У здания Павлодарского речного вокзала открыта мемориальная доска в честь членов Трансгималайской экспедиции Николая Константиновича, Елены

Ивановны и Юрия Николаевича Рерихов. Они побывали на павлодарской пристани в 1926 году.

Жаль, что я почти ничего не знаю об этой их знаменитой и во многом таинственной экспедиции. Когда-то в городском художественном музее была выставка картин Рериха-отца, которые завораживают не столько особыми художественными достоинствами, сколько некоей исходящей от них магией...

Навещали в больнице Михаила Ивановича — отца Николая Лиханова — после операции. Отвезли продукты — там почти не кормят. Операция обошлась фронтовику примерно в тысячу тенге. Конечно же, денег не было, пришлось “собирать”...

Вот что мы получили взамен нашей плохой — “совковой” — медицины, когда нас лечили и вправду не всегда качественно, зато бесплатно.

Неизвестно ещё — оклемается ли М. И.?

Из “казтаговского” материала узнал, что уже отсеяны многие неугодные власти кандидаты в депутаты — независимый журналист, социал-демократ Сергей Дуванов, неистовая журналистка Татьяна Квятковская (её, впрочем, после заявления в суд или в Центризбирком зарегистрировали) и много прочих. У кого-то неправильно оформлены подписные листы, кто-то досрочно выпустил листовки и т. д.

Белорусские демократы выступили за институт двойного гражданства в своей республике и России. Н. А. Назарбаев стоит на своём: для Казахстана подобное неприемлемо, он — за такие межгосударственные отношения, когда бы россияне и казахстанцы при переезде из страны в страну получали гражданство без всяких проволочек, по упрощённой процедуре.

15 февраля

Предвыборная встреча на судоремзаводе. Слегка мандражировал: это рабочий коллектив с давними традициями. Общались в одном из цехов в перерыве. Разговор, в общем, получился, обещали поддержать меня. Не лишней оказалась и помощь В.Г. Семерьянова, который когда-то работал в системе речного флота (его тут многие помнят) и представил меня.

Узнаю сегодня: Галенко агитирует даже в бане... А что — правильно: скопление народа, неспешные разговоры.

Но и мы не лыком шиты — я собираюсь на встречу в психоневрологический и кожновенерологический диспансеры... Так и станем бодаться: за него — любители лёгкого пара, за меня — психохроники; за него (условно говоря) представители сексуальных меньшинств, за меня — пациенты кожнодиспансера...

Почти три четверти жилых домов Майкаина остались без тепла, воды, а часть из них — и без электроэнергии. Произошла авария на трассе водопровода Экибастуз — Майкаин. Лопнувшую трубу заменили быстро, но пока нашли место порыва, откачали воду, насыпали дамбу...

Давно пора менять весь 40-километровый водопровод. Но комбинат “Майкаинзолото”, на чьём балансе он находится, практически остановлен и сегодня неплатёжеспособен... Решать проблемы водоснабжения Майкаина некому — значит, этот некогда полный жизни посёлок и дальше будет хиреть...

Если верить “Московским новостям”, Россия не только приблизилась к некоторым мировым параметрам, но даже превзошла их. Например, цены на сахар здесь в 1993 году поднялись до 650 долларов за тонну (средние мировые — 350), растительного масла — до 1300 (660), сливочного масла — до 1900 (1700), муки — до 280 (215)... И это при нищенских тамошних зарплатах, которым до мировых — как до неба.

В прошлом году добыча угля в Экибастузе упала на десять миллионов тонн, главным образом за счёт уменьшения поставок его на электростанции Урала и Сибири. Россияне и вовсе грозят перейти на более дешёвый уголь Канско-Ачинского бассейна и более дорогой кузбасский, цены на который скоро сравняются с экибастузским из-за всё дорожающей стоимости перевозок последнего...

17 февраля

Пассажирский транспорт области всё больше становится на прикол. Во-первых, пассажирские перевозки стали нерентабельными, а, во-вторых, нет бензина. П. Оноприенко пишет, что для большинства экибастузцев единственным средством передвижения (во всяком случае, в Павлодар и обратно) остаётся дизель-поезд Ерментау — Кулунда, цены на который остаются почти смешными — 12 тенге (из Экибастуза до Павлодара). Для сравнения: на автобусе — 30 тенге.

Иртышане, оставшись без горючего (дизтоплива), договорились с омичами об обмене его (две тысячи тонн) на свою пшеницу. И тогда солярки хватило бы на всю зиму. Однако область не дала лицензию на вывоз зерна. Солярки тоже не даёт. Как знаешь — так и живи...

Вчера агитировал в Черноярке. Предполагалось устроить встречу в Доме культуры. Но так как там был холод собачий и мало кто пришёл, перебрались в контору. В итоге нас, кандидатов и наших доверенных лиц, оказалось примерно столько же, сколько пришедших послушать нас представителей местного народа, настроенного, кстати сказать, не очень доброжелательно.

Я считал, что у меня будут на этой встрече некоторые преимущества по сравнению с соперниками: я сам деревенский, не раз бывал в Черноярке, писал о ней, и в моей книге о мелиорации она не раз фигурировала. Но всё это не слишком, по-моему, тронуло будущих избирателей.

Самой представительной была команда Рыспанова: два профессора — русский и казах. Второй произнёс такую проникновенную речь, хваля в том числе и меня, что я чуть не прослезился... Такая у них была тактика... В конце концов, черноярцев мы всё же расшевелили, и уходили они со встречи совсем в другом настроении. Тем не менее переиграть своих соперников на ней мне не удалось, и ещё неизвестно — за кого отдадут свои голоса черноярцы.

Сегодня была встреча на алюминиевом заводе — в центральной лаборатории автоматики и измерительной техники. Это элитный цех, техническая интеллигенция, народ здесь во всех отношениях подкованный. Было человек 120-130. Нежданно-негаданно пришёл на встречу и Галин, но выглядел на ней бледновато: всё время упирал на заявленные в своей программе приоритеты права, даже когда заводчане пытались поворачивать его к реалиям жизни.

Меня встречали, скорее, доброжелательно, хотя и пощипали тоже. Мы недавно дали заметку, в которой привели данные о зарплатах в разных отраслях и на предприятиях. И оказалось, что лидирует по этой части именно алюминиевый

завод. У меня, кстати, были сомнения: надо ли называть конкретные предприятия, ведь эти суммы, в десять раз превышающие зарплаты, скажем, учителей, медиков, тех же сельхозников, будут действовать на большинство читателей, как красная тряпка на быка. Но — подписал, и вот — получил. И хоть поупирался, отстаивая заведомо проигрышную позицию, переломить настроение зала не смог... Зато удался разговор “за жизнь” — аудитория была напористой, цепкой, но, кажется, осталась довольной.

Записался на радио — с предвыборной программой. Перед этим несколько раз “прокрутили” с Ольгой вариант речи на диктофоне — чтобы не частить потом и уложиться в отведённое время.

Ольга провела встречу в одном из детских садов — с воспитателями и частью родителей. Сказала: вашему кандидату в депутаты не чужды все ваши беды — закрыт детский сад, куда ходил его младший сын. И в завершение встречи заведующая заявила:

— Передайте Ю. Д., что мы возьмём его ребёнка к себе — пусть приводит.

За что тут же единогласно проголосовали. Но Пашку туда, конечно же, не поведём — бабушка теперь его главный воспитатель, благо она живёт с нами...

19 февраля

Суббота. Ольга утром, уходя на две запланированные встречи, подняла вверх сжатый кулачок: “Но пасаран!”. Это, понятно, адресовалось моим противникам.

Вчера был разговор на планёрке о том, что на одной из своих встреч Галенко обвинял “ЗП” и её редактора в консерватизме, предвзятом отношении к “Славии”... Тут даже наш конторский народ, часть которого отнюдь не поддерживает моих предвыборных устремлений, взбунтовался. Мы по своей инициативе дали два больших материала, посвящённых персонально Галенко, — о его малом предприятии и о том, почему он сложил с себя депутатские полномочия. И письмо “Славии” публиковали, и отчёт о её конференции с весьма сомнительными суждениями, за что Штарк даже получил прокурорское предостережение... Но ведь многие читатели этого уже не помнят, чем он и пользуется. Договорились побывать на нескольких его встречах, чтобы составить собственное мнение на этот счёт.

Забрал из типографии свои предвыборные плакаты и листовки. Последних должно хватить на половину семей моих избирателей. Теперь забота — разнести их по адресатам.

Ольга одна “воюет” за добрую половину моей команды. Ходит из школы в школу, из детсада в детсад, а ещё в библиотеки, дома культуры... Приходя домой, докладывает:

— Ну вот, ещё 30 (40, 50 и т. д.) избирателей — твои!

Результат, говорит, ей теперь не столь уж важен, главное — сам процесс.

Прочитировала фразу из бесконечной телевизионной “мыльной оперы” “Санта-Барбара”:

— Гений — это измочаленный секретарь.

В том смысле, что за каждой знаменитостью чаще всего скрывается невидимый труд его помощников.

Стоят сильные холода, почти каждый день — бураны, а она без устали мотается по городу. Сам же я до сих пор не уразумел — чего, выражаясь языком литературного героя, хочу больше: Конституции или севрюжины с хреном (каковую, кстати, ни разу в жизни не пробовал) — поражения или всё-таки победы. Хотя почти успокоился, уже чувствую аудиторию, и даже иногда получается нормально говорить с ней.

Статья Е. Т. Гайдара в “Известиях” — “Новый курс”. О том, что на деле никакого нового курса у нового российского правительства нет. И это губительно для России. Защищает собственную стратегию и тактику реформ и считает, что они бы привели к успеху, если бы ему только дали возможность идти этим своим курсом.

Мне Гайдар, скорее, симпатичен, я ценю его ум и последовательность, а главное — он кажется мне порядочным человеком. Но мне также кажется, что он был и остаётся “кремлёвским мечтателем”, потому что многие его блестящие идеи имеют мало общего с реалиями жизни. Если реформы ставят на грань нищеты половину населения, которое ещё недавно жило не столь уж сытно, зато не голодало, имея всё то, что ему нужно для небогатой, но вполне сносной жизни, то о каких успехах реформ можно вести речь? Просто народ, во всяком случае, большинство его, в очередной раз становится материалом, если не сказать — сырьём, для воплощения очередной идеи... В данном случае идеи ответа на глобальный вызов времени, который должен вернуть Россию и россиян в лоно мировой цивилизации... А в больницах в это время не берут больных, если только они не несут с собой всё необходимое для лечения, включая лекарства; откладывают плановые операции... А у молодых семей нет никаких надежд занять собственное жильё... А у детей небогатых родителей (их, повторяю, большинство) — никаких шансов получить высшее образование. И т. д. и т. п. Это всё — цивилизация? Нет, опять затеян очередной величайший эксперимент, в котором крайним оказывается народ, а отнюдь не экспериментаторы.

Поэтому, уважая Гайдара, я никак не могу принять на веру всего того, что он творит... Хотя, наверное, всё же надо дать ему возможность довести начатое им дело до конца. До какого, впрочем, конца? Конца России?

И нынешнему российскому правительству тоже верить нельзя, потому что никакие это не строители, а, скорее, пожарные.

А те же Чубайс и Фёдоров! Этим молодым, образованным, но чрезвычайно уверенным в своей правоте людям, кажется, вовсе неведомы сомнения. Они всегда знают, что надо делать, и всегда смогут объяснить, почему то, что сделано, в итоге обернулось провалом (делалось не теми, не так, не в те сроки и т. д. и т. п.).

Да не только Гайдар и другие “младореформаторы” повинны в нынешнем экономическом хаосе и ухудшении жизни россиян — тут “потрудились” и их предшественники — коммунисты. Но при этом ни те, ни другие не понесли (и вряд ли понесут) ответственности за всё ими содеянное.

Ольга вернулась с одной из встреч в Усольском микрорайоне... Расстроенная... Там уже поработал Галенко со своими агитаторами, и теперь все только и говорят о двойном гражданстве, ссылаясь на демонстрируемый им “талмуд” с подписями в его пользу. Вот и вся агитация. Походя на его встречах говорится и о том, что наша газета замалчивает титанический труд “Славии” по сбору этих самых подписей. Цель понятна: газета ведёт себя так, потому что у неё редактор такой... Между прочим, тоже кандидат...

Вскоре позвонил и сам Галенко и начал с претензий:

— Почему газета не даёт статью одного из кандидатов в депутаты о необходимости двойного гражданства? Почему ваше доверенное лицо — Садыков — в своих передачах на радио алюминиевого завода называет меня одиозной фигурой?

Я отвечал, что газетой сейчас не руковожу, но считаю, что Штарк, отказывая в публикации, делает правильно: во-первых, это та же самая агитация, а, во-вторых, все аргументы за двойное гражданство многократно прозвучали, в том числе и в “ЗП”... Садыкова обещал поправить и добавил, что на моих встречах в адрес Галенко ничего плохого не говорится, а вот на ваших часто звучат выпады в адрес газеты, в адрес редактора. Хотя мы договорились соблюдать нейтралитет в отношении друг друга.

— Так ведь всё, что мы говорим, имеет место, — парировал он.

— Тогда не забывайте напоминать, что эта консервативная газета дважды в последнее время крупно “подавала” вас лично, да и позицию “Славии” никогда не замалчивала.

И пошло-поехало... Глупо было вступать в эту дискуссию — будто дерьма наелся...

У меня есть “компромат” на Галенко, который, помимо плакатов и листовок со своей программой, распространяет среди избирателей ещё и список всех кандидатов от “Славии”, отдельно — её координаты и приглашения на выборы от имени “Славии”. Всё это граничит с нарушением Кодекса о выборах и при соответствующей “подаче” может стать основанием для отстранения его от выборов... Но уж очень не хочется уподобляться самому Галенко, действуя против него подобным образом. Хотя те мои союзники, кто знает об этом тоже, называют меня дураком.

20 февраля

В Качирах остановлены до весны многие предприятия: “Агропромтехника”, комбинат стройматериалов, автоколонна № 2572 — одна из самых крупных в области; предприятия райпотребсоюза, мехколонна, автобусный парк... Либо нет средств у них самих, либо у тех, кого они призваны обслуживать. Сотни рабочих специалистов отправлены в вынужденные неоплачиваемые отпуска.

Премьер-министр Казахстана С. А. Терещенко направил обращение главе правительства России В. С. Черномырдину с предложением создать при бездействующем межгосударственном банке платёжно-расчётный центр с преобразованием его в валютный союз. Пишут они друг другу, пишут, а толку никакого.

Из “Экибастузугля” бегут лучшие специалисты и рабочие. В их числе электрики, которые обслуживали погрузочные комплексы “Восточного”, машинисты экскаваторов и электровозов и другие классные кадры. Всего из объединения ушло в прошлом году 360 человек, принято 280 — в основном это механизаторы, которые, в свою очередь, бегут из развалившихся окрестных совхозов, и, конечно, они не могут быть равноценной заменой ушедшим.

Наших же угольщиков берут на аналогичных условиях предприятия России с большой охотой, помогают обустроиваться. Ещё бы — такие кадры на дороге не валяются!

Статистический отчёт за 1993 год — под заголовком “Пока растут только цены!”. По сравнению с 1992 годом объём промышленного производства снизился на 17 процентов. Мяса произведено меньше на 14 процентов, молока — на 36 процентов. А по сравнению с 1990 годом — соответственно, на 47 и 52 процента.

Число родившихся уменьшилось за год на 10 процентов, а смертность выросла на 15 процентов...

22 февраля

Неизвестная мне В. Кузьменкова прислала письмо в редакцию — благодарит малое предприятие “Тривиум” (которого, можно сказать, уже нет) за изданные произведения павлодарских авторов. Хвалит “Вольку Баклана” Ковхаева и мою книжку “Помню и люблю”: “Прочитав рассказы “По ягоды”, “Пора сенокосная”, “В первый пар” и многие другие, словно окунулась в детство и юность, в то далёкое счастливое время. Я не знаю, как называется такая манера письма по-научному, а сказать по-простому — как будто сидит напротив хорошо знакомый, добрый и внимательный человек и рассказывает тебе о своей жизни, да и о твоей — тоже... Спасибо автору за такую душевную книгу...”.

Да... Из-за одних только этих строк стоило написать её...

Замерзает город Аксу — из-за аварии на теплотрассе. Пришлось останавливать одну из котельных, обогревающих город. В десятках многоэтажных жилых домов температура упала до минусовой. Где-то успели слить воду из батарей, а где-то они полопались. Теперь надо заменить более тысячи батарей.

Создан штаб, аварию устраняют, но работы идут медленно из-за дефицита бензина и солянки...

23 февраля

Дома — лазарет. Болеет мать, хотим даже положить её в больницу. Ольга разболелась — вчера у неё резко подскочила температура, теперь отменяет все свои встречи, и я отдуваюсь за двоих.

Вчера встречался в “Павлодармелиорации”, и всё шло хорошо, пока не возник разговор о втором государственном языке. Пытался спокойно объяснить свою позицию, но, похоже, некоторых не убедил... И вдруг получил неожиданную поддержку: встал мужик — уже в годах — и сказал, что знает не только меня, но и дружил с моим отцом — фронтовиком, интернационалистом, целинником, которого в равной степени уважали как местные казахи, так и приезжие — целинники. И настроение в зале как-то переменялось. Фамилия его Красовский, когда-то он работал в нашем совхозе парторгом, не раз бывал в нашем доме. Фамилия мне знакома, но я его совсем не помню. Можно сказать, привет от отца в день моего рождения.

Встреча в казахской школе. Нервничал, конечно... Погоду на встрече сделала “группа поддержки” из “Сарыарка самалы” — А. М. Мухамеджанов, Бахыт Баймуратов. С Бахытом мы ещё в корреспондентах вместе в командировки ездили. Хорошо помог Жасулан Садыков. Многоопытный Алеке взял бразды правления в свои руки, так что мне, в общем, и делать ничего не пришлось — в том числе оправдываться по “языковому” пункту программы.

Хорошо, когда рядом такие люди, как А.М. Мухамеджанов!

Опубликовали критическую заметку о том, как в Майском районе власти продвигают в депутаты кандидата — земляка-академика... Мне звонили домой из обладминистрации — недовольны, обижены...

Один из бывших партфункционеров пишет в нашей газете о вреде двойного гражданства. Тут же возбудились “галенковцы” — требуют дать слово им, для возражений. Из областной администрации наказ — ни в коем случае. А “Славия”

намеревается провести внеочередную конференцию, чтобы заклеить позором тех, кто хочет помешать их кандидату на выборах, включая, само собой, и меня.

Нескучно живу, что и говорить...

Накануне бывшего дня Советской Армии власти города устроили вечер для ветеранов войны в облдрамтеатре. Агитировали мы и там... Сердце щемило, когда смотрел на это уходящее поколение — как они слушали, утирая слёзы, духовой оркестр, подпевали артистам, танцевали...

Слушали ветераны мою речь хорошо, доброжелательно. Однако аплодисменты сорвал мой соперник Галин, пообещавший добиться принятия закона о государственной торговле и борьбе со спекуляцией... Как мало порой людям надо!

По-семейному отмечали день рождения: съели жареную утку, играли в “поле чудес”... Вдруг — телефон зазвонил. Звонивший представился дежурным комитета национальной безопасности и сказал, что побеспокоил меня по поводу моего двоюродного брата.

— Это какого же? — удивился я.

— Василия Васильевича...

— Да вроде нет у меня такого...

Слышно было, как он шелестит бумагами, потом сказал, что я должен подойти к ним, назвал фамилию — к кому...

— Вы можете объяснить, что произошло? — спросил я.

— Вам объяснят, когда придёте, — как-то неуверенно отвечал звонивший.

— А вы знаете, с кем говорите? — мне трудно было продолжать этот дурацкий разговор. — И я ли вам нужен?

Он отвечал что-то вроде не стоит, мол, горячиться, мы тут пустяками не занимаемся... И снова предложил подойти — в течение недели после 17 часов вечера.

— Приду, если скажете — зачем или, хотя бы, что случилось...

— Тут узнаете...

— Тогда будем говорить через полковника Кандыбко, — назвал я фамилию начальника областной службы КНБ. После чего таинственный незнакомец, пробормотав: “Ну ладно, раз так...” — положил трубку.

Вечер, конечно, был испорчен. Кому и зачем понадобилось “доставать” меня? На следующий день навёл через свои каналы справки в КНБ. Оказалось, никто из дежурных мне не звонил и вопросов ко мне нет. Так и не понял — розыгрыш ли это, дешёвый шантаж, чтобы потрепать нервы, или что-то ещё... Никакого продолжения не последовало.

Неприятная новость. Несколько журналистов “ЗП” обратились с письмом к администрации редакции, в котором настаивают на повышении зарплаты. Я расстроился... Конечно, нельзя считать большим оклад корреспондента в 200 тенге. Но у них есть ещё и гонорар, у всех — премии... И к тому же редакторат, члены редколлегии прекрасно знают — всё, что можно отдать на зарплату, я отдаю, и у наших журналистов она больше, чем у любых других в области... Пытаемся помогать сотрудникам продуктами и промтоварами, даём материальную помощь, а кому-то из подписавших письмо выделяли и беспроцентные ссуды, нарушая инструкции... Понимаю: у меня своя правда, у них своя, но за горло-то в такой момент меня зачем брать? Почувствовали слабину (я, ввязавшись в выборы, отошёл ненадолго от дел) и садятся на шею. И ближайшие

помощники — замы тоже хороши: вместо того, чтобы прочистить кое-кому мозги (президент, кстати, недавно издал указ, ограничивающий рост зарплаты, не подкреплённый ростом производства), только руками разводят — что тут, мол, поделаешь, если настроения такие?

Нет, всё же нельзя надолго оставлять контору “без руки” — быстро народ выпрягается. Хотя и при мне-то многие не шибко впрягаются...

24 февраля

Посмотрел по ТВ “агитку” Галенко, полностью посвящённую двойному гражданству. Надо было видеть весь этот пафос, эти натруженные руки, лежавшие на заботливо переплетённых томах с подписями, которых уже 56 тысяч... Было заявлено: никому из оппонентов ни за что не собрать столько... А вот “ЗП” опубликовала письмо “Славии” о необходимости двойного гражданства “с большим опозданием и с большими изъятиями”. Ещё было сказано, чтобы никто из подписавшихся не боялся — в случае чего “Славия” любого защитит — вот, кстати, её координаты, да и сам председатель — перед вами...

Нужна ли нам “Славия”? Это уже я сам себя спрашиваю. Да, нужна такая организация, объединяющая славян, консолидирующая их интересы... Но когда командные посты в организациях такого типа захватывают политиканствующие люди, использующие их как таран для достижения своих амбициозных целей... Впрочем, могут ли вообще лидеры, претендующие на депутатство, не быть политиканствующими? Что касается нашей “Славии”, то ей с самого начала не везло на “вождей”. Хотя, опять же, глупо обижаться и расстраиваться по этому поводу: какое время — такие и вожди, та же Россия не только Казахстану фору даёт по этой части.

Опубликовал свою программу Ю. Мухин из Аксу. Когда-то я уже писал о его идее уголовного преследования депутатов, не оправдывающих доверия народа. И вот он её обнародовал — уже в качестве предвыборной платформы.

Цитирую по “ЗП”:

“... Утвердить закон об ответственности Верховного Совета за последствия своего правления... По этому закону день, когда вы придёте на следующие выборы, будет и днём суда прежнему депутатскому корпусу. И если вы в этот день, тайно голосуя, скажете, что он виновен в плохом управлении Казахстаном, а об этом вы будете судить по своей собственной жизни, то весь Верховный Совет прошлого созыва должен сесть в тюрьму.

Только так каждый из вас сможет стать хозяином в собственной стране, только так вы можете отучить власть плевать на себя.

Бояться такого закона могут только люди, которые не знают, что сделано для улучшения жизни народа. Если не знают — пусть не идут в депутаты.

Я не боюсь. Я знаю... Я не боюсь вашего суда над собой... Но один в поле не воин”.

Часть платформы, где, кстати, есть пункт о восстановлении вкладов на сберкнижках, что, конечно же, нереально, я опускаю. Но вот концовка: “Если вам всё равно — можете не прийти или просто голосовать против меня. Но тогда не сетуйте, что жизнь плоха, — у вас был шанс, да вы его не использовали”.

Вряд ли Мухину удастся пробиться в депутаты. А жаль... Таких парадоксально мыслящих людей мне приходилось встречать не часто.

Все мои соперники по ТВ выступили сами, а за меня агитировал бывший директор химзавода С. С. Беркетов — на казахском и русском языках. Говорил от души, не по писаному. Хотя его мало кто видел и слышал: как раз в это время по

другому каналу “крутили” очередную сверхпопулярную “мыльную оперу” “Просто Мария”. И тут мне не повезло...

Мать, послушав по радио “агитки” кандидатов: “Одолеет вас всех Галенко со своим двойным гражданством...”.

Холода стоят зверские. Вчера вроде чуть-чуть отпустило, а сегодня к вечеру опять под тридцать. Хорошо ещё дома тепло... А в городе даже сверхнадёжные трамваи не выдерживают: морозы с буранами, рельсы замедает — не успевают чистить, трамваи буксуют, заторы... И что ни день — сообщения: там авария, там систему отопления разморозило. Что, в общем, неудивительно: вся “коммуналка” на последнем издыхании...

Российская Дума приняла беспрецедентное решение об амнистии организаторам и участникам ГКЧП и лефортовским “сидельцам”, оборонявшим парламент в октябре 1993 года. Смысл: это акт, зовущий к согласию в обществе через прощение.

“За” голосовали все, кроме “Выбора России” (один из её представителей, “непримиримый” Юшенков, назвал решение шагом к гражданской войне). Шумейко (Совет Федерации) считает: Дума в данном случае подменила собой судебные органы, которые также должны сказать своё слово.

Пресс-служба Ельцина выступила с резким заявлением: добились своего коммунисты и “жириновцы”... Однако “за” проголосовали все фракции — и “Яблоко”, и “ПРЕСС”, и аграрии, и “Женщины России”, и т. д.

Как было заявлено в Думе, Ельцин не вправе отменять это решение.

Ельцину завтра выступать с обращением к Федеральному Собранию. Как он себя поведёт? Бывший Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов философски заметил: очень скоро мы узнаем — продемонстрирует ли и на этот раз Ельцин свою главную черту — непредсказуемость...

25 февраля

У матери день рождения. С неимоверными трудностями, с третьего захода, наконец удалось положить её в больницу. Врач предупредила: лекарства придётся покупать самим... Постельное бельё своё, да и еда — тоже. Говорят: вы же не хотите, чтобы она перебивалась тут с хлеба на воду...

Три встречи за день — всё же многовато... Но — одолел. Сначала агитировал в тубдиспансере (там и выборы будут организованы). Обстановка — довольно убогая, разговор вялый, интереса ко мне не было, похоже, никакого...

Вторая встреча была общая — во Дворце металлургов. Пришло на неё чело-век 50-60. Галенко выступал первым, держался хорошо, уверенно отвечал на вопросы. Попытка братьев-казахов пощипать его закончилась, скорее, неудачей, они ему больше помогли, чем навредили.

Я выступал ровно, отношение зала, заполненного меньше чем на четверть, было между нейтральным и благожелательным... И то неплохо...

Вечером — самое интересное. Ездили с А. М. Мухамеджановым агитировать в мусульманскую мечеть. Был там в первый раз, волновался... Перед вечерним намазом в мечети собралось человек тридцать. Я говорил мало — больше отдувались Алеке да Жасулан Садыков. И уж совсем неожиданной оказалась поддержка молодого парня-казаха, которому я когда-то помог опубликовать его заметку о Курбан-айте...

Один из молодых священнослужителей ненавязчиво завёл разговор со мной о том, что сегодня и некоторые славяне начинают принимать мусульманство, причём отношение к ним после этого в среде мусульман сверхуважительное... Я мягко уклонился от продолжения беседы.

Вообще мне интересно было побывать в мечети. Если бы ещё не эта агитация, как мне кажется, не слишком уместная в этих стенах... А ведь предстоит побывать с той же миссией и в православной церкви.

Р. Штарк на планёрке (без меня, но я настоял) привёл данные о зарплате корреспондентов за четыре месяца — от 600 до 800 тенге, не считая всевозможного бартера... Не восприняли, требовали общего собрания... Я теряюсь в подобных случаях, хотя на самом-то деле всё очень просто: платим столько — сколько можем; не устраивает зарплата — ищите место посытнее... Мне последнее говорить как-то неудобно... А подписантам, среди которых есть и те, кто уже уходили на “вольные хлеба” и вернулись, поджав хвост? И взял я их обратно, хотя большинство редакции было против... И секретарша моя подписала письмо, и главбухша... Уж кому-кому, а ей-то лучше других известны наши финансовые возможности.

Сам виноват: с теми, кто садится на шею, и разговор должен быть коротким. А я всё менжуюсь.

26 февраля

Точно установили: воруют нашу газету в типографии. Печатают неучтённый тираж и сбывают под утро оптом своим “клиентам”. А мы весь этот подпольный бизнес оплачиваем: бумагу, полиграфические услуги и прочее.

Пытались объяснить с начальством “Полиграфии” — бесполезно. Будем организовывать теперь милицейскую засаду.

На барахолке всюю торгуют нашей субботней газетой (там и программа ТВ) по три тенге (а у нас она только с сегодняшнего дня в киосках “Союзпечать” по одному тенге, а раньше ещё дешевле была). Спрашиваю у продавцов: где брали газету? Не говорят.

С одной стороны, гордиться надо: вот, мол, какую газету делаем, настоящий рыночный товар, который подпольно тиражируют и распространяют. А с другой: какие мы всё же лопухи в нынешних рыночных делах!

Становлюсь популярной личностью... Иду вчера на очередную встречу — тормозит новый “Москвич”.

— Подвезти?

И в ответ на мой удивлённый взгляд человек за рулём поясняет:

— Я вас знаю!

— Зато я вас не знаю.

— Вы Поминов...

Сегодня на барахолке сторговал за десять тенге у какой-то тётки Юрия Олешу (“Три толстяка”, “Ни дня без строчки” и т. д.). И она спрашивает: “А вы не наш редактор?”. Оказалось — учительница. Из-за безденежья ушла с работы, теперь торгует на барахолке китайским ширпотребом, а книги — свои, из дома, на любителя, с них много не наторгуешь...

А в Туркмении в честь всенародного праздника — дня рождения туркменбаши С. Ниязова — каждому гражданину выдают “энное” количество соли (я не расслышал точно — что-то около килограмма). Бесплатно! Чем не коммунизм?! Кому не хватает, могут купить соль по свободным ценам, но стоит она очень дорого.

27 февраля

С утра ходил в церковь. К стыду своему — впервые. Народу там было — не протолкнуться: какие-то древние старухи, люди среднего возраста, мужчины и женщины, молодёжь... Шла воскресная служба, а я не знал, как себя вести — и вообще, и в частности: мы с настоятелем не договорились, как встретимся... Потом вижу — и он меня высматривает, а как только за приметил, — дал знак: подойди, мол... Пока я шёл, он уже обратился к пастве: жизнь такова, что в ней и о земном надобно думать и говорить; скоро выборы, надо на них идти, знать, за кого голосуешь. И далее: с нами сегодня один из кандидатов, человек достойный, из крестьянской семьи, в газете боролся против опасного для горожан завода БВК, стал печатать статьи о делах церкви, помогает нам...

Потом я ещё что-то говорил, стоя с ним рядом. Слушали хорошо, кто-то сказал: “Знаем его, проголосуем...”. Несколько человек подошли: у каждого — своё. Кто-то просил посодействовать строительству нового православного храма (мы это делаем), кого-то интересовала судьба русского театра в Алматы; кто-то просил разобраться в истории с его фермерским хозяйством (пообещал). Один весьма настойчиво спрашивал, как я отношусь к двойному гражданству. Мои объяснения его не устроили, и он сказал, что будет голосовать против, поскольку я ставленник казахов и даже получаю от них деньги (?!).

Потом отец Пётр позвал меня в домишко при церкви, и мы с ним общались один на один. Он — примерно мой ровесник, мы с ним знакомы... Ему приходится много заниматься хозяйственными делами, связанными со строительством нового храма, открытием других новых церквей в области. Я спросил: не тяготят ли все эти заботы, не отвлекают ли от дум о вечном. Он кивнул и добавил: “Так ведь и вас тяготят...”. И рассказал притчу о том, как Иисус оказался в доме у двух сестёр — Марии и Марфы. И пока первая сидела у ног Христа, внимая его речам, вторая хлопотала по дому, готовила ужин, собирала на стол... И когда первая, обидевшись на невнимание второй к сыну Божию, попросила его рассудить, кто же из них, сестёр, истинно верует, Иисус отвечал в том духе, что каждому своё.

— Кому-то надо быть и Марфой, — заключил отец Пётр, — в известном смысле я тоже Марфа, да и вы...

Ещё он рассказал мне, как несколько лет назад его на всех уровнях — от горкома партии до облисполкома — уговаривали выставить свою кандидатуру в депутаты облсовета — как раз в том округе, где баллотировался Галенко. Отец Пётр отказался.

Я сказал, что тоже не случайно попал “в его компанию”, но уступать не собираюсь. Объяснил — почему.

Отец Пётр отвечал, что говорил сегодня обо мне в храме вполне искренне, и что (уже замечено!) рука у него лёгкая.

Расставаясь, договорились встречаться почаще. Я попросил его покрестить нашего Пашку, на что он сразу согласился...

Шёл домой с почти просветлённой душой и думал: как хорошо, что я заново открыл для себя отца Петра, с которым мы когда-то и в шутку, и всерьёз пикировались по телефону...

Позвонила избирательница: хочет голосовать за меня и за кандидата Понедельникова тоже хочет... Не знает теперь — как быть? (Понедельников с нами когда-то судился, считая объявленную нами после отпуска цен переподписку на газету незаконной).

— Ну и голосуйте за нас обоих, — отвечал я.

— А разве так можно?

— Ещё как можно: ведь я иду в Верховный, а он в областной Совет, вернее, в маслихат...

Кажется, она была счастлива. Так бы разрешались все проблемы!

Учителя Качирского района третий месяц не получают зарплату. Беда ещё и в том, что она обесценивается: цены на некоторые продукты питания за это время подорожали в пять раз.

Постановлением президента республики в знак признания особых заслуг Д. А. Кунаева и для увековечения памяти о нём его имя присвоено ряду научных и учебных учреждений, акционерному обществу. Его именем названа улица в столице, будет организован Дом-музей Д. А. Кунаева. Можно говорить, состоялась официальная реабилитация Д. А. Кунаева, отношение к которому у большинства казахстанцев во все времена было очень уважительным.

В Казахстане активно создаются инвестиционные приватизационные фонды, которые стали давать рекламу и в “ЗП”. Суть идеи: нам выдадут инвестиционные приватизационные купоны. Мы можем вложить их в один из таких фондов (по собственному выбору). А фонды будут приобретать на эти купоны акции приватизируемых предприятий (на специальных аукционах). Таким образом, мы становимся их акционерами (через фонд) и, если эти предприятия будут работать эффективно, можем рассчитывать на дивиденды от прибыли.

Мы в своём семействе ещё даже купоны не получили, хотя время, для этого отведённое, скоро закончится.

28 февраля

День рождения отца. Сегодня ему было бы 72 года. И уже десять лет, как его не стало — целая огромная жизнь прошла за это время.

Всё же хорошо, что я попытался написать о нём, — пусть это и не будет опубликовано...

Ольга с Пашкой пошли вечером прогуляться. Увидели где-то плакат с фотографией и предвыборной платформой Галенко... Пашка: “А кто это?”. Ольга: “Это дядя, который идёт против нашего папы на выборах...”. “Значит, это плохой дядя!” — заключил Пашка и попытался сорвать плакат.

Бедные наши дети, до чего мы их довели...

А у России опять будет новый прокурор. Знаменитый А.И. Казанник, проработавший на своём посту всего несколько месяцев, подал в отставку. Позицию свою объяснил весьма витиевато: он — за демократию и за Ельцина, но вынужден выполнить решение Госдумы, не будучи с ним согласным... Чего тут больше: искренности или позы? Решил уйти, поняв, что ноша ему явно не по силам (да и разве может она быть по силам честному человеку в эти смутные времена?). Или просто воспользовался удобным предлогом для того, чтобы уйти красиво... Скорее всего, как говорят, имеет место и то, и другое...

3 марта 1994 года

Близится момент отдачи, как писал некогда в нашей газете (правда, по другому поводу) Сашка Тишков, обретающийся ныне в Саратове... Это я к тому, что совсем скоро выборы...

Встречи, встречи... Минимум по две в день... Прохожу неплохую школу общения с разными аудиториями, говорить научился — как по-писаному...

Вчера агитировал в психоневрологическом диспансере — в трёх отделениях, которые будут голосовать. Всего же их тут девять... Впечатления — не из приятных: подавленные или, напротив, чрезмерно оживлённые люди; бледные, одутловатые лица со странными выражениями глаз; у некоторых пациентов нарушена координация движений... Глядя на них, испытывал смешанное ощущение жалости, неловкости, неуверенности, бренности бытия... Поймут ли тут меня? Поневоле вспомнишь Пушкина: “Не дай мне Бог сойти с ума, нет — лучше посох и сума...”. Впрочем, сумасшедшими их считать нельзя (иначе не голосовали бы), но ведь и здоровыми — тоже...

Нас, кандидатов, было трое: я агитировал за достойную человеческую жизнь — с набором всех полагающихся аргументов; мои попутчицы, кандидатки в депутаты областного маслихата, одна — клялась в верности коммунистическим идеалам, другая обещала всячески защищать и оберегать от жизненных тягостей женщину-мать, женщину-труженицу...

Слушали нас на удивление хорошо, с каким-то особым вниманием. Но вот вопросы... Мне:

— Скоро ли наступит коммунизм?

Думал: может, отшутиться, но засомневался — поймут ли... И отвечал нечто невразумительное. Тут же последовал другой вопрос:

— Выходит, Владимир Ульянов-Ленин ошибался?

... А вообще парадом здесь командуют старшие медсёстры отделений. Они мне поддержку обещали: “Знаем вас и вашу газету...”.

Активно разбрасываем по почтовым ящикам мои листовки — вся семья, за исключением матери, поставлена “под ружьё”...

Заключили дома пари на примерный результат выборов: каждый составил свой прогноз, написал его на листочке, и мы их все заклеили в конверт (не читая), надписав: “Вскрыть 9 марта”. Угадавшего итог ждёт денежный приз в 25 тенге.

4 марта

В Казахстане широко отмечается 40-летие начала освоения целины. На торжественном собрании в Акмоле выступил с большой речью Н. А. Назарбаев. Публикуем её под заголовком: “Мы самостоятельно решим возникшие проблемы и вдохнём в целину новую жизнь”. Нигде в мире не было ничего подобного целинной эпопее. Целина буквально преобразила Казахстан — сделала не только аграрно, но и индустриально развитым. Хотя при этом наделали немало глупостей.

Я сам вырос на целине, в целинном совхозе — может быть, до сих пор самым дорогим для меня месте на земле... Жаль, что никто не написал о целине так, как, например, написал Михаил Шолохов о коллективизации.

Выпущены в обращение банкнота в 200 тенге (до этого самой крупной была соттенговая) и металлические монеты достоинством в два, пять и десять тиынов.

Провёл последнюю встречу, и хотя можно агитировать ещё и завтра, решил больше предвыборными делами не заниматься. Зато Галенко активен как никогда: в своём последнем телеобращении был суров и строг, чеканил фразы:

— Нам надо спешить — времени мало!

То-то хохма будет, если в Павлодаре из нас, троих ставленников власти, ни один не пройдёт.

5 марта

Накануне выборов Н. А. Назарбаев выступил с обращением к избирателям. Это своего рода программа действий в экономике, политике, социальной сфере. О селе в обращении сказано так: "... Найдут поддержку только устойчиво работающие, рентабельные хозяйства... Отстающие и убыточные должны сами позаботиться о своей дальнейшей судьбе. Теперь не будут выдаваться кредиты, остающиеся без возврата". На первый взгляд, всё правильно: сколько можно тянуть за уши тех, кто десятилетиями не вылезает из долгов. Но сегодня многие хозяйства попали в разряд убыточных не потому, что не умеют работать, а из-за безумной экономической политики государства, поставившей их на колени. Как быть с ними — их только в Павлодарской области десятки?

В нашей области побывал премьер-министр С. А. Терещенко. На итоговой встрече с участием руководителей предприятий, совхозов и колхозов не столько обнадёжил их, сколько разочаровал, заявив следующее: этот год ожидается наиболее трудным из всех предшествующих... Свёртывание производств, полная остановка предприятий будут продолжаться, скрытая безработица станет явной... Однако именно этот год должен стать началом стабилизации...

Впрочем, про стабилизацию подобного рода я уже писал...

6 марта

Воскресенье. Морозный, солнечный день. Хорошо бы на лыжах сходить... А пошёл на базар... Толчея... Цены растут... Купил матери яблок (она в больнице) — 25 тенге; Ольге — гранат (врач рекомендовал) — 35 тенге; селёдки — 20 тенге и двух сазанов — 70 тенге. Даже для моей — не самой низкой — зарплаты дороговато...

Неплохой выбор мяса — в среднем по 15-20 тенге...

Завтра выборы. А мне позвонил домой один из соперников — Галин и сообщил о том, что школа милиции уже проголосовала — под агитацию двух других наших соперников. Он уже дал по этому поводу телеграмму в Центризбирком и предложил мне подключиться...

Да уж, неймётся ребятам — шибко хочется в депутаты... В другом округе обмениваются публичными ударами Елисеев и Чевненко...

Мне как будто удалось во всей этой куролеси сохранить человеческое лицо, и теперь я полагаюсь на судьбу... Никаких телеграмм никому посылать не буду.

Скандал в Иртышке. Оттуда позвонил Николай Марчевский. Он только что вернулся с судебного заседания, на котором принято решение отстранить от участия в выборах О. Г. Дымова. Предлог — тот внёс залог как безработный, каковым на момент подачи заявления о регистрации и числился... Суд счёл это неправильным. Но дело тут скорее всего в другом: Дымов — единственный из семи кандидатов — "некоренной национальности" (кажется, болгарин). И очень велика вероятность того, что прошёл бы именно он. Дымов подаёт апелляцию в областной суд, но непонятно — останется ли его фамилия в избирательном бюллетене, ведь все они уже на участках. Что его теперь — срочно вычёркивать?

7 марта

Выборы. День — погожий, как по заказу... Ольга вернулась с одного из участков в явно расстроенных чувствах: она провела опрос голосовавших (на выходе) и результат получился не в мою пользу — из 25 человек десять проголосовали за Галина ("Он же юрист!"), восемь — за Галенко ("Он — за русских!"), пять — за меня и двое — за Рыспанова. Что и повергло её в уныние. Она нервничает, злится.

— Проиграешь — получишь развод! Неудачники мне не нужны!
Оказавшийся рядом Димка тут же нашёлся:
— А вдруг он выиграет? Тогда уже ты его не устроишь!

Позвонила Людмила Ермолина: на избирательном участке, где в депутаты областного маслихата баллотируется директор завода, голосующих тихонько предупреждают, что его вычёркивать не надо, и вручают талон на сахар. Некоторых это сбивает с толку, и они бросают бюллетени в урны нетронутыми (сахар же дают!). Попросил Ермолину уточнить потом — много ли окажется таких бюллетеней (они будут недействительны).

Ольга с Данькой ушли на избирательный участок — наблюдать за подсчётом голосов... Но результат им могут и не сказать...

Позвонили с трёх участков: везде на первом месте Галенко, я на втором (а на том, где была Ольга, — и вовсе на третьем). Вернее всего, победит Галенко — сработала психология, основанная на уличном принципе “наших не замай!”.

Наверное, и поделом мне: нельзя в столь серьёзных делах идти на сделку с совестью — в данном случае соглашаться на переброску моей кандидатуры в округ к Галенко.

8 марта

До часа ночи мужественно терпел, дожидаясь главного известия. Потом позвонил сам, но окончательных данных ещё не было. Лежал под полушубком на диване и скорее не спал, чем спал...

В начале пятого утра позвонил председатель окружной избирательной комиссии и трагическим голосом сообщил печальный итог: у Галенко 24753 голоса, у меня 18600, у двух других — ещё меньше.

Димка утром, видя, что я опять взялся за блокнот, не без иронии заметил:
— Записываешь чёрные страницы своей жизни?

За что сразу получил подзатыльник от Даньки, но, уворачиваясь от него, продолжил:

— И хорошо, что ты продулся, — не будешь больше братья за то, что тебе не по силам...

Конечно, нам было в этот день не до праздника...

10 марта

Всё возвращается на круги своя, и уже сегодня я ощутил все прелести редакторских будней... Опять заканчивается бумага, и никакой ясности с ней на перспективу; конфликтуем с “Полиграфией”, разброд и шатания в конторе — даже при обилии официоза и рекламы постоянно не хватает материалов. А чего я, собственно, ждал: что всё само собой наладится, а мне останется лишь поруливать?

Проигрыш мой встречен в редакции, скорее, с удовлетворением: “Ну и хорошо, что так вышло, нам не хотелось, чтобы ты уходил”.

Вчера утром звонила расстроенная В. В. Шершнёва: “Ну как ты?”. Заходила со словами утешения А. М. Мухамеджанов и П. А. Побережников... От остальных “наших” слов участия не дождался... И это даже хорошо: не хватало ещё слёзы лить и панихиду устраивать по случившемуся.

В Павлодаре, кроме Галенко, избраны Елисеев и Соловьёв (профсоюзный лидер связистов). Таким образом, из ставленников власти прошёл один Елисеев...

Теоретически я бы, наверное, ещё мог победить, если бы мы остались в округе с Галенко вдвоём — тогда бы именно мне досталась часть голосов Галина и Рыспанова... Но что теперь об этом говорить...

Ольга впала в глубокий транс. И этому есть объяснение: слишком много сил: и нервных, и физических — отдала она выборам, и слишком велика была её вера в благополучный исход дела, а с ним и надежда на ожидаемые перемены в жизни.

Она взяла отпуск без содержания и выглядит глубоко подавленной. Как её вывести из этого состояния — не знаю.

Приходил ко мне один бывший большой начальник... Трагическим шёпотом рассказывал про нашего общего знакомого — из нынешних “верхов”, у которого уже три машины, три квартиры (на четырёх членов семьи), да ещё дом строит — в три этажа. А зарплата у него немногим больше моей...

И вот эти люди, возмущался мой собеседник, закладывают основы суверенного Казахстана. Между тем и сам он в своё время приложил руку к выдвижению этого самого вороватого представителя нынешней номенклатуры.

Пребывающий с визитом в США президент Грузии Э. А. Шеварднадзе заявил: мы находимся в отчаянном положении, страна на грани голода; и если бы не помощь со стороны США, то у нас уже наступил бы настоящий голод.

Это говорит человек, игравший не последнюю роль в правящей иерархии советского государства и немало потрудившийся на ниве “возвращения СССР в лоно мировой цивилизации...”. Говорит о республике, которой ещё недавно сам руководил, и которая была по уровню жизни едва ли не самой благополучной в бывшем Союзе.

Впрочем, Ш. убеждён: через год-два произойдёт перелом к лучшему, поскольку движение Грузии к свободному рынку и демократии необратимо... Дай-то Бог!

Мой железинский знакомый Серёга Умнов установил новый личный рекорд: проплыл в бассейне “Толкын” за 13 часов 25 километров. Для этого ему пришлось пересечь 25-метровую дорожку бассейна тысячу раз. В воде он находился с 9 часов утра до 10 вечера. Было несколько коротких остановок, когда он подкреплялся грецкими орехами, шоколадом и отваром шиповника, и когда его осматривал врач.

До этого Серёга проплыл в прошлом году с двумя короткими остановками в этом же бассейне 15 километров, ещё раньше прошёл по беговой дорожке стадиона сто километров за 23 часа.

А когда-то мы вместе бегали по утрам по заснеженному стадиону Железинки, а бабушки из окрестных домов смотрели на нас, как на полоумных...

12 марта

Суббота... Проснулся рано, лежал, надеясь уснуть ещё, но не удалось... Мысли — тоскливые, тягучие... Вчера бездарно потратил день в “бумажных хлопотах”. А когда бумагу, наконец, привезли (в восемь вечера), она оказалась не нашей — не подходит для печатания газеты по технологии. Уже не первый раз подводит нас начальник местного “Снаба” — человек ненадёжный и необязательный. А деньги на наших проблемах зарабатывает немалые.

Вообще желающих снабжать редакцию бумагой больше чем достаточно. Но всё какие-то подозрительные личности, заламывающие такие цены...

Окунувшись за первую рабочую неделю во всё это дерьмо, уже по-другому начинаю смотреть на несостоявшееся депутатство: пересидел бы это смутное время в парламенте — и гори оно тут всё огнём. Ну сколько можно, в самом деле, переносить весь этот хаос!

Лучше всего характеризуют нынешнюю ситуацию с голосованием по национальному признаку итоги выборов в городской маслихат. Из 30 избранных депутатов всего один казах. К чему хорошему может привести общественная атмосфера, при которой человек голосует в первую очередь не за человека, а за его национальность?

Довольно резкая корреспонденция в “Известиях” о том, как столичные власти пытаются удушить газеты “Караван” и “АБВ”, находящиеся в оппозиции к мэру Алматы Нуркадилову: отключают свет и телефоны, не дают печатать газеты в городских типографиях.

Соседка — баба Поля — жалуется на жизнь: опять всё подорожало, а пенсия — совсем маленькая. Заключает: “Под немцем в войну жили — и то лучше было...”.

Что я мог ей ответить? Вдруг подумал, что несколько дней назад в “психушке” мне надо было на каверзный вопрос о том, скоро ли наступит коммунизм, сказать: мы с вами уже жили при нём, во всяком случае, многие. Только не замечали этого...

А теперь коммунизм тоже наступает, но только для немногих, и берут они не по труду и даже не по потребности, а сверх оной...

Обнародованы результаты выборов... Вот точные данные по нашему округу: Галенко: “за” — 24753 — 46,2 %, против — 28800 — 53,7 %; Поминов: “за” — 18597 — 34,7 %, против — 34956 — 65,2 %; Галин: “за” — 12273 — 22,9 %, против — 41277 — 76,9 %; Рыспанов: “за” — 10634 — 19,8 %, против — 42919 — 80 %. Да, если бы последние двое сняли свои кандидатуры, то у меня был шанс одолеть Галенко...

Ещё недавно, чтобы купить “Жигули”, человеку приходилось стоять в очереди годами... А сегодня на отгрузочной площадке “ВАЗа” скопилось 17 тысяч невостребованных машин. Цены на них стали для людей неподъёмными, однако и они не покрывают затрат предприятия на выпуск этих автомобилей. Что делать — никто не знает.

В Павлодаре зафиксирована одна из самых экзотических краж: некто ночью умыкнул из бани у частного дома две тысячи роз и триста гвоздик, которые частная предпринимательница закупила на юге для продажи накануне Восьмого марта. Злоумышленников пока не нашли.

15 марта

Хорошее, ясное утро. И ощущается дыхание весны. С утра ещё морозно, но в воздухе уже разлита какая-то особенная прозрачная свежесть. К обеду начинает подтаивать... Ещё пара тёплых дней, и в городе начнётся потоп — снегу за зиму навалило много.

Такая красота вокруг, а я живу с ощущением потери вкуса к жизни, её ароматам и краскам. Мне кажется, такое чувство испытывал в своё время отец, который часто говорил: “Моя жизнь прошла мимо”. То есть, надежды на всё хорошее в ней, на некие высокие цели и вершины не оправдались, а начинать всё заново нет ни сил, ни желания. Мне, конечно, ещё рано подводить итоги, да и как можно жизнь, прожитую отцом, весь её драматизм, сравнивать с моими дрызгами и мелкими неприятностями. Но в последнее время всё идёт через пень-колоду... Отправляюсь на работу в нормальном состоянии, а к обеду столько всего насыщается, что хочется бежать куда глаза глядят... Бумаги нет, денег не хватает, “Полиграфия” хамит, свои кочевряжатся...

Позвонила к концу дня на работу женщина — благодарила за “Помню и люблю”... Вроде отлегло чуть-чуть — пришёл Галин. Принёс письмо о нарушениях и ухищрениях Галенко в предвыборной кампании. Еле отговорил его: зачем после драки кулаками махать?

Были у меня Слава Лесовский с Булатом Ахметовым. Задумали создавать издательскую фирму в форме акционерного общества. Сказали — и “ЗП” не прочь взять в соучредители. Вот, мол, и Сергей Горбунов нам помогает... Обещал подумать...

А после их ухода опять “накатило”... Я даже не знаю, как объяснить, с чем сравнить это состояние? Эту пустоту внутри, ощущение, будто не на что опереться, что земля уходит из-под ног, и твоё тело — не тело вовсе, а студенистая аморфная масса... Как будто даже координация движений нарушается...

Наверное, отчасти это последствия неполноценного отпуска (можно сказать, его вовсе не было), двухмесячной нервотрёпки, когда душа всегда не на месте; и проигрыша на выборах, и Ольгиной депрессии, и развала в редакции... Но влияют на меня и общая неустроенность нашей “большой” жизни, её разлад; и неуверенность в завтрашнем дне — атмосфера всеобщего раздора и хаоса...

Хотя ведь не мальчик уже, а человек, мятый и битый жизнью, многое повидавший и переживший. Почему же, выражаясь исаевским языком, такой тонкокорый, почему не нарастил бизонью шкуру? Есть такое выражение: удачи говорят о том, что человек может, а неудачи — чего он стоит. Если взять за критерий вторую часть, то стою я пока что немного.

Твёрдо решил: пора кончать с интеллигентскими слюнями, самокопанием, самоедством и прочим. Надо, как барон Мюнхгаузен, взявшись за волосы, вытягивать себя из этого болота. Завтра с утра начну бегать. Или, во всяком случае, начну ходить по берегу Иртыша.

“В Павлодаре будет создан технополис”, — уверяет в нашей газете Л. Ермолина. Что это такое на практике, я так и не понял, потому что короткое объяснение генерального директора Ассоциации делового сотрудничества: “Это наука плюс высокие технологии” — по сути ничего не объясняет.

16 марта

Вечер. Идиллическая картина... Я мою посуду... Данька играет на гитаре, мать смотрит “энную” серию “Просто Марии”, Пашка при ней. Супруга с упоением подписывает авторские экземпляры только что вышедшей своей книги “Середина сентября” — детища нашего малого предприятия “Тривиум”... Димка — это его очередь мыть сегодня посуду (по графику с Данькой) — замечает: “Глядя на тебя, я горжусь всем человечеством — его благородством и милосердием”. Дело в том, что посуды после торжественного ужина больше обычного — и вдруг ему такая льгота!

Всего Ольге досталось 360 экземпляров из трёх тысяч. Остальные будем продавать через “Союзпечать”, чтобы покрыть расходы на издание. Цену установили — один тенге 60 тиынов, из которых десять тиынов берёт за свои услуги “Союзпечать”.

Когда мы с Данькой и Димкой (я их предупредил, чтобы ждали меня на улице) заявились в квартиру с пачками книг и дружно заорали “Суюнши!”, Ольга приодурела... Для неё это был лёгкий шок — правда, на этот раз приятный. Мы с ней уже начинали сомневаться в том, что эта её книжка вообще когда-нибудь выйдет. Это — пятый сборник из задуманной нами серии. Болтается в

издательстве Целинограда шестая книжка — повесть С. П. Шевченко “Зимние каникулы”, но обещают и её издать (деньги мы раньше заплатили). А с Ольгой очень кстати всё произошло — я уже не знал, как её выводить из затянувшейся психологической комы.

На работе чуть не весь день ругался. С утра — на планёрке. Говорил о том, какую дерьмовую газету мы делаем — неужто самим не противно? Об эгоизме: средняя зарплата у корреспондентов в первом квартале 600-700 тенге в месяц (в бюджетной сфере, напомнил, 230 тенге), материалов не только приличных, но и вообще никаких нет, а коллективные письма с требованием повысить оклады пишете...

Предложил две новые рубрики “От первого лица” (“Монологи о жизни”) и “Журналист получил задание” — для материалов на злобу дня... Буду их сам жёстко контролировать.

Грустно, но факт: старая — партийная и постпартийная журналистика (в которой, кстати, и хорошее было) умирает, а новая всё никак не народится... И я у постели первой — этой агонизирующей старушки. Не загнуться бы вместе с ней...

Заседали с редколлегией. Подвели итоги работы в первом квартале и решили — кого из не выполнивших норму отработки лишить премии. Норма, надо сказать, сиротская — две тысячи строк в месяц... В числе отстающих и одна из лучших журналисток — Л. Г., у которой вышло немногим более тысячи строк в месяц. Решили лишить части премии её, и не только её.

Теперь предстояло объясниться с самой Л. Г. Пойми, говорю, если я с тебя не спрошу, какое право имею с других спрашивать? Она: когда у тебя трудная ситуация, зовёшь меня — выручай, мол, а по “валу” равняешь со всеми... И пошло-поехало: того не вижу, этого не замечаю; газета разваливается, а тут нашёл крайнюю... С чего-то же надо начинать — говорю, вот с нас двоих и начну (себя я тоже лишил части премии).

Не поняла — обиделась...

Потом проводил профилактическую беседу с “молодняком” — Б. Б. и О. В. Сказал: или активизируйтесь, или нам с вами придётся расстаться... Эти хоть молчали, не огрызались...

Премию большинству дали по окладу с довеском. Это солидная прибавка, надеюсь, она заставит всех задуматься о том, что платить будем не за “задо-часы”, а по труду.

17 марта

Бумаги нет.. Обсуждали возможности её обмена на пшеницу, и вот что по деньгам получается: за каждую тонну бумаги придётся отдать 40 тонн пшеницы. Ну разве не бред?

Читатели звонят, ругают нас за тот ублюдочный листок, который мы им даём вместо полноценной газеты.

Пришла незнакомая женщина — чтобы я подписал ей свою книжку. Поговорили “за жизнь”. По образованию она архитектор; оставшись не у дел (какое сейчас строительство?), переучилась на бухгалтера и работает сейчас в двух частных фирмах. Книжку мою прочитала с месяц назад и — уверяет — она всколыхнула в ней прошлую жизнь: детство, сельскую жизнь, первую любовь... Говорит: хотела сразу позвонить, но сомневалась, а тут узнала о моём поражении на выборах и решила...

Позвонила чиновница из обладминистрации — в расстроенных чувствах. Неизвестные вскрыли сейф в её служебном кабинете (на первом этаже здания дежурит милиционер — чужого сюда просто так не пустят), украли две тысячи тенге (её зарплата, отпускные и материальная помощь), спортивный костюм, видеокассеты... И — никаких концов...

Заседал в ономастической комиссии. Тягостное впечатление. Опять переименования — и всё по просьбам трудящихся. Понятно, много всего мы в этой сфере за 70 лет наворотили и поправлять надо, но опять спешим-суедемся. И на столе у меня письма читателей (они что, не трудящиеся?) чаще всего с вопросом: а нас спросили?

Один из самых активных членов комиссии — профессор-историк местного вуза — предложил “рассмотреть ответственность главы города Павлодара, который принимает недостаточно решений о переименовании по рекомендациям ономастической комиссии”.

С. П. Шевченко как-то говорил мне: у него возникает дикое желание запустить стулом в экран телевизора, когда он в очередной раз видит перед собой чмокающего генсека. Теперь мне самому хочется сделать то же самое, глядя на “сладкую парочку” — “Твикс”, на “райское наслаждение” — “Баунти” или на знаменитого российскийского журналиста, с восторгом пожирающего на экране очередной “Сникерс”.

Вчера вечно юная Кира Прошутинская, передачи которой мне прежде нравились, представляла на ТВ одного из самых богатых людей России, некоего фармацевтического короля. И делала это с таким придыханием, глядела на своего героя с таким обожанием, что просто глупела на глазах — совсем как одна наша “звездюковская” мадонна, берущая интервью у сильных мира сего областного пошиба, когда у них есть чем поживиться...

1200 павлодарских тракторов ждут своих покупателей: заявки от них поступают регулярно — иногда сразу на 600-700 машин. Однако просят их в долг, а завод сам в долгах как в шелках и больше стоит, чем работает, из-за нехватки комплектующих.

Наш Александр Сергеевич Павлов — замглавы обладминистрации и большой умница — назначен начальником республиканской налоговой инспекции — первым заместителем министра финансов. Говорят, не хотел идти, но когда ему позвонил президент, уже не отказался...

Вроде радоваться надо: наш кадр уходит наверх, а мне жалко с ним расставаться — у нас сложились доверительные отношения, с А. С. всегда можно было иметь дело...

22 марта

Наурыз... В последние годы он празднуется очень широко. В центре города — настоящее столпотворение. Казахи очень любят этот праздник, немного привыкают к нему и другие горожане...

Ходили с Ольгой и Пашкой на дачу. С трудом пролезли к ней через узкий проход, ещё заваленный снегом. И обнаружили в дачном домике проломленную

от соседей стену (домик у нас с ними на двоих). К нам незваные гости пролезть не смогли — прежний хозяин был человек основательный и такую дверь соорудил — ничем её не взять, да ещё толстую решётку на окне. Её, впрочем, вандалы распилили, но пробраться сквозь неё им так и не удалось. И тогда проломили стену. В домике всё перевёрнуто вверх дном... Представляю, как они входили в раж, попав сюда... Тем более что взять им тут было нечего. Пожились, кажется, лишь двумя парами берёзовых веников, которые я решил тут сохранить с прошлой осени до нынешней весны.

И вся эта мерзость на фоне прекрасного весеннего дня: солнце, тает, птицы поют...

Пришли домой, сели обедать — звонок в дверь: брат Петька приехал. Решил мать попроведать после её возвращения из больницы. Прилетел всего на сутки, но успели и пообщаться, и пожаловаться друг другу на жизнь...

Отдыхаем в этот раз аж четыре дня. И я всё готовлю себя к тому, чтобы взяться, наконец, и за “Хронику смутного времени” — за тот её вариант, который можно было бы издать. Мы с братом Петькой не раз обсуждали, что это должна быть за вещь? Нечто классическое, с главным героем, сюжетом и композицией, действующими лицами? Цикл тематических новелл на злобу дня — например, “Власть”, “Работа”, “Коллеги”, “Бремя выбора”, “Деньги” и т.д. Может, серия зарисовок?

Склоняюсь к тому, что всё же это должна быть именно хроника — изложение событий в их временной последовательности, мозаика впечатлений; соотнесение глобальных событий с местными, общественно-политических — с житейскими мелочами... Это должен быть своего рода симбиоз хроники и репортажа, картинки жизни, её калейдоскоп, иногда — моё отношение ко всему происходящему. Но только — иногда. Я не главный герой, а лишь свидетель, хотя и беспристрастный. Меня не должно беспокоить обстоятельство, что это может и не быть литературой в её традиционном виде. Но это должно быть такое отражение жизни, когда каждое описываемое событие — как камень, брошенный в воду, от которого расходятся круги... В конце концов я уже почти двадцать лет пишу одну и ту же книгу — книгу о своей жизни. И пусть “Хроника” станет ещё одним побегом на этом дереве жизни. И хотя я сейчас не в лучшей форме, я должен взяться за новую, очень важную работу. Ведь аппетит приходит во время еды, и “движение есть всё, а конечная цель — ничто...”.

24 марта

Из-за нехватки бумаги всё время балансируем на грани остановки газеты. Может, уже давно надо было остановить её на неделю-другую, и тогда бы в администрации зачесались? Перед читателями стыдно — они-то за что страдают?

Ещё и обе машины стали на прикол. Надо их срочно ремонтировать, а запчастей нет. Одна “Волга” — почти новая, но двигатель на ней “сдох”. Говорят, она из той партии, когда на сборочный конвейер сгоняли кого попало... Вот мы и мучаемся с ней — уже и коробку передач делали, и карбюратор меняли.

Несколько дней назад умер сосед с первого этажа — запойный пьяница, туберкулёзник. Под стать ему и жена — пили вместе, а потом он гонял её по двору, пока ещё двигаться мог... И вот стала жена звонить в больницу, морг, чтобы его забрали. Но были выходные, совпавшие с Наурызом, поэтому ничего она не добилась. Стала по соседям бегать, и моя мать “присоветовала”:

“Ты положи его на лоджию, только на пол, ничего ему там за двое суток не сделается — по ночам ещё холодно...”. Так та и сделала, и сегодня соседа, наконец, схоронили.

Будет ли ему царствие небесное — не знаю, а про этот случай напишем в газете обязательно.

26 марта

Подписал материал Николая Марчевского о судебном разбирательстве по кассационной жалобе О. Г. Дымова. Выборы в Верховный Совет он выиграл, обойдя всех своих шестерых соперников. Но районный суд решил, что его не имели права регистрировать, с дурацкой формулировкой — “считать заявление неподанным”. Облсуд отменил решение Иртышского районного суда. Не последнюю роль при этом сыграла речь прокурора области Овчинникова, назвавшего судебный процесс в Иртышке политическим.

Дымов теперь полноправный депутат, и, может быть, эти перипетии помогут ему стать по-настоящему стойким бойцом в новом парламенте.

Олжас Сулейменов в газете “Народный конгресс Казахстана” даёт жёсткий и аргументированный ответ национал-радикалам, опубликовавшим сразу в четырёх газетах — “Егемен Казахстан”, “Халык кенеси”, “Жас алаш” и “Казак аялдери” — коллективное письмо с обвинениями его в непатриотизме и других грехах. Вот несколько мыслей Олжаса: истинный писатель всегда в оппозиции к власти; казахские же писатели всегда в оппозиции друг к другу; там, где побеждает национализм, там терпит поражение народ...

Хорошо, достойно ответил Олжас. Но их много, а он один... Да и тираж у “НК” не сравнить с тиражами газет, давших залп по нему...

Павлодарские селекционеры, оказывается, не сидят сложа руки — передали на сортоиспытания в хозяйства новые сорта пшеницы — “Павлодарская-93” и проса — “Успенское”. Пока что оба хорошо себя зарекомендовали, дав на каштановых почвах в среднем за три года, соответственно, по 14 и 16,5 центнера с гектара. Но приживутся ли они окончательно — большой вопрос.

Экибастузские угольщики решили провести суточную предупредительную забастовку — требуют индексации зарплаты. Стачком стал второй властью в объединении “Экибастузуголь”.

Трамвай был и остаётся самым надёжным транспортом в Павлодаре. Почти полностью на приколе пассажирский автотранспорт, лихорадит железную дорогу, а трамваю, похоже, никакие кризисы не страшны. В 1991 году трамваем воспользовались 26 миллионов пассажиров, а в 1993 — уже почти 37,5 миллиона. В этом году, похоже, будет преодолен рубеж в 40 миллионов пассажиров.

И во всём этом немалая, если не главная, заслуга директора трамвайного управления Джафара Махмутова, который так смог отладить работу предприятия, что трамваи в Павлодаре, без преувеличения, ходят как часы.

Сессия Донецкого облсовета утвердила формулировки вопросов, выносимых на референдум в Донбассе, в том числе — о закреплении за русским языком статуса государственного наряду с государственным украинским.

Кульпаш Конырова открыла у нас в газете “китайскую” тему, совершив на автобусе несколько поездок с павлодарскими “челноками” в Чугучак, где они закупают дешёвый тамошний ширпотреб для последующей перепродажи у нас. Раньше весь товар помещался в обычном полукомфортабельном автобусе “Турист”. Затем в качестве сопровождения отправлялся “КамАЗ”, а теперь и его стало мало — в довершение ходит многотонный “Супер-МАЗ”.

Китайский товар, конечно, невысокого качества, зато по карману нынешнему покупателю. Так что мы ещё спасибо должны сказать китайцам, которые нас одевают-обувают.

28 марта

Завтра выйдет последний номер. Что будет дальше — не знаю... Во все двери стучал, что мог — сделал. Бумаги нет. Пусть теперь у обладминистрации голова болит о том, почему перестала выходить её газета.

Вчера нас с Ольгой подвёз до театра сосед. Бывший агроном, теперь торгует запасными частями для легковых автомашин. Покупает в соседних областях России и перепродаёт здесь. Спросил — сколько я зарабатываю. Оклад — 500 тенге, есть ещё гонорар, но небольшой, может быть премия — отвечал я. Он засмеялся: “А я столько в день имею, а бывает и вдвое больше”.

Так мы теперь строим рыночную экономику.

29 марта

Н. А. Назарбаев побывал с первым официальным визитом в России. Опять объяснял, почему невозможно двойное гражданство в Казахстане, где более половины населения не являются коренными жителями. Вновь предлагает заключить правительственные соглашения, по которым человек, перебравшийся из Казахстана в Россию, автоматически получает российское гражданство, а человек, переехавший из России в Казахстан, — казахстанское. Российские же власти пока никак на это неоднократно обнародованное предложение не отреагировали.

Два президента договорились о том, что Байконур на 20 лет полностью отдаётся России с возможной пролонгацией аренды ещё на 10 лет. Сумма арендной платы — 115 миллионов долларов в год, не обязательно деньгами, но и взаиморасчётами. Российские граждане будут жить и работать на космодроме по российским законам.

Ещё Н. А. Назарбаев выступил с предложением создать Евразийский союз из стран — участниц СНГ, а если эта идея не встретит широкой поддержки, то такой союз могли бы образовать Россия и Казахстан.

31 марта

В республике попытались вывести “среднестатистический портрет безработного”. Это женщина-горожанка до 45 лет, рабочей профессии, имеющая двух и более детей. В прошлом году 70 процентов официально признанных безработными составили женщины. 37 процентов из них имеют высшее образование, почти все остальные — среднее. Возраст — 30-45 лет.

И ещё одна тенденция: 46 процентов официально зарегистрированных безработных — сельские жители.

По прогнозам, к концу года безработица вырастет в два-два с половиной раза.

Продолжение следует.

Серик СМАГУЛОВ

Безупречен профиль,
Медленны движения губ.
Ценит ли тебя тот, что рядом,
Пробуждая страстным взглядом?
Или близорук он, приземлён и груб?

Или он из тех, что копошатся, как кроты.
Не различая лики среди нор?
Он ведёт (какая жалость!) лишь житейский разговор,
С женщиной Боттичеллиевой красоты...

Кроссворды жёлтых окон
Не гасит долго город.
Луна бездонным оком
Средь звёзд фантазмагорит.

Загадочными полюсами,
Незримо — на весах.
Мы — во плоти под небесами,
Душою — в небесах.

Ни жив, ни мёртв
На кладбище лежу.
И чудится, что покидают силы.
Уже нетрудно пересечь незримую межу,
Что отделяет нас от пропасти могилы.
Глазами за пареньем птиц слежу.
Вонзились травы в шею.
Не вытираю на щеке слезу:
Не я — другой уходит
В глубину траншеи.
Сомкнётся плотно свежий ров...

Венец земного бытия не нов,
Аул из десяти заплаканных дворов,
Безропотно, без гнева
Возносит суры небу...

Разучились голуби веером взлетать:
“Фр-р-р!”.
Ходят рядом с нами вперевалку.
“Теть отсюда, прочь,
кафыр!” —
Машет старец суковатой палкой.

А турманам крики нипочём.
Обступают старика плотнее...
Что равнять их с полевым грачом,
На асфальте — жизнь сытнее...

Бесследно
Уводит
Дней
Полки
Мой бывший
Сторонник — Время.
Нет голоса, крикнуть:
“Постой, не покинь!
Не осилить мне
Одинокого
Воинства
Время”.

Глаза — сапфиры, голос — лира,
(Я от волнения невесом).
Тебя такою сотворила
Абракадабра хромосом.
Из неуловимых быстрых клеток,
Из страстью обожжённых ген,
Благоуханную, как лето,
Бурлящую, как кровь из вен.
... Мир — в испытании на крайность,
Гармонию теснит содом.
Я силюсь отгадать, какая тайна
В абракадабре хромосом...

г. Кокшетау.

Геннадий МАТРОСОВ

Я найду простые слова,
Чтобы было легко и просто,
Не кружилась чтоб голова
От насущных сложных вопросов.

Укажу прямые пути,
Чтоб избавить сердце от боли,
Постараюсь теперь не грустить,
Обязательствами не неволить.

Я найду себе новую даль,
Ту, что светится за горизонтом,
Прогоню и тоску, и печаль,
Приготоваюсь к радости звонкой.

Мне не хватает теплоты

Мне не хватает теплоты
И женской ласки безмятежной,
Друзей сердечной доброты
И бесшабашности небрежной.

Мне не хватает теплоты
Влюблённых глаз заворожённых,
Сердечных качеств чистоты
И верности неотрёпённой.

Мне не хватает теплоты,
Чуть-чуть земного вдохновенья,
Чтоб, не теряя красоты,
Нести любовь самозабвенно.

Мне не хватает теплоты,
Чтоб обогреть друзей в ненастье,
Чтобы уйти в свои мечты
И попытаться слушать счастье.

... Мне не хватает теплоты...

Уходят годы

Положенцеву А. Н.

Уходят годы, зрелость торопя,
Уходят безвозвратно и печально...
И разум примирился, не скорбя,
К разлукам, что преследуют фатально.

Прошедших встреч, улыбок не забыть,
Как прожитого второпях везенья,
Но сердце продолжает сладко нить
При каждом новом всплеске восхищенья.

Восторг испытывая от улыбки той,
С кем вдруг удача встречу подарила,
И озарила детскою мечтой,
И новой верой смысла предвосхитила.

... А встречи повторяются подчас,
И с теми, кто желал тебя напрасно,
Кого желал ты сам, и всякий раз,
С кем было интересно и прекрасно...

Бывает, что и в зрелости настанет
Такая грусть, смертельная тоска,
Что сердце словно снежным комом станет
И молотом тяжёлым бьёт в висках.

И хочется покоя, тихой ласки,
Как в детстве, материнских нежных слов,
И чтобы рассказала мама чудо-сказку,
Хорошую, простую, как любовь.

И хочется по праву быть героем,
И храбрым витязем, и добрым чудаком,
И ради этой памяти мне стоит
Идти по жизни храбрым ходоком.

Встречать печаль и боль открытой волей
И подлость с ходу смело побеждать,
Не сетовать в пути на злую долю
И неизбежность чутко упреждать.

Льётся, льётся из души
Нежный свет,
В замороженной тиши
Твой портрет.
В отголосках суеты,
Как Весна,
Знак вселенской доброты —
Ты одна...
В хаотическом быту
Твой восторг,
Дань душевной чистоты,
Даль дорог.
Застоявшаяся страсть,
Как поток,
Захватила в сердце власть,
Жмёт висок.
И восторженность сердец,
Радость дней
Нам позволяя, наконец,
Быть добрей.
Наши чувства затая
От друзей,
Будем ближе Ты и Я
И родней...

Пожалуйста, не закрывай за мною дверь,
Не думай, мой уход — это прощание,
И никаким дурацким слухам ты не верь,
И постарайся чувствовать меня на расстоянии...

Не думай, что так просто от тебя уйти,
Захлопнув металлические двери,
На нашем непростом, запутанном пути,
Перегружённом грузом недоверий...

... Как много прожито в минувший год,
Как много в нём осталось огорчений,
Но он прошёл, и вновь судьба зовёт
Навстречу радостным душевным потрясениям.

... Не надо хлопать дверью, уходя,
Не надо думать, что сюда уж не вернуться,
Ведь не погасла в небе та звезда,
Что нас ведёт и не даёт споткнуться...

Пожалуйста, не закрывай за мною дверь!!!

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

Память сердца

*Они сидят передо мной, седые,
Никто из них не сетует на жизнь.
Послушай, друг, ведь все они — святые!
Ты только к ним получше приглядишься.
Они прошли такое! — Не приснится!*

*А вот сидят — совсем простой народ.
Ведь то про них, что кровь, а не водица
В их жилах перетруженных течёт...
Дотронься до сердец их и узнаешь,
Что этот мир, сияющий в лучах,
Они когда-то из огней-пожарищ,
Не дрогнув, выносили на плечах!*

Фёдор АГАПОВ,
участник Великой Отечественной войны

Для каждого человека есть в жизни особые, знаковые моменты. Для ветеранов таковыми стала защита Отчизны в суровые годы Великой Отечественной. Немало воды утекло с тех пор, как прогремели последние залпы войны. И как немало чего-то очень важного, казалось бы, незабываемого, вечного в нас она уносит. Самое обидное, что с каждым годом редекот ряды победителей. Это ещё раз подтвердил в беседе со мной заместитель начальника департамента по делам обороны Северо-Казахстанской области подполковник Аскар Кажимов.

— Если в 2008 году в нашей области числилось более 1200 ветеранов войны, — сказал Аскар Мурзагалиевич, — то сегодня их осталось 987. Впитывая новые уроки истории, мы ценим подвиг героев всё больше и больше. 56 североказахстанцев стали Героями Советского Союза, 11 человек — полными кавалерами ордена солдатской Славы. Есть нам кем гордиться. Именно они, солдаты той войны, чья юность прошла в окопах, и были на ней главным подвижником, приблизившим долгожданную Победу.

Офицер с теплотой отозвался о фронтовиках — пехотинце, кавалере орденов Отечественной войны I степени, Славы III степени, медали “За отвагу” Султана Мухаметжанове, пулемётчике Иване Берлине, удостоенного орденов Красного Знамени, Славы II, III степеней, медали “За отвагу”. В том числе не оставил без внимания авиатора Евгения Богунова — участника двух войн, кавалера ордена Отечественной войны, медали “За боевые заслуги”, награждённого Грамотой Президиума Верховного Совета СССР за мужество и воинскую доблесть при выполнении интернационального долга.

С Султаном Мухаметжановым мы условились встретиться у него дома. Дверь уютной квартиры открыл стройный, подтянутый мужчина в клетчатой рубашке. Дочь Гульнара засияла от радости, без всякого кокетства заметила:

— Хорошо, что пришли вовремя, отец любит точность, у него строгий распорядок дня.

Глядя на моложавое лицо, я тогда не знал, сколько лет хозяину квартиры. Позже понял, что ему почти девяносто. Несмотря на свой возраст, неоднократные ранения на фронте, Султан-ага бодр, подвижен, ум и память ясны, а логика безупречна. Ветераны, с кем он общается, оказываются, шутят: “Нам не нужен компьютер, Интернет, заменяет их Султан Мухаметжанов”.

Фронтовик эрудирован, на любой интересный вопрос собеседники получают конкретный ответ, в том числе в области экономики, финансов. И не случайно. За плечами у него пятидесятилетний трудовой стаж. До ухода на заслуженный отдых Мухаметжанов работал в Петропавловском городском финансовом отделе.

Мой собеседник войну прошёл от Сталинграда до Берлина. Участвовал в освобождении деревень и городов России, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии от фашистских оккупантов.

Он именно из тех, о ком сказал поэт: “Мы по-пластунски пол-Европы пропахали”.

Призвался фронтовик из села Караозек Макинского района Акмолинской области в декабре 1941 года и принял первый бой в составе 127-го полка 21-й стрелковой дивизии под Сталинградом.

“Сталинградская битва, — вспоминает ветеран, — началась 17 июля 1942 года с передовыми отрядами 6-й полевой армии фашистов. В 41-м году она считалась одной из лучших армий вермахта, “победительницей столиц”. Она первой вошла в Брюссель, в июне сорок первого её солдаты маршировали по бульварам Парижа. Вот с солдатами такой хвалёной армии нам пришлось встретиться вплотную. Бои были жестокими. До августа мы дрались на правом берегу Дона, отстаивая каждую пядь земли, а затем фашисты вытеснили нас на противоположный берег в район Калача.

Едва мы успели оборудовать окоп, гитлеровцы вновь начали наступление. На нас пошли танки, самолёты. Мы, автоматчики, не кланялись пулям, держали оборону как могли. Ведя огонь из автомата, чувствовал гулкое биение сердца. В голове словно тысячи молоточков призывно выстукивали одно слово: “Точней! Точней!”. И лишь когда гитлеровцы перенесли огонь на соседние окопы, вздохнув, вытерев рукою пот с лица, стремительно бросился на помощь к боевым товарищам — на левый фланг.

Сейчас, вспоминая бои, ужасные дни и ночи, словно кадры документальной хроники вновь и вновь вспыхивают в памяти сражения, подвиги и гибель товарищей. Небо будто перевернулось, смешалось с землёй, свету белого не видно, фашисты превосходили во всём, но только не в мужестве и отваге. Каждый мой сослуживец осознавал, что может быть убит,

но главная мысль, которая двигала всеми — задержать врага, который шёл стеной на советских бойцов. Иначе не могло быть. Стоял один вопрос: “Жизнь или смерть?”. В этот период набатом прозвучали слова народного комиссара обороны Сталина из приказа № 227”.

Когда я поинтересовался, как был воспринят данный приказ красноармейцами и необходим ли был такой суровый документ в те дни, фронтовик ответил:

“Ни шагу назад! Только таким должен был быть наш главный призыв. Эти слова из приказа знал и правильно воспринимал каждый боец. Но можно ли представить себе иную постановку вопроса, когда решалась судьба всей страны? Сегодня в тиши кабинетов, когда не раздаются выстрелы, не грохочут орудия, рождаются некоторыми лжеисториями всякого рода описи, измышления, поднимается шумиха вокруг приказа № 227. Считаю это кощунственным по отношению к тем, кто даже ценой жизни сумел отстоять и защитить свою Отчизну. И если бы не этот приказ, то ещё не известно, до каких пор отступали бы наши войска и когда бы наступил перелом в войне”.

Султан-ага хорошо помнит кровопролитные сражения, то тяжёлое время, когда наши части оставляли один за другим города и деревни.

“Отступая, мы с тоской и стыдом смотрели в глаза вынужденных оставаться под фашистской оккупацией жителей, — с горечью говорит мой собеседник. — Нагляделись на горе людское, на беженцев, растерзанных детей, стариков. Когда пришёл наконец-то час расплаты, гнали врага до самого Берлина — логова фашизма”.

Пехотинец Мухаметжанов участвовал во многих операциях, был всегда на передовой, в гуще сражений.

Говоря о пехоте, выдающийся полководец Константин Рокоссовский дал высокую оценку её ратному труду. “Пехота, по существу, — подчёркивал маршал, не знает передышки, она всегда на переднем крае, всегда под огнём противника, всегда в бою”.

В адском пекле под Сталинградом Мухаметжанов получил первое ранение. Один из осколков угодил в лицо. Султан впал в беспамятство. Придя в себя, потрогал лицо, оно было в крови. Ладонью старался зажать рану. Бой шёл вдали. Лишь тёплый ветерок раскачивал ветки одинокого дерева. Боец, слегка дотронувшись рукой до ствола берёзы, подумал: “Как же ты, дорогая, осталась одна, словно сиротинушка?”. Казалось бы, одинокая берёза, но она придала ему силы. И он сделал вывод: в таком аду сильнее огня твой дух. В стороне медленно догорали гитлеровские танки. В том, что бойцы остановили бронированные машины, был и его вклад.

Во фронтовую биографию автоматчика Мухаметжанова после излечения в саратовском госпитале вписали свои строки сражения в районе Ржева в составе 235-го стрелкового полка.

“Бои и здесь были страшными, надо было задержать массированную атаку вражеских танков. Хоть ворвались они в глубину обороны, но мы били их и там, — продолжает фронтовик, — холодок пробирал спину, пронзительный свист, разрывы снарядов. Песок в ушах, на зубах. Рвутся мины. Накрывл нас плотный миномётный огонь. Тот самый, который очень точно изобразил Александр Твардовский:

*Хуже, брат, как миномётный
Вдруг начнётся сабантуй.
Тот проймёт тебя поглубже —
Землю-матушку целуй...*

Сгорел, как говорится, на костре очередной трудный день с тяжёлым сражением. Смутная тишина опустилась на истерзанную ржевскую землю. Тянуло удушливой гарью от пороха и дыма. Бесшумно прожигали тьму осветительные ракеты. Хотя шли ожесточённые схватки, но между ними в минуты затишья можно было услышать музыку и песни, встретиться с артистами и писателями, приехавшими на передовую. По сегодняшний день перед глазами Мухаметжанова незабываемая встреча с известным казахстанским актёром Елубае Умирзаковым, который исполнял главную роль в фильме «Амангельды».

«Мои земляки были в восторге, — вспоминает Султан-ага, — радовались, как будто наяву увидели самого казахского батыра Амангельды Иманова вдали от родины. Эта встреча не могла не оставить добрый след, не вдохновить».

Произошло ещё одно памятное событие в ноябре 1943 года под городом Кривой Рог. Тогда к нам, в 73-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Алма-Ате, прибыла очередная делегация. Её возглавляла заместитель председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР Шекер Ермагамбетова. Гостей встретил сам командир стрелковой дивизии генерал Семён Козак, впоследствии дважды Герой Советского Союза. Состоялся тёплый и душевный разговор членов делегации со своими земляками. Они рассказали об успехах тружеников республики, о том, как тыл подpiraет фронт. Казахстанцы приняли участие в сборе средств для фронта. 22 вагона подарков и доставила делегация».

Да и бойцам было о чём поведать гостям. В 209-м гвардейском стрелковом полку, где служил Мухаметжанов, было шесть Героев Советского Союза. Среди них — командир части подполковник Г. Микаэлян, начальник штаба майор А. Попов, командиры миномётных расчётов младший сержант С. Жаксыгулов, сержант А. Анищенко и др. Все — казахстанцы. Так, расчёт Александра Анищенко только в одном из боёв уничтожил две пулёмётные огневые точки, захватил 26 пленных, пять вражеских орудий.

Шекер Ермагамбетова отличившимся в боях солдатам вручила Грамоты Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

«Обращаясь к бойцам, — вспоминает фронтовик, — она сказала: «Помните, мои сыны, защищая свою Отчизну, вы оберегаете честь Родины, родного очага, семьи. А по поводу тыла не беспокойтесь, хлебом обеспечим вдоволь. Земля-то наша богатая. Добивайте фашистов, возвращайтесь домой с победой...».

Вручая и мне грамоту, Ермагамбетова обняла по-матерински. Когда близко засветились её тёплые глаза, то невольно в них я увидел свою маму Бибигайшу. Вспомнил добрые руки, морщинку на её лице, седую гладкую прядь волос, отца Мухаметжана, трудягу, шахтёра. Разумеется, и любимую сестрёнку Нагиму, её по-солнечному весёлую улыбку, чёрные косички.

А когда заиграла домбра гостей, зазвучали кюи Курмангазы, Даулеткереев, то и вовсе повлажнели глаза, что-то волнующее подкатывало к горлу. Думаю, что каждый мой товарищ тогда испытывал такие же чувства”.

Глядя на пожелтевшие фотографии и документы, мой герой более зримо представлял фронтовые дороги, однополчан, школьные годы, своих сверстников. Среди них Султан Мухаметжанов выделялся трудолюбием, настойчивостью, рассудительностью, организаторскими способностями, умением повести за собой. Эти качества особо проявились как на фронте, так и в мирное время. Такими же характерными чертами обладал его фронтовой друг старший сержант Букейхан Тулебаев. До сих пор ветеран как ценную реликвию хранит его фотографию с надписью: “На долгую и вечную память земляку старшему сержанту Мухаметжанову Султану от земляка Тулебаева Букейхана во время совместной службы в Берлине, 19. 06. 1946 г.”. Кстати, в мае 1946 года Султан Мухаметжанов в поверженном Берлине встретил своего брата Магжана, который, как и он, с боями дошёл до логова фашизма.

Что и говорить, без подвигов пехотинца Мухаметжанова, танкистов, артиллеристов, лётчиков, моряков и других невозможен был май 1945 года. Многие из них погибли, подрывая себя в неравном бою, унося с собой десятки вражеских жизней.

Война испытала бойцов на прочность, научила быть стойкими, преодолевать все трудности. Султан Мухаметжанов, будучи раненым четыре раза, выживал всем смертям назло, находил в себе силы твёрдо стоять на ногах. Как то дерево — чем сильнее ветер, тем крепче корни. Неслучайно в части о нём ходила молва:

“Султан — настоящий пехотинец, его не берёт пуля-дура, воюет за десятерых”.

“Храбрый, инициативный боец Мухаметжанов не теряется в самой сложной обстановке, — писала фронтовая газета, — вместе со своими товарищами уничтожил несколько вражеских танков и солдат, сражаясь под Ржевом. Получив ранение в плечо, остался в боевом строю. Готовность прийти на помощь сослуживцу просто поражает в нём...”.

Султан Мухаметжанов говорит неторопливо, спокойно. Так и кажется, что и со словами фронтовик обращается как когда-то с автоматом, гранатами, бережливо, аккуратно.

“Хочу вот ещё о чём сказать, — продолжает ветеран, — в какой бы части ни воевал, куда бы судьба ни бросала, рядом всегда находились надёжные люди. Понял и то, что в беде человек раскрывает своё сердце, оно бьётся в такт с другими сердцами. А мы, фронтовики, независимо от того, кто какой национальности, были как одно целое. И совместными усилиями добивались того, чего хотели, главное — добились фашистов в их логове”.

Верно гласит народная мудрость: “Если воля, как сталь, тверда — цели достигнешь всегда”. Вот и настал тот день, когда все опасности и тревоги фронтовых будней остались позади. Начиналась совершенно иная жизнь. Молодой парень смотрел в будущее с оптимизмом. На земле предков повстречал Султан свою судьбу. Повстречал, чтобы уже никогда не расставаться.

По своему воспитанию его супруга Рашида Шариповна Азаматова была тактичной, интеллигентной, очень внимательной не только к своим детям, но и ко всем, кто её окружал. Работая учительницей более пятидесяти лет в общеобразовательных школах, она пользовалась огромным уважением за человечность, профессионализм, активность жизненной позиции. Труд окупился сторицей. Она стала заслуженным учителем Казахской ССР и отличником просвещения. Почти полвека, рука об руку, Рашида Азаматова и Султан Мухаметжанов прошли по жизни. К сожалению, в 1983 году её не стало. В память о ней остались фотографии. На одной из них у Рашиды Шариповны мягкий взгляд открытых, с искоркой, глаз. Такой она и осталась в памяти людей, кто её знал.

По стопам матери пошли дети — дочь Флора и сын Аскар стали отличными педагогами. А младшая дочь Гульнара, как и отец, избрала профессию экономиста. В детях воплотились все лучшие черты родителей, вложивших много труда и старания, чтобы дать детям образование, раскрыть перед ними мир, направить по широкому и верному пути, по которому твёрдо шли они сами.

Бёрлин идёт на Берли́н

*Стонал губительный металл,
Гудела канонада...
Ты пять ночей подряд не спал
В чаду сплошного ада.
Устал. Оброс. На теле грязь.
И кровь густая запекалась
На ссохшейся шинели.
Шальная смерть над головой
Грохочет, рвёт, швыряет.
Разрыв. Фонтан земли — и твой
Товарищ умирает.
Глухая злоба, скрежет, стон,
От боли сердце сжалось.
И ты забыл покой и сон
И гонишь прочь усталость.
Встаёшь, собрав остаток сил:
— Вперёд! За мной, ребята!*

Дмитрий Дёмин

Звонок был неожиданным. Звонили из областного департамента по делам обороны (военкомата), Иван Михайлович заволновался. Тревожные думы бередили сердце. “Казалось бы, — размышлял ветеран, — не праздник, а меня почему-то приглашают в военкомат”.

— Людочка, — обратился Иван Михайлович к дочери, — приготовь, пожалуйста, белую рубашку и праздничный костюм, завтра иду в военкомат.

И вот приятная встреча ветерана войны Ивана Бёрлина в областном Северо-Казахстанском департаменте по делам обороны с военным атташе посольства Российской Федерации в Республике Казахстан генерал-лейтенантом Николаем Покасем.

— Иван Михайлович, хотим обрадовать вас доброй вестью, — улыбнулся генерал. — Вас нашла долгожданная награда. Помните ли, за какой бой были удостоены ордена Красного Знамени?

В зале воцарилась тишина. А бывший фронтовик растерялся от неожиданности. И смущённо вымолвил: “Да разве всё упомнишь? Ведь не за награды воевали”. Тут же начались расспросы находившихся в зале ветеранов:

— Сколько же лет искала награда? Кто был вашим командиром? На каком фронте воевали?..

Военный атташе, прикрепив орден на лацкан пиджака, крепко пожал руку герою. И пожелал:

— Носите на здоровье!

Дома сын Александр, дочь Людмила, другие родственники буквально ликовали, радуясь боевому ордену. Только Иван Михайлович был серьёзным, сжав кулаки, сказал взволнованно:

— Награда наградой, но, дети мои, лучше вам не знать ужасов войны. Сколько боевых товарищей я потерял на фронтовых дорогах...

Берлин, склонив седую голову, надолго замолкает. Может, вспомнил тех, кто не дожил до победного дня. Ведь многим тогда было по восемнадцать-двадцать лет. И подступает к горлу фронтовика комок, как от тревожного вскрика отбившейся журавлиной стаи. В такие минуты ему кажется, что ветер уносит груз прожитых лет, возвращая к молодости военной поры. Кто-то кричит: “Браток, поддержи огнём! Если погибну, отомсти за меня, за гибель отца, брата!”, а кто-то произносит фронтовой пароль. И чувствует Иван Михайлович укол печали, словно позвали его издалека.

“Нет, не суждено человеку, пережившему войну, — говорит ветеран, — забыть обо всём, что мучает до сегодняшнего дня”.

И он невольно вспоминает то ноябрьское сражение 1943 года, за что, оказывается, и был представлен к награде.

“Содрогалась и стонала земля, — рассказывает Иван Михайлович. — Последние слова командира утонули в оглушительном грохоте вражеских орудий.

Приказ по-военному был краток: “Прикрыть пулемётным огнём людей, технику, пока все переправятся на другой берег Днепра. Без приказа не отходить!”.

Враг, атакуя, пытался сбросить нас в могучую реку. Вода в Днепре словно кипела, то поднималась вверх, то опускалась вниз. Гитлеровцы простреливали переправу из всех видов оружия.

Слышались стоны раненых. Вода становилась кроваво-розовой. Было много убитых. Переправлялись на крохотных плотках, сколоченных из досок и брёвен, на рыболовецких лодках, понтонах.

Солдаты высказывали недовольство: “Пусть всё будет проклято, легче пять-шесть раз сходить в атаку, чем один раз оказаться на переправе”.

Вблизи разорвалось несколько мин. Поднялся ветер. Вскоре до моего слуха донёсся шум, послышались отдельные голоса бойцов: “Надо спешить, нажимайте на вёсла”. Временами огненные трассы прошивали ночную мглу”.

“Выполнить приказ!” — эта мысль гвоздём засела в голове бойца. Воспалённые глаза засветились, вспомнились последние бои. В этом блеске у бойца чувствовалась и сила, и ненависть к фашистам.

Берлин лёг за пулемёт. В воздухе тонко запели осколки. Пулемёт Ивана заговорил сердито, строчил беспрерывно. Хорошо что предусмотрительный пулемётчик загодя побеспокоился запастись патронами для своего “максима”. Их было семь коробок. Тревожило лишь то, что осколок вражеского снаряда повредил кожу.

Ночь выдалась холодной. Слабо серело беззвёздное небо. Нет-нет да высоко, раздвигая непроглядную тьму, взвивались осветительные ракеты.

Вдруг уже днём на какое-то мгновение воцарилась тишина. Она была тревожной, и постепенно стала наполняться гулом немецких самолётов. Берлин поднял голову, внимательно вглядываясь в небо. Лёгкие, как паруса, облачка скользили по его голубой глади. Как он хотел мирного неба! Но на душе было беспокойно, сердце билось гулко и тяжело:

Не дрогнуть, устоять бы! Скорее бы наши бойцы переправились на этот берег, пока вражеская авиация не начала бомбить переправу.

“Особенно становится тяжело, когда “Юнкерсы” и “Мессершмитты” на малой высоте “бреют” тебя. Происходит ужасное, когда засыпает тебя вздыбленная земля, кровь идёт из ушей. Такое испытывал не раз”, — рассказывает бывший пулемётчик.

Гитлеровцы так и не смогли обнаружить, откуда строчит пулемёт Берлина, красноармеец сумел искусно замаскировать его под деревом. И место выбрал удачное, откуда хорошо просматривалась вся панорама боя.

Один за другим падали фрицы под прицельным пулемётным огнём Берлина. Чёрная пороховая копоть покрыла ствол пулемёта, тянуло удушливой гарью. Не умолкала канонада, мины и снаряды продолжали утюжить землю.

Боец не щадил себя, зная, что своими действиями спасает целый стрелковый полк, который продолжает форсировать Днепр.

Неслучайно за мужество, проявленное в бою за Днепр, командир 229-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии подполковник Гордиенко перед строем объявил, что пулемётчик Берлин будет представлен к высокой награде.

Но вышло, что боец так и не узнал ни тогда, ни позже, был ли он удостоен ордена за то сражение на Днепре. К тому же награды не обходили его стороной, а среди них — ордена солдатской Славы II и III степеней.

Командиры и рядовые воины не раз восхищались храбростью и отвагой Ивана. Говорили, что счастье всегда на стороне храбрых. А он, весёлый, общительный, жизнерадостный, отлично знающий

своё дело, как говорится, всем пришёлся ко “двору”. В минуты затишья между боями все тянулись к нему, поговорить с ним. Жила в этом удивительном человеке такая сильная любовь к жизни, что рядом с ним верилось: можно победить любую невзгуду и даже смерть. Доброту его выдавали глаза, в них, как в небе, было светло.

Учил он и молодых бойцов любить и беречь оружие. “Пулемёт “максим” — отличное оружие в умелых руках, — наставлял Берлин, — может отразить атаку целого пехотного батальона гитлеровцев. Для этого нужно иметь отважное сердце и верный глаз”.

На североказахстанской земле прошли детство и юность Ивана Берлина. В памяти ветерана остались добрые воспоминания об отце Михаиле Илларионовиче, матери Евгении Прохоровне, старшем брате Алексее.

Отец был простым тружеником, работал на заводе им. Кирова в Петропавловске, а брат Алексей — тоже участник Великой Отечественной войны, офицер, пехотинец, принимал участие в боях под Москвой.

“Мама меня очень любила, — вспоминает фронтовик. — Делала всё для того, чтобы воспитать честным, порядочным человеком. Старалась дать хорошее образование. До войны учился в школе. Я не мог не оправдать доверие родителей, поэтому старался быть в числе лидеров в учёбе. Хотя, конечно, обычные детские забавы мне чуждыми не были. Любил поиграть в футбол, искупаться в Ишиме. Само время было таким, что скучать не приходилось. Уже после школы пошёл работать на завод, помощником токаря. А моей наставницей была красивая и обаятельная девушка со станции Отрожко, что под Воронежем. “Профессия токаря — престижная, всегда в почёте”, — рассказывала эта девушка. Она учила меня токарному делу, поддерживала во всём. До сих пор благодарен ей за заботу и внимание. Надо же такому случиться, что боевое крещение мне пришлось принять в составе 310-го стрелкового полка именно на этой станции”.

Настроение у Ивана Михайловича всегда было боевым. Друзья шутили: “Бёрлин идёт на Берлин, значит, и мы дойдём с ним до столицы фашистской Германии”. Он свято верил, что сумеет выполнить любой приказ. Верил и тогда, когда назначили его, сержанта, командиром взвода разведки. И здесь блестяще выполнял задания, доставляя “языков”. Он не подвёл командование. А вот победу Берлин встретил в Праге.

После войны, прослужив ещё несколько лет в артиллерийском полку Киевского военного округа, приехал в родной Петропавловск. Здесь окончил педагогический институт. До ухода на заслуженный отдых долгое время учительствовал в одной из школ города. Супруга Любовь Алексеевна тоже была педагогом. Дочь Людмила преподавала в пединституте. А брат Алексей возглавлял 43-ю среднюю школу Петропавловска.

“Мысленно перелистывая страницы своей жизни, — говорит ветеран, — я с благодарностью вспоминаю минувшие годы, которые закалили и научили меня ценить хороших людей и любить своё Отечество. Наша память — это способность размышлять, видеть, бороться за мирное небо, за процветание Казахстана, за Отчизну, за которую отдали молодые жизни многие замечательные люди. И я горжусь тем, что был одним из тех, кто приближал долгожданную Победу над врагом, защищая свою Родину”.

О человеке, который трудолюбив, энергичен и жизнерадостен, не зря говорят: “Родился под счастливой звездой”.

г. Петропавловск.

Владимир БОЙКО

Сюжеты и портреты

Записки неопределённого жанра

Главы из книги

(Продолжение. Начало в № 1 за 2009 г. и № 1 за 2010 г.)

Понаехали тут! Зарисовка в стиле “трэвел”

Барселона — зрелого, балзаковского возраста красавица с молодым и прекрасным лицом, огромный музей под открытым небом. Здесь, на северо-востоке средиземноморского побережья Испании, недалеко от границы с Францией, состоялась международная конференция “Новые угрозы миру: роль человеческого измерения в борьбе с вызовами в области безопасности”, организованная международными институтами Альянс цивилизаций и Casa Asia (Дом Азии) в рамках четвертого заседания Диалога “Восток — Запад”. В саммите приняла участие делегация казахстанских парламентариев во главе с председателем Сената Парламента РК, руководителем секретариата Съезда лидеров мировых и традиционных религий Касым-Жомартом Токаевым.

Анемичное ноябрьское тепло Испании после промозглой североказахстанской поздней осени показалось нам тропической жарой: в лёгкой испарине члены казахстанской делегации сдирали с себя куртки и шапки, млея в ласковых лучах нежного барселонского солнца. Вспомнился Бернард Шоу, как-то признавшийся, что не любит чувствовать себя как дома, находясь за границей, и показалось удивительным, что при такой жаре и влажности титулованная команда этого города несколько десятков лет не покидает вершин футбольного Олимпа.

Нежный морской климат Барселоны обусловлен тем, что с запада город надёжно защищают горы Сьерра-де-Кольсерола, а с востока он омывается Средиземным морем, которому Барселона и обязана своим процветанием. Неудивительно, что возведённый неподалёку от порта памятник Христофору Колумбу обращён к морю.

Вполне комфортабельный отель “Америка” равнодушно принял группу казахстанских журналистов: уж чем-чем, а свойственным нам низкопоклонством перед иностранцами испанцы, похоже, никогда не страдали.

Мероприятия, благодаря которым мы прибыли в Барселону, и им подобные, как правило, имеют очень плотный график и жёсткий протокол: заседания и совещания сменяют двусторонние встречи, официальные церемонии, посещения различных объектов, так что времени едва остаётся на сон. Но уж ночь-то, конечно, принадлежит нам.

— Сеньор не спать сюда приехал, — ответил я на дельный совет работников нашего посольства “хорошенько отдохнуть после дороги”. — Сеньор намерен погрязнуть в пучине сомнительных ночных удовольствий, а непокорный город будет безжалостно разграблен, разумеется, в пределах суммы моих командировочных расходов!

Таксист, улыбчивый, но немногословный араб, неоправданно часто, как мне показалось, сворачивая то влево, то вправо, наконец, доставил нашу небольшую компанию в знаменитый Готический квартал, считающийся признанным центром ночной жизни Барселоны, и мы оказались в средневековой Испании, ярко раскрашенной современным неоновым светом. Величие готических построек, разность стилей и декора буквально поразили наше воображение. Теперь я понял, почему таксист ехал как по лабиринту: окаймлённые деревьями улицы, пересекаясь под прямым углом, образовывали почти симметричную паутину, окружающую центр столицы Средиземноморья.

Готический квартал действительно жил бурной и разнообразной ночной жизнью в пёстром многообразии её оригинальных форм и ярких красок. По узкими, дышащим величием древности улочкам бродили толпы веселящихся людей всех возрастов, национальностей и цветов кожи, а многочисленные небольшие ресторанчики, распространяющие густой аромат кофе, под завязку были забиты народом.

Дело в том, что ужинать в Испании принято поздно, не ранее 22 часов. А так как большинство испанок предпочитают после рабочего дня не стоять у плиты, стряпая лазанью, паэлью, тортеллини, равиоли, либо какой другой шедевр национальной кухни, поздний семейный ужин в ресторане для испанцев — самое привычное дело. С другой стороны, весьма сомнительным представлялось, что юные красавицы, сопровождающие солидных донов, связаны с ними священными узами брака.

Итальянская кухня признана одной из лучших в мире, а, помимо этого, сейчас является одной из самых модных. И это не удивительно — стол итальянцев отличается большим разнообразием продуктов и приправ. Принято считать, что национальным кушаньем итальянцев являются макароны, все блюда из которых называются общим словом “паста”. Впрочем, за всё время пребывания в Барселоне “пасту” мы не ели ни разу. Лазанью, тортилью — пробовали.

К слову сказать, лазанью готовят и в Казахстане, но вследствие упрощённой технологии здесь она представляет собой сдобренную сыром обычную запеканку с долькой помидора. Вообще национальные блюда в казахстанской интерпретации в последнее время поражают воображение скорее количеством, нежели качеством, поскольку ничего общего с подлинными рецептами национальных кухонь не имеют. Полагаю, этнические мексиканцы, отведав “мяса по-мексикански” в казахстанском исполнении, большими прыжками бежали бы в сторону аэропорта с требованием немедленной репатриации.

Но вернёмся в Испанию. Несмотря на бурную ночную жизнь Барселона просыпается рано, в семь часов утра город наполнен какофонией звуков, свидетельствующих о том, что новый рабочий день уже начался. С европейской точностью проводятся и все запланированные мероприятия. Не стала исключением и наша конференция, минута в минуту открывшаяся в веющем седой старинной здании городской мэрии.

Прежде всего нужно сказать, что Диалог “Восток — Запад” стал возможным благодаря активному сотрудничеству между Casa Asia и такими авторитетными международными институтами, как ЮНЕСКО, Мадридский клуб, Фонд Трёх Культур, Фонд культуры мира и Ассоциация ООН в Испании. Этот форум традиционно собирает представителей мировой религиозной, политической, экономической, общественной и интеллектуальной элиты планеты. Его главная задача — обсуждение широкого спектра глобальных проблем и выработка путей их решений. На этот раз к диалогу по актуальным вопросам современности приглашены политики и общественные деятели, представители научной общест-венности, религиозных конфессий, журналисты различных мировых СМИ.

Наиболее упоминаемая в кулуарах саммита фамилия — Токаев. Это не случайно: Казахстан, благодаря своим многим глобальным инициативам, направленным на укрепление мира, диалога и взаимопонимания между странами и народами, становится широко известным и узнаваемым в мировом содружестве государств. Тем более казахстанская делегация —

единственная из стран СНГ, принявшая участие в этом форуме на барселонской диалоговой площадке. Закономерно, что появление высокого представителя Казахстана, пользующегося известностью в международном сообществе, было воспринято форумом с неподдельным интересом.

Основная тема разговора политиков и общественных деятелей — измерение человеческой безопасности в условиях глобализирующегося мира. Касым-Жомарт Токаев — единственный из приглашённых участников форума по просьбе его организаторов дважды поднимался на трибуну. Его выступления на блестящем английском языке без использования заранее заготовленного текста произвели сильное впечатление на аудиторию, состоящую из известных политологов, учёных и дипломатов, высоко оценивших информативность спикера, свободно оперировавшего многими фактами и сведениями, касающимися внешней и внутренней политики Казахстана, а также международной ситуации, включая Центральную Азию.

— Смело и решительно отказавшись от ядерного арсенала, между прочим, четвёртого в мире по своей разрушительной мощи, наша страна по существу возглавила процесс ядерного разоружения. Это было нелёгкое решение, принятое Президентом Казахстана в сложных исторических и политических условиях. Время подтвердило правильность этого выбора, ставшего авторитетным игроком на международной арене, — заявил казахстанский спикер.

Здесь будет уместным прерваться и несколько слов сказать об одном из коллективных организаторов форума — Альянсе цивилизаций.

Целью этой организации является объединение усилий международного сообщества, направленных на углубление диалога между Западом и исламским миром, предотвращение угроз международному миру и стабильности, возможных в результате “столкновения цивилизаций”, а также на преодоление предрассудков, недоразумений и поляризации цивилизаций.

В отношении политики и безопасности усилия “Альянса” направлены на создание более справедливого миропорядка, содействие демократии и соблюдению прав человека, на сотрудничество в борьбе с терроризмом, проведение миротворческих миссий в тесном контакте с международными организациями.

В образовательной и культурной областях сотрудничество нацелено на утверждение согласия, достижение взаимопонимания, поощрение диалога между цивилизациями, культурами и религиями мира, на предупреждение дискриминации и насилия в отношении представителей других культур, укрепление общих ценностей, изучение общих угроз и обеспечение должного внимания СМИ к этим вопросам.

На сессионных заседаниях конференции, прошедших под эгидой ЮНЕСКО, Мадридского клуба и других авторитетных международных организаций, состоялись достаточно откровенные дискуссии по вопросам энергетического и

демократического лидерства в процессе глобализации, о роли женщин в борьбе за мир и устойчивое развитие.

Участники сессий — а среди них такие видные политики современности, как верховный представитель Генерального секретаря ООН в Альянсе цивилизаций, экс-президент Португалии Жорже Сампайо, мэр Барселоны Хорди Эреу, генеральный директор Дома Азии Хесус Санс, председатель правительства Каталонии Хосе Монтилья, государственный секретарь иностранных дел Испании Бернардино Леон Гросс, президент Азиатского общества в Нью-Йорке Вишакха Н. Десаи, индийский писатель с мировым именем, бывший заместитель Генерального секретаря ООН по вопросам коммуникаций и информации Шаши Тарур и другие — признали, что в современном мире религии всё более активно влияют на общественные процессы, выходя за рамки частной жизни. Поэтому задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы создавать условия для верующих людей свободно созидать свою жизнь, находясь в гармонии друг с другом и с нерелигиозной частью общества.

Исключительно здравыми мне показались суждения некоторых политиков о плюсах и минусах процесса глобализации: приняв необратимый характер, это явление, с одной стороны, сближает народы, устраняет границы и устанавливает новые, невозможные ранее связи между людьми всех континентов, с другой — в тех формах, в каких она развивается сейчас, ведёт к дальнейшему расслоению мира, увеличивает разрыв между бедными и богатыми странами. Поэтому, констатировали участники конференции, необходим поиск путей и механизмов смены господствующей модели глобализации на такую, которая позволила бы поставить её преимущества и выгоды на службу всем странам и цивилизациям.

Между делом нам удалось совершить небольшую экскурсию. С прискорбием должен признать, что только здесь, в столице древней Каталонии, я впервые узнал о гениальном испанском зодчем Антонио Гауди, хотя в своё время преподавал эстетику в колледже, читал спецкурс по эстетическому воспитанию учителям школ области и студентам пединститута, за что получал приличные для советского времени деньги по ставке доцента.

Архитектурные шедевры Антонио Гауди являются неотъемлемой частью прекрасного города, причём некоторые из них давно включены в список Всемирного наследия. Одно из таких творений — Каса Мила или Ла-Педра, дом, расположенный на бульваре Грасия поблизости от центра города. Поразительно, но это здание не имеет ни одной прямой стены. Волнистый фасад кажется вырезанным из песчаника, а снаружи его украшают стальные перила, узор которых напоминает гроздь ягод с листьями.

Другой замечательный образец творческой одарённости испанского архитектора — Каса Батло, тоже расположен на бульваре Грасия. Это здание выглядит совершенно фантастично: изогнутая линия крыши напоминает хребет динозавра, а керамическая облицовка — чешую рыбы.

Другой замечательный образец творческой одарённости испанского архитектора — Каса Батло, тоже расположен на бульваре Грасия. Это здание выглядит совершенно фантастично: изогнутая линия крыши напоминает хребет динозавра, а керамическая облицовка — чешую рыбы.

Наконец, нельзя не упомянуть собор Святого Семейства, который представляется, наверное, наиболее ярким проявлением самобытного таланта испанского архитектора. Четыре шпиля на северном фасаде напоминают затвердевшие

наплывы воска по бокам высоких свечей. Эти башни, устремляющиеся ввысь и возвышающиеся над окружающими постройками, стали символом Барселоны.

Что касается шопинга, то он в Барселоне таков же, как и в большинстве крупных городов Западной Европы, и для многих гостей, преимущественно нашего пошиба, в полной мере характеризуется цитатой из знаменитой басни: “видит око, да зуб неймёт”, поскольку цены здесь “кусаются”. Набрав разнообразных сувениров, конфет, недорогих товаров на предрождественских ярмарках-распродажах для подарков семье и друзьям, прихватив пару бутылок знаменитого испанского вина, я прикинул наличность и до самого отъезда неизменно отвечал навязчивым продавцам:

— Спасибо, мы в Казахстане живём очень хорошо, нам ничего не надо.

Думаю, никто из них русским языком не владел, но понимали они меня прекрасно и, соглашаясь, вежливо улыбались и кивали.

Самое смешное, однако, было впереди. Уже дома выяснилось, что большинство приобретённых мною подарков имеет китайское происхождение, в связи с чем сын сыронизировал: вовсе не обязательно, мол, было тратить валюту в далёкой Испании, с тем же успехом можно было бы отовариться и на астанинском “шанхае”.

Ай да китайцы, ай да молодцы, весь мир завалили своим ширпотребом!

Впрочем, впоследствии выяснилось, что по части качества привезённые мною китайские вещицы несравненно выше завалившего наши рынки барахла той же страны-производителя. Даже рядом не лежали.

В Барселоне, в здании дворца *Baro de Quadras*, расположена и штаб-квартира авторитетной международной организации Дом Азии, учредителями которой являются Министерство иностранных дел Испании, правительство Каталонии и муниципалитет города. Разумеется, посещение Дома Азии было одним из пунктов насыщенной программы визита спикера.

Организация была учреждена в рамках плана действий правительства Испании по укреплению представительства страны в азиатском регионе и азиатской стратегии Европейского союза. Её целями являются расширение и увеличение числа проектов, способствующих улучшению взаимодействия между Азией и регионом Тихого океана с Европой в целом и, в частности, с Испанией.

Основные партнёры Дома Азии — государственные министерства и ведомства, органы местного самоуправления, высшие учебные заведения, предпринимательские структуры и НПО в области культуры. Также Дом Азии активно взаимодействует с дипломатическими представительствами, аккредитованными в Испании. Организация ведёт свою работу по двум основным направлениям: оказание содействия государственным и предпринимательским структурам, заинтересованным в развитии своей деятельности в азиатском регионе, второе — сбор и распространение информации об азиатских странах среди испанских граждан.

Деятельность Дома Азии в научной сфере заключается в содействии развитию контактов между университетами Испании и азиатских стран, обмену студентами, стимулированию проведения в испанских вузах научно-исследовательских работ, посвящённых странам азиатско-тихоокеанского региона, а также — в распространении информации о возможностях обучения в азиатских странах испанских студентов и в Испании — азиатских. Последние были широко представлены среди многочисленной аудитории, с неподдельным вниманием, одобрением и симпатией встретившей выступление председателя казахстанского сената вновь на блестящем английском.

Поскольку сопровождавшие казахстанскую делегацию представители нашей отечественной прессы, включая меня, из всего сказанного уловили лишь “диа фрэндс” в начале и “сэнкью” в конце выступления, К. Токаев по моей просьбе дал нам небольшой импровизированный брифинг.

— Я рассказал о том, что представляет собой Казахстан в современных условиях. Это земля, на которой проживают представители разных национальностей, разных религий. Поэтому ключевой тезис моих выступлений заключался в том, что стабильность на территории Казахстана является вкладом в обеспечение безопасности в региональном масштабе и по существу представляет собой вклад и в глобальную безопасность. Наконец, и это, пожалуй, самое важное, Казахстан добровольно отказался от ядерного оружия по инициативе нашего Президента Н. А. Назарбаева, — сообщил он казахстанским журналистам.

Между тем, пока в зале мэрии участники форума спорили о толерантности и демократии, нам довелось в действии наблюдать демократию по-испански. Нежданно-негаданно мы стали свидетелями несанкционированной акции протеста, организованной под окнами муниципалитета. Темпераментные выкрики “Оле! Оле!”, доносившиеся с улицы в зал заседаний, навели на меня и моих коллег мысль о футбольных фанатах титулованной “Барселоны”. Но всё оказалось куда прозаичнее: свои экономические требования с чисто испанским темпераментом предъявляли местные транспортники, пытаясь прорваться в здание мэрии.

Муниципалы поступили просто, жёстко, но эффективно: дожие охранники мэрии весьма оперативно закрыли на внушительный запор её мощные средневековые ворота прямо перед носом у митингующих, и я с улыбкой наблюдал, как один из бодигардов с лицемерным радушием через решётку приветственно помахал рукой беснующейся у крепко-накрепко запертых дверей толпе и нарочито гнусавым голосом затянул:

— Оле! Оле! Оле!

Это только добавило толпе неистовства. Но запала митингующих хватило не надолго: минут через пятнадцать толпа, видимо, осознав всю бесперспективность своего порыва, стала редеть, рассасываться и вскоре вовсе растаяла.

— Как вам нравится демократия по-испански? — спросил я у своего коллеги, именитого казахстанского журналиста. — Ещё бы глубокий ров вокруг мэрии вырыли, с подвесным мостом.

— Зато нас учить они мастера, — ответил мэтр.

Уже в аэропорту я едва не столкнулся с габаритной и какой-то очень неопрятной негритянкой, неосторожно задев её своей объёмистой сумкой.

— Эксьюз ми, плиз, мадам... мисс... сорри... сорри... — растерянно забормotal я, но наткнулся на холодный, неприязненный взгляд маслиновидных глаз, в котором явно читалось что-то, в переводе на русский, типа “понаехали тут!”. Она и не подумала посторониться, уступить дорогу.

— Ладно, толстая чёрная женщина, не серчай, — покладисто сказал я негритянке, — улетаем уже. Гуд бай, Белоснежка!

“Белоснежка” никак не отреагировала.

Первый шаг в Европу. Трансазиатский парламентский форум

В июне 2003 года в самом комфортабельном алматинском отеле “Анкара” состоялся Трансазиатский парламентский форум ПА ОБСЕ “Трансазиатское измерение ОБСЕ: неразрывное звено безопасности”, проведённый в нашей стране совместно с Программой развития ООН по предложению Парламента Республики Казахстан.

Главная заслуга в его организации и проведении принадлежит прежде всего возглавлявшему в то время сенат парламента Оралбау Абдыкаримову, руководителю аппарата палаты Амзебеку Жолшибекову и, разумеется, МИД РК.

В эти летние дни отель напоминал международный аэропорт: парламентарии из 37-ми стран мира и представители многих международных организаций, разных оттенков кожи и разреза глаз, собрались обсудить самые злободневные проблемы человечества в условиях глобализации.

Главнейшая из проблем — более широкое измерение безопасности европейского континента как в географических координатах, так и с учётом новых угроз и вызовов времени. О роли Центральной Азии в отношениях между общеевропейской и формирующейся азиатской системами безопасности, возрастающей значимости развития различных форм диалога между странами и на-

родами сказал в своей речи на форуме Президент РК Н. А. Назарбаев.

На протяжении нескольких веков ситуация в Европе имела определяющий характер для безопасности других регионов планеты, но в конце прошлого столетия парадигма безопасности мира, его регионов и отдельных стран стала меняться. В начале текущего века источники самых опасных угроз и вызовов глобальной безопасности и стабильности оказались за пределами европейского континента. В первую очередь речь идёт о международном терроризме, экстремизме, торговле оружием, наркомании, токсикомании и незаконной миграции. И угроза распространения оружия массового уничтожения сегодня в большей степени связана с другими географическими регионами.

Трансграничный характер угроз и вызовов в новом столетии побуждает измерять региональную безопасность не иначе как по глобальной шкале. Это касается и Европы, и других регионов мира, в связи с чем постановка вопроса о трансазиатском измерении ОБСЕ, подчеркнул глава нашего государства, представляется весьма логичной, а азиатский вектор становится важным направлением деятельности этой организации, поскольку источники многих глобальных угроз оказались в азиатской части планеты. Именно в Азии располагаются два из трёх мировых центров незаконного производства наркотиков, отсюда идут каналы нелегальной поставки в Европу большей части мирового производства героина и опиума, здесь базируются центры террористов и экстремистов, а социальная и политическая нестабильность гонит из Азии на европейский континент десятки тысяч нелегальных мигрантов. Всё это — свидетельство

того, что ключи решения многих глобальных проблем безопасности, включая обеспечение стабильности европейского континента, сегодня сокрыты в Азии.

Тогда, в 2003 году, когда о предстоящем спустя семь лет председательстве Казахстана в ОБСЕ и речи не было, Президент Казахстана представил своё видение внутреннего измерения безопасности региона.

В рамках повестки дня форума состоялось три тематических заседания. Плодотворный обмен мнениями имел место в ходе заседания “Борьба против терроризма: успехи и долгосрочные угрозы”, прошедшего под председательством руководителя делегации Швеции в ПА ОБСЕ Тоне Тингсгард. Заместитель помощника государственного секретаря США по делам европейских и евразийских государств Линн Паско, раскрывая тему борьбы с терроризмом, наркоманией, незаконными миграцией и торговлей оружием, подчеркнул возрастающую роль государств Центральной Азии в противодействии этим вызовам времени и необходимость усиления процесса интеграции стран региона в мировую экономику.

Значение и роль региональных инициатив по сотрудничеству раскрыл в своём выступлении на форуме бывший в ту пору министром иностранных дел республики Касым-Жомарт Токаев. Глава внешнеполитического ведомства рассказал о деятельности республики по реализации Государственной программы по борьбе с терроризмом и экстремизмом, по развитию диалога между религиями и цивилизациями, отметил важность реформирования ООН, укрепления многостороннего сотрудничества международных организаций и подчеркнул большую значимость выработки “Стратегии ОБСЕ по противодействию угрозам безопасности и стабильности в 21 веке”.

Анализ негативных последствий для среднеазиатского региона политической нестабильности в Афганистане нашёл отражение в выступлении председателя комитета по обороне парламента Таджикистана Шавхада Исмоилова, призвавшего мировое сообщество оказать этой стране помощь в развитии сельского хозяйства.

Активное участие в дискуссии по антитеррористической тематике приняли делегаты форума из Азербайджана, Португалии, Турции, Великобритании и других стран, причём рефреном всех выступлений стала констатация необходимости объединения прогрессивных сил мирового сообщества в борьбе с терроризмом и другими рисками времени.

Содержательный доклад по проблемам экономического развития стран Центрально-Азиатского региона, борьбы с бедностью и сотрудничества с международными организациями представил на сессии заседания “Экономика и окружающая среда: звено долгосрочной безопасности” Кайрат Келимбетов (в то время министр экономики и бюджетного планирования РК). Он проинформировал делегатов о проводимой в республике работе по повышению жизненного уровня населения и снижению бедности, углублению экономических реформ, что привело к стабильному росту производства, повышению занятости населения, укреплению финансовой системы и заметному росту доходов населения.

Экологические проблемы региона, загрязнение бассейнов рек Амударья и Сырдарья, судьба Аральского моря — таковы главные вопросы, поднятые в докладе директора германского исследовательского института профессора Александра Кариуса, который видит большой резерв решения этих проблем в привлечении к ним внимания муниципальных и других региональных органов. Заметный интерес участников форума вызвало выступление директора научно-информационного центра Межгосударственной координационной водной комиссии Центральной Азии Виктора Духовного, призвавшего страны региона к тесному сотрудничеству в рамках выработки и проведения единой водной политики.

Важным фактором обеспечения региональной безопасности назвали участники прошедшего во главе с председателем комитета сената Жабайханом Абдильдиным заседания развитие в регионе демократических институтов. Внимание делегатов привлёк доклад председателя ЦИК Российской Федерации Александра Вешнякова, посвящённый анализу этапов становления избирательной системы в России. Полезным опытом развития демократических институтов, создания национальных систем в области обеспечения прав человека и независимости средств массовой информации поделились с коллегами турецкий журналист Ахмет Тан, директор Бюро по демократии и правам человека ОБСЕ Кристиан Штрохал и генеральный секретарь палаты представителей Голландии Виллем Хэндрик де Бофор.

Наряду с этим в выступлениях прозвучала озабоченность положением СМИ и соблюдением прав человека в регионе в целом и в Казахстане в частности, в связи с чем председатель комитета Сената Парламента РК Куаныш Султанов своё выступление посвятил оценке проведения реформ по демократизации казахстанского общества, положению и развитию средств массовой информации и вопросам законодательного обеспечения этих процессов. Надо сказать, что в целом аудиторией форума выступление казахстанского сенатора было встречено с пониманием. О намерении активизировать сотрудничество с ОБСЕ в вопросах развития демократических институтов в Центрально-Азиатском регионе заявил представитель Совета Европы Давид Аткинсон. Ряд предложений по интеграции и сотрудничеству прозвучали в выступлениях депутата парламента Японии Хироуки Мирошито, руководителя Парламентского союза Организации Исламская конференция Ибрагима Ауфа и других участников форума.

В заключительном заявлении председатель ПА ОБСЕ Брюс Джордж охарактеризовал завершившийся форум как “исключительно удачный”. Он подчеркнул, что за весьма короткий срок его участники обсудили многие аспекты сферы глобальной и региональной безопасности и дальнейшего развития демократических институтов. Высокую оценку форуму в своих выступлениях дали и другие ораторы.

Следует отметить важную роль состоявшихся на форуме двусторонних и многосторонних встреч, проведённых Оралбаем Абдыкаримовым — прежде всего с тогдашним председателем ПА ОБСЕ Брюсом Джорджем, а также с генеральным секретарём Союза Организации Исламская конференция Ибрагимом Ауфом, представителями Парламентского союза, группой депутатов палаты советников парламента Японии, делегацией депутатов парламента Турции во главе с секретарём делегации г-жой Ясеминой Элиболой и послом Турции в нашей стране Чинара Алдемира.

В ходе прошедших в дружеской атмосфере бесед были рассмотрены различные аспекты дальнейшего развития многостороннего сотрудничества между государствами и укрепления межпарламентских связей. Проблемы и пути дальнейшего развития процессов демократизации казахстанского общества, их законодательного обеспечения стали предметом содержательной беседы с директором Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ Кристианом Штрохалом. В конструктивном русле прошли встречи с руководством международного секретариата ПА ОБСЕ.

Всё это позволяет однозначно констатировать, что первый Трансазиатский парламентский форум достиг поставленных целей: состоялся плодотворный и содержательный диалог по вопросам безопасности и продвижению демократических реформ в Трансазиатском регионе, причём по абсолютному большинству поднимаемых на форуме проблем его участники проявили понимание и единство взглядов, что позволило форуму выработать взаимоприемлемые подходы к решению сложных международных проблем.

Прошедшие в ходе тематических заседаний дискуссии, задаваемые казахстанским докладчиком вопросы, беседы в кулуарах форума стали ярким

свидетельством большого интереса мирового сообщества к Центрально-Азиатскому региону и Казахстану в частности.

Выступления на форуме Президента Н. Назарбаева и представителей нашей страны позволили расширить объективное представление зарубежных делегатов о Казахстане. А посещение объектов южной столицы и Алматинской области, двусторонние и многосторонние встречи, неформальное общение участников форума помогли его гостям убедиться в реальности результатов, достигнутых страной в экономическом, политическом и социальном развитии. При этом уместно сказать, что большинство зарубежных участников данного мероприятия впервые посетили нашу страну и получили практическую возможность изменить свои, не всегда объективные, порой искажённые представления о Казахстане. “Меня можно назвать новичком в регионе, и теперь я стал более ознакомлен с проблемами региона как в этом зале, так и благодаря тем дискуссиям, которые провёл с участниками форума”, — признался председатель ПА ОБСЕ Брюс Джордж, подводя черту конференции. “Приняв в будущем году председательство в Ассамблее, Болгария будет следовать идеям Алматинского форума ПА ОБСЕ”, — заверил конференцию глава болгарской делегации Тошо Пейков. Подобные откровения гостей форума объективно свидетельствовали о значительно повышающемся политическом реноме Казахстана как в Центрально-Азиатском регионе, так и среди всего мирового сообщества, что способствовало выходу нашего государства на качественно новый уровень международного сотрудничества.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что Трансазиатский парламентский форум на многие годы вперёд предопределил отношения Казахстана с ОБСЕ и стал прологом будущего председательства нашей страны в этой авторитетной международной организации.

На задворках Европы

В последние годы статус одного из ведущих игроков на арене большой международной политики уверенно обретает Португалия: именно здесь, на юго-западе Пиренейского полуострова, решаются многие международные проблемы и получают развитие актуальные политические инициативы, результаты которых порой становятся поистине историческими. Кстати сказать, страна является членом Европейского союза, НАТО, ОБСЕ, Совета Европы и ряда других международных организаций.

В апреле 2009 года политический центр Европы вновь на какое-то время переместился в один из красивейших городов континента — столицу Португалии Лиссабон, где состоялось заседание Бюро Парламентской ассамблеи ОБСЕ, в котором принял участие председатель Сената Парламента РК, вице-президент Ассамблеи Касым-Жомарт Токаев.

На юге Лиссабон раскинулся вдоль правого берега широкого устья реки Тежу, а на западе выходит к Атлантическому океану, когда-то вдохновившему португальцев на поиски неведомых земель.

Мы расположились в уютном пятизвёздочном отеле “Тиволи”, с мягким ненавязчивым сервисом. Поутру я долго валялся на огромной, с кухню квартиры времён позднего Хрущёва и раннего Брежнева, гостиничной кровати, недоумевая, почему в Португалии так долго не наступает рассвет.

Как оказалось, рассвет давно наступил, просто в номере были плотные жалюзи и шторы, надёжно защищавшие постояльцев от проникновения солнечных лучей.

Я всегда удивлялся: почему Россия и Казахстан, ведущие в мире экспортёры зерна, не могут научиться выпекать вкусный, хороший хлеб? Свежие и душистые

булочки к завтраку, а в густом ароматном кофе едва ли ложка не стояла. Между прочим, оставшуюся от завтрака нетронутую аппетитную снедь здесь к обеду уже не подадут, у работников “общепита” и в мыслях нет ничего подобного.

Скажу сразу: Лиссабон — красивейший город европейского континента. Я видал Берлин и Варшаву, Будапешт, Прагу и Белград, Любляну, Ганновер, Венецию и Барселону, не говоря уж о Москве, Питере, Киеве, Ашхабаде, Душанбе и других городах СНГ. Каждый из них красив и по-своему неповторим, но Лиссабон — это... Одной фразой не передать. Если правду говорят, что его основал Одиссей (о чем свидетельствует его второе название — Уиллисова, т. е. Одиссеева, бухта), то долгое ожидание Пенелопы не только вполне оправданно, но представляется глупым бабьим капризом: мужик ведь не зря столько лет по свету шлялся. Делом, чай, занимался.

Столица Португалии грациозно расположилась на живописных холмах. Мягкое апрельское тепло, чистый, свежий морской воздух, непривычная смесь архитектурных стилей, разнообразная палитра красок и непринуждённая атмосфера и доброжелательность горожан сразу же создали у нас приятное впечатление.

Город с первого взгляда поражает своей неповторимостью, непохожестью на другие европейские столицы. Крошечные извилистые улочки, струящиеся по холмам, сочетаются с широкими проспектами, современные здания соседствуют со старинными домами, отделанными изразцами, расписанными вручную, с коваными решётками балконов, дверей и ворот. А современный бесшумный трамвай, больше напоминающий скоростной поезд, здесь мирно сосуществует с крошечными жёлтенькими скрипучими вагончиками-трамвайчиками, вопреки законам физики, динамики и прочих наук уверенно снующими по крутым спускам городских улиц.

Православные христиане в этот день праздновали один из главных своих праздников — Пасху. А в католической Португалии никакого оживления по данному поводу не наблюдалось, с криком “Христос воскрес!” на шею никто не бросался, по улицам бежала традиционная воскресная эстафета.

В отличие, скажем, от Белграда, по выходным утопающего в бытовом мусоре, поскольку, согласно нормам западной демократии, мусорщики тоже имеют право на отдых в воскресные дни, сразу бросается в глаза, что Лиссабон необыкновенно, прямо-таки стерильно чист.

Если город тебе совершенно незнаком и нет определённой цели увидеть что-то конкретное, то нет разницы, в какую сторону идти. Так я и поступил, первый раз ранним утром выйдя из гостиницы на главную лиссабонскую улицу Авенида да Либердаде или проспект Свободы по-нашему.

Как впоследствии выяснилось, отправился я не к центру города, а напротив — в сторону набережной океана. Ноги занесли меня в квартал, где под балюстрадой большого старинного здания ютились лиссабонские бездомные. Всё оказалось точь-в-точь как преподносилось в советских газетах образца 70-80-х годов прошлого века: большие коробки, где бедные люди прячутся от ночного холода, матрацы, одеяла и подушки на асфальте, прочая атрибутика нищеты. Но всё было аккуратно сложено, заправлено, застелено, нигде никакого мусора, пустых бутылок. Не было даже гнилой банановой корки, поскользнувшись на которой можно было бы, лёжа на чистом мозаичном тротуаре, ностальгически поразмышлять о работе казахстанских коммунальных служб. Впрочем, некий запах бедности и безысходности, немытого тела и давно не стиранного белья всё-таки присутствовал, но легко растворялся в свежем океанском бризе. Словом, бедненько, но чистенько.

Самых бездомных поблизости не наблюдалось, видимо, разошлись по своим делам в поисках заработка и пропитания, поэтому я решил сделать пару

снимков и, увлѣкшись выбором ракурса, не заметил проходившего мимо полицейского. Уставившись на него, я уже мысленно конструировал из своего скудного лексического запаса наиболее подходящую к ситуации английскую фразу, пытаясь прикинуться безнадѣжной жертвой ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, но страж порядка только вежливо козырнул, не проявив ко мне никакого интереса.

Впрочем, один из обитателей уличной ночлежки вскоре обнаружился: высокий худощавый негр предложил мне какую-то явно самодельную бижутерию из кораллов, мелких ракушек и рыбьих зубов. И хотя бриллиантов я своим женщинам отродясь не дарил, опускаться на старости лет до рыбьих зубов мне показалось несколько предосудительным. Я дал ему монету в один евро, за что был одарѣн широкой белозубой улыбкой.

Вообще-то колыбелью города считается замок Святого Георгия, расположенный на высоком холме, у подножия которого приютился средневековый квартал Альфама или Альфамский лабиринт.

Это основанная ещё маврами часть столицы, сохранившаяся уцелевшей после страшного землетрясения. Именно здесь легко можно представить, каким был Лиссабон в эпоху великих открытий. Вообще-то Альфама означает “бьющая струя”: тут находится старейший в городе “общий” фонтан, в котором давним королевским указом разрешалось стирать. Местные женщины, как и много веков назад, по старинке и сегодня стирают здесь, украшая свои дома парусами простынь. Выглядит это весьма экзотично.

Между прочим, когда-то, много веков назад, в Альфаме жили самые богатые люди города. Но времена изменились, сегодня здесь прямо на улице хозяйки чистят и жарят рыбу и весь район, кажется, насквозь пропитан не самым приятным ароматом жареной трески.

Много старинных архитектурных памятников города построены в стиле “мануэлино”, названном так по имени короля Мануэля Счастливчика, во время правления которого были совершены самые важные открытия португальцев. Среди памятников церковной архитектуры, возведѣнных в этом стиле, выделяются кафедральный собор, церкви св. Висенте ди Фора, Консейсау Велья. “Мануэлино”, пожалуй, самый богатый и красивый среди архитектурных стилей, это поистине кружева из камня. Но самое главное в том, что он по-настоящему уникален, поскольку существовал только в Португалии, и нигде в мире больше нет дворцов и соборов, построенных в этом стиле.

Впрочем, немало зданий и в стиле барокко, к примеру, архитектурный комплекс Мафра с королевским дворцом, летняя королевская резиденция Келуш и королевский Дворец мавров.

Центральная площадь Лиссабона — площадь Коммерции, где до 1755 года (то есть до сильнейшего землетрясения, разрушившего город и превратившего многие памятники в груды камней) располагался королевский дворец. В центре площади — памятник королю Жозе — первая отлитая в Португалии бронзовая конная статуя.

Посольство заказало для делегации обед в одном из рыбных ресторанчиков, коими усеяно всё городское побережье.

Португальская кухня — это прежде всего блюда из свежей рыбы и морепродуктов, но высоким качеством отличаются и все виды мяса, кур, причѣм никаких болезней у португальских животных и птицы нет, а при их кормлении совершенно не используются вредные добавки.

По выбору главы делегации ему отловили в громадном бассейне-аквариуме, распотрошили и зажарили указанную им рыбу, а нам, группе сопровождающих, в целях экономии времени приготовили уже предварительно обработанную

большую рыбку. В таких ресторанах живую рыбу завозят ежедневно, вчерашнюю на стол не подадут. Не буду уверять читателя, что ничего более вкусного я никогда не ел, во избежание ложного впечатления, что слаще морковки я ничего в своей жизни не пробовал, но рыба действительно была очень вкусной.

Чего в Португалии много — так это вин: белые, красные, розовые и даже зелёные, причём последние производятся только в Португалии. Большинство вин сухие, за исключением мадеры и портвейна. Между прочим, портвейн производится только в одном, строго определённом специальным законом уникальном по климатическим условиям районе — на севере страны в г. Порто, из столь же строго определённого сорта винограда, который растёт только там (отсюда и название напитка, как и название мадеры — от архипелага Мадейра). Любое другое вино, произведённое вне указанной области или с нарушением особой технологии, по действующему закону не является по-настоящему португальским портвейном и не может таковым называться.

По легенде, портвейн появился и прославился благодаря сыновьям одного английского купца, которые однажды в порядке эксперимента смешали местное вино с бренди. Напиток понравился, его стали импортировать в больших количествах.

Я в своей жизни, как в порядке экспериментов, так и вне оных, тоже немало “намешал” разных спиртных напитков, но столь выдающихся успехов так, к сожалению, и не достиг. Правда, следует признать, что отдельные результаты место имели: многие мои друзья до сих пор помнят мои фирменные настойки “калиновку” и “рябиновку”, изготавливавшиеся по собственной технологии в “дачный” период моей жизни.

Портвейн в Португалии, как и другие вина, тоже разноцветный — белый, красный, розовый, а цена колеблется от 3 евро за бутылку обычного напитка до 15-30 евро за портвейн 10-ти или 20-тилетней выдержки, но есть и дороже — в зависимости от срока давности напитка.

— Португальский портвейн не имеет ничего общего с... — хотел было поделиться я впечатлением от обеда...

— ... с тем, который вы пили в целиноградских подворотнях, — завершил за меня фразу К. Токаев.

И хотя я не очень-то был замечен в целиноградских подворотнях за распитием портвейна местного розлива, возражать спикеру не стал: по молодости, честно говоря, чего только не случалось.

К сожалению, приятное впечатление от обеда было подорвано и омрачено его стоимостью — где-то порядка 40 евро, при том, что всей компанией мы не выпили и бутылку вина. Даже по португальским меркам это достаточно дорого. Ну что же, ещё Виктор Пюго остроумно заметил, что в чужой стране путешественник — это лишь мешок с деньгами, который все норовят поскорее опорожнить.

Вообще-то Португалия небогатая страна, её даже называют “задворками Европы”. Уровень жизни португальцев начал подниматься лишь со второй половины 80-х годов прошлого века, когда республика стала полноправным членом Европейского сообщества. Но сегодня португальская экономика, даже несмотря на кризис, в пропасть не рухнула: бросалось в глаза строительство и особенно — реставрация многочисленных памятников архитектуры, истории и искусства. Здесь, “на задворках Европы”, бесплатное медицинское обслуживание и школьное обучение, причём плата за учёбу в вузах весьма невысока — около 600 евро в год, а для некоторых категорий граждан высшее образование бесплатно. Средняя зарплата около тысячи евро, минимальная — 750, самая низкая пенсия — 500 евро.

И цены здесь тоже ниже среднеевропейских. Многие товары известных фирм — обувь, трикотаж, золото и керамика — в Португалии дешевле, чем в других странах Западной Европы. Кстати, страна занимает второе место в

Европе по производству обуви и первое — по её качеству. Лучшая португальская обувь, ручной работы из кожи высочайшего качества, тоже производится на севере, в г. Порто, то есть на родине портвейна.

Уместно также сказать, что покупатель здесь надёжно защищён от некачественного товара, так как любой магазин в обязательном порядке выдаёт гарантию и все необходимые документы на приобретённый товар. Сдачу в магазинах без дополнительных напоминаний дают сполна, цент в цент, говорят, что можно забыть кошелек с деньгами и вернуться за ним на следующий день, получив в целости и сохранности. Честность — вообще национальная черта португальцев.

Что касается шопинга, то после ночного посещения одного из крупнейших в Лиссабоне торговых центров наш шопинг плавно перешёл в “зыринг”, каким и остался до самого отъезда.

На берегу за упомянутым рыбным рестораном, о котором у меня лично сложилось весьма двойственное впечатление, открывался великолепный вид на выдающееся достижение инженерного искусства — мост 25-го Апреля, соединяющий Лиссабон с противоположным берегом реки Тежу, ранее именовавшийся “мостом Салазара”.

Вопреки тому, что Антониу ди Оливейра Салазар — основатель фашистской партии, установивший в стране фашистский режим и ставший фактическим диктатором и тираном, лиссабонцы относятся к этому политическому деятелю вполне терпимо, вероятно, помня, что в своё время он пользовался значительной поддержкой большей части португальского общества: армии, церкви, аристократов-монархистов, а также консервативных крестьян и среднего класса, которые предпочли его режим “Нового государства” предшествующим хунтам. А может, потому, что он активно добивался повышения международного престижа Португалии и построил не один только мост через р. Тежу. Чужая душа, говорят, потёмки, душа чужой страны — тоже потёмки.

Как бы то ни было, в 1968 году диктатор крайне неудачно свалился со стула (но не с трона), получил инсульт и спустя два года умер. Режим же продержался на два года дольше его создателя и окончательно рухнул лишь в результате так называемой “революции гвоздик”. Так что грузины и киргизы в части “цветных” революций не очень-то уникальны со своими розами и тюльпанами.

К периоду правления Салазара относится и закат эпохи колониального прошлого Португалии. Мне показалось, что португальцы пребывают в постоянном противоречии между древней и богатой историей великой колониальной империи, всемирно известные мореплаватели которой открывали и покоряли новые земли — Северную Африку, Индию, Бразилию, Японию и Китай, и современным положением “падчерицы Европы”. Возможно, именно вследствие этого они трепетно и бережно относятся к своему историческому наследию, множеству великолепных памятников истории, культуры и архитектуры, прекрасно сохранившихся со времён великих открытий и расцвета колониальной державы.

Одна из культовых фигур португальской истории — знаменитый путешественник Васко да Гама, которого один из моих бывших одноклассников, не разобрав подсказки, к большому удовольствию класса назвал Васькой. Комизм ситуации заключался в том, что самого одноклассника как раз Васькой-то и звали. Тёзки, блин...

В первый день пребывания в Лиссабоне нам довелось совершить несколько интересных экскурсий.

На берегу устья Тежу, в районе Белем, история которого тесно связана с эпохой великих географических открытий, расположен удивительный памятник — Белемская башня. Это совершенно уникальное оборонительное сооружение из белого известняка, построенное в 16 веке для защиты города

от нападений со стороны океана. Своим силуэтом и ажурной резьбой по камню башня больше похожа на королевский дворец, чем на форт. Внутри находился образ Богородицы, у которого моряки молились перед отплытием в Африку, Индию или в Новый Свет.

Сильное впечатление на нас произвёл монастырь иеронимитов “Жеронимуш”, также возведённый в 16 веке по случаю открытия нового морского пути в Индию и триумфального возвращения Васко да Гамы, где он и похоронен в компании с королями Мануэлем и Жоао III.

Иеронимиты — это монашеский орден, основанный

в раннем средневековье раскаявшимися разбойниками как орден нищенствующих, избравших своим патроном блаженного Иеронима. И хотя орден уже давно не существует, церковь, расположенная в крыле старого монастыря, до сих пор действует, а сам монастырь официально объявлен национальным достоянием Португалии и как памятник архитектуры, и как памятник подвигу великого португальца, открывшего морской путь в Индию.

В западной части монастыря расположен музей военно-морского флота, который мы также посетили. В его коллекции — точные, причём многие — в натуральную величину, копии всех кораблей, ходивших под португальским флагом.

Второй после честности особенностью португальцев является их неторопливость, медлительность. Опоздание на 10 минут считается здесь верхом пунктуальности, а говорят они столь же неторопливо, негромко, в общении исключительно сдержанны. Удивительно, но заседание Бюро Парламентской Ассамблеи ОБСЕ началось в строго определённое время, минута в минуту, во внушительном здании португальского парламента — Ассамблеи Республики Португалия.

Казалось бы, заседание “верхушки” Ассамблеи ОБСЕ, носящее сугубо деловой, организационный характер, будет сведено к принятию подготовленных в лучших традициях аппаратного жанра, сухим протокольным языком решений по утверждению пунктов повестки, докладов и резолюций предстоящей 18-й ежегодной сессии

ПА ОБСЕ. Но в ходе состоявшегося заинтересованного разговора нашла подтверждение мысль спикера португальского парламента Ж. да Гамы о том, что Парламентская Ассамблея — отнюдь не бюрократическая организация: развернувшиеся дискуссии и полемика продемонстрировали стремление парламентариев найти адекватные ответы на грозные вызовы эпохи.

Лиссабонская встреча парламентариев имела одну особенность: здесь получили развитие идеи, выработанные и озвученные в ходе предыдущей, 17-й сессии ПА ОБСЕ, состоявшейся в Астане летом минувшего года. Верность духу и букве Астаны отразилась и в многократном апеллировании участников заседания к мнению руководителя казахстанской делегации Касым-Жомарта Токаева.

Проблемы безопасности в современном мире — такова одна из главных тем прошедших дискуссий. В данном контексте особое внимание уделено обострившейся в последнее время проблеме экономической и в частности — продовольственной безопасности. Докладчик Общего комитета по политическим вопросам и безопасности Риккардо Миглиори констатировал, что вызванный разразившимся кризисом спад мирового производства повлек за собой невероятный рост социального неравенства в мире. Несбалансированное использование энергетических ресурсов, волны повышения цен на хлеб, неутешительные виды на будущий урожай во многих странах в последнее время порождают тревожные разговоры о грядущей нехватке продуктов питания, а это, в свою очередь, ведёт к трансформации проблемы пищевой безопасности в проблему безопасности общей. В данной связи он отметил, что опыт Казахстана по эффективному использованию природных ресурсов для решения, по крайней мере, минимизации проблем продовольственной безопасности заслуживает самого пристального внимания.

Обеспечение населения стран жизненно важными продуктами питания из собственных источников и доступность их для всех граждан в объёмах и ассортиментах, максимально удовлетворяющих необходимые и полезные потребности, — такова задача правительств всех государств мирового сообщества, — отметил Горан Леннмаркер. — Но сегодняшняя ситуация характеризуется тем фактором, что не каждая страна способна самостоятельно решить эту проблему. Поэтому главную задачу парламентариев почётный председатель ПА ОБСЕ видит в выработке сбалансированных подходов в вопросах соблюдения экономических свобод и прав государств на осуществление собственной торгово-экспортной политики.

В этой связи заместитель председателя Ассамблеи Касым-Жомарт Токаев подчеркнул, что вопросы обеспечения продовольственной безопасности требуют комплексного решения, прочно увязанного с обеспечением устойчивости глобальной безопасности: развитие долгосрочных программ должно сочетаться с экстренными конкретными мерами. Решение отдельных проблем государств сегодня невозможно найти в отрыве от общей социально-экономической ситуации и многих других факторов в глобальном масштабе, уверен председатель казахстанского сената.

С ним была солидарна и представитель российской делегации Наталья Карпович, довольно критично оценившая деятельность ОБСЕ, в которой, по её мнению, “доминантой остаётся бесконечный процесс рассмотрения или общегуманитарных, или совсем частных проблем, причём главной задачей является постановка и анализ этих проблем, но отнюдь не их разрешение”.

Уместно сказать, что прошедшее в духе откровенного диалога заседание продемонстрировало решимость большинства стран ОБСЕ к более прочному и конструктивному сотрудничеству с Российской Федерацией, что многими было тогда расценено как начало фундаментально новых отношений внутри организации. “Мы и Россия не рассматриваем друг друга как противников, нашей общей целью является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества,

укрепление взаимного доверия и развитие сотрудничества”, — заявил в этой связи президент ПА ОБСЕ Жоао Соареш, подчеркнув, что задачей ОБСЕ является прежде всего строительство будущего.

Участники заседания также обсудили бюджет Ассамблеи, отметив, что в сравнении с другими межпарламентскими органами её казна и штат по-прежнему остаются самыми небольшими. Тем не менее сэкономить всё равно придётся. Ничего не поделаешь: кризис, сеньоры, кризис...

Касым-Жомарт Токаев встретился с главой Ассамблеи Республики Португалия Жайме Жозе Матошем да Гамой. Он подробно проинформировал португальского коллегу о деятельности казахстанского парламента, законодательной поддержке инициированных Президентом Нурсултаном Назарбаевым экономических и политических реформ, о ходе подготовки к председательству страны в ОБСЕ и реализации государственной программы “Путь в Европу”.

Ж. да Гама, демонстрируя хорошее знание Центрально-Азиатского региона и неподдельный интерес к Казахстану, выразил заинтересованность в развитии казахстанско-португальского сотрудничества и дальнейшем укреплении отношений между парламентами двух стран.

Здесь мне довелось (не в первый, кстати, раз) убедиться в наличии так называемых “двойных стандартов”. Дело в том, что когда представители западных международных организаций, в том числе и ОБСЕ, приезжают к нам для проведения крупных международных мероприятий, они неуклонно требуют от казахстанской стороны полной свободы для прессы: никаких ограничений!

Не то чтобы казахстанская сторона старается в чём-то прессу ограничить, ущемить: чего нам, собственно, скрывать от журналистов при проведении, скажем, сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ или Съездов лидеров мировых религий, если с высоких трибун таких мероприятий наша страна, как правило, получает очень высокие оценки.

Однако в ходе подготовки подобных форумов возникает множество организационных, режимных, протокольных моментов, наконец, случается просто недостаток места в помещениях. Кроме того, наши журналисты, честно говоря, не самый усидчивый народ: примерно через полчаса от начала работы форума им хочется пить, курить, общаться, начинается хождение по залу, разговоры и так далее.

Поэтому мы, как правило, организовываем для аккредитованных представителей СМИ большие пресс-центры, где создаём все условия для работы: прямую видеотрансляцию, синхронный перевод, коммуникации, чай, кофе и так далее, что журналистов, как отечественных, так и зарубежных, вполне устраивает.

К слову сказать, пока политики и экономисты бьются над созданием какого-то мифического единого экономического пространства, журналисты давным-давно единое информационное пространство для себя создали и вполне комфортно себя в нём чувствуют.

Тем не менее представители западных международных организаций требуют обеспечить журналистам возможность работать непосредственно в залах проведения форумов. “Таков наш европейский формат”, — говорят они в подобных случаях, как будто наш, казахстанский, формат вообще никуда не годится.

Но если объективно, то уровень проведения международных мероприятий в Казахстане несравненно выше европейского. Привычный, много чего и кого повидавший Старый Свет утруждает себя подготовкой к ним не более, чем у нас готовится к очередной сессии областного маслихата.

Между тем на заседании Бюро МПА ОБСЕ в Лиссабоне не только ни одного представителя СМИ не было в зале, но и пресс-центра никакого в помине не было. Я видел, как руководитель пресс-службы Ассамблеи в перерыве заседания сказал в холле журналистам несколько слов и, видимо, руководствуясь тезисом о

близких родственных связях краткости и таланта, этим и ограничился, пожелав труженикам пера больших творческих успехов, находок и удач.

Далее. Касым-Жомарт Токаев предварил свою встречу с португальским коллегой памятной записью в книге почётных гостей португальского парламента. Как обычно, запись была сделана на английском языке, коим он владеет в совершенстве, наряду с китайским и несколькими языками романской группы.

Мельком глянув на страницу книги, я, конечно, содержания записи не уловил и после окончания встречи, которая тоже проходила без прессы (“казахстанский формат”, между прочим, участие прессы в подобных мероприятиях предусматривает), через переводчика обратился к организаторам с просьбой ознакомиться с записью.

Португальцы по этому поводу собрали большой “хурал”, медленно, взвешенно и вдумчиво в течение не менее получаса обсуждали этот щепетильнейший вопрос (как будто речь шла о моём допуске к подлинникам писем Васко да Гамы королю Мануэлю), высказали несколько авторитетных суждений, но посмотреть автограф моего же руководителя, к большому недоумению, так и не разрешили без каких-либо веских аргу-

ментов, но принеся при этом множество извинений. Поэтому в релизе мне пришлось ограничиться нейтральной строчкой о том, что “казахстанский спикер оставил памятную запись в книге почётных гостей португальского парламента”.

Вот вам и хвалёная западная демократия.

Я заметил, что между главой нашей делегации и президентом ПА ОБСЕ Жоао Соарешем сложились просто дружеские отношения: они много общались, к тому же президент Ассамблеи сопровождал К. Токаева практически на всех официальных мероприятиях. По приглашению Жоао Соареша казахстанский спикер посетил и Фонд Галусте Гулбенкяна.

Эта неправительственная организация активно осуществляет в Португалии и за её пределами свою деятельность, направленную на поддержку художественных, культурных и благотворительных инициатив, согласно завещанию знаменитого мецената, армянского нефтяного магната Галусте Гулбенкяна. Показательно, что за четыре последних века все поколения этой семьи финансово поддерживали больницы, школы и церкви, художников и интеллектуалов, обеспечивали жильём и имуществом беженцев и нуждающихся. Сегодня среди программ и проектов фонда — создание цифрового художественного архива, выработка иммунобиологической стратегии в борьбе с малярией, поддержка медицинских исследований в области экологии, повышения качества атмосферного воздуха и другие.

Мы с большим интересом осмотрели музей Галусте Гулбенкяна, один из самых значительных музеев Португалии. Среди его экспонатов — редкие произведения европейской живописи, от готики до импрессионизма, а также французские интерьеры, экспозиции восточноазиатского и исламского искусства, уникальное собрание изделий французского ювелира Рене Лалика.

На этом, собственно, наша лиссабонская программа и завершилась. Впереди были девятичасовой перелёт и возвращение домой.

Религий много, планета — одна

Съезды лидеров мировых и традиционных религий

Так сложилось, что в последние годы одним из важных направлений деятельности сената стали подготовка и проведение Съездов лидеров мировых и традиционных религий.

Вообще-то этот форум — не парламентское мероприятие. Инициатива его проведения принадлежит Президенту Н. Назарбаеву, и организацией первого Съезда занималась непосредственно Администрация лидера государства во главе с Нуртаем Абыкаевичем Абыкаевым.

Нужно сказать, что данная инициатива вызвала в мировом сообществе большой интерес. Свою поддержку этой идее выразили главы таких крупнейших держав, как Россия, США, Англия, Франция, Египет, влиятельные политики — Кофи Аннан, Джордж Буш-старший, Маргарет Тэтчер, Михаил Горбачёв, а также лидеры многих различных религиозных конфессий.

Первый Съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся в Астане в сентябре 2003 года. Его целью была активизация поиска общечеловеческих ориентиров в мировых и традиционных религиях, а также создание постоянно действующего международного межконфессионального института для осуществления диалога цивилизаций и принятия согласованных решений.

В работе съезда приняли участие представители 17 религиозных организаций: ислама, христианства, буддизма, иудаизма, индуизма, синтоизма, даосизма и других конфессий.

В ходе пленарного и секционных заседаний состоялся открытый и откровенный обмен мнениями о роли религии в современном мире и общечеловеческом характере её основных моральных ценностей, подняты важнейшие проблемы, связанные с выявлением причин конфликтов на религиозной почве и отмечена необходимость совершенствования межрелигиозной гармонии, взаимного уважения друг к другу, умения учиться на традициях других народов.

Первый съезд убедительно продемонстрировал актуальность и необходимость воплощения идеи сотрудничества и единства представителей различных религий во имя мирной и достойной жизни людей всей планеты.

Его итоги нашли отражение в Декларации, принятой участниками съезда, где, в частности, отмечается, что целью каждой религии должна быть проповедь таких великих и непреходящих ценностей, как справедливость, истина, человеколюбие, терпимость. Экстремизм, терроризм и другие виды насилия и злодеяний, совершаемые под прикрытием религиозных знамён, не имеют никакого отношения к подлинной вере.

Участники форума были едины во мнении, что религии, признавая взаимопонимание и терпимость основой мирного сосуществования всех народов мира, должны взаимодействовать. И долг религиозных лидеров — укреплять сотрудничество и развивать диалог различных культур и цивилизаций, отдавая приоритет духовным ценностям.

Закономерно, что республике была оказана честь организовать и провести в Астане второй конгресс лидеров мировых и традиционных религий.

10 марта 2004 года Нуртай Абыкаев по представлению Президента был избран председателем сената. С учётом практического опыта ему было поручено возглавить постоянно действующий Секретариат съезда и работу по подготовке и проведению в Астане второго религиозного форума, с чем он блестяще справился.

Второй Съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся в специально построенном в столице Казахстана здании Дворца мира и согласия. В

этом межконфессиональном совете приняли участие представители уже 29 религиозных делегаций. Они обсудили самые злободневные проблемы человечества в условиях глобализации — свободы вероисповедания, уважения представителей других религий и роль религиозных лидеров в укреплении международной безопасности с учётом новых угроз и вызовов нашего непростого времени.

Среди участников и гостей съезда — видные политические и религиозные деятели из разных стран мира: экс-премьер-министр Малайзии Махатхир Мухаммад, экс-президент Ирана Мохаммад Хатами, спецпредставитель ООН в Женеве Сергей Орджоникидзе, глава ЮНЕСКО Коичиро Мацуура, министр юстиции Саудовской Аравии Абдалла бен Мухаммад Бен Ибрахим аль аш-Шейх, Патриарх Константинопольский Варфоломей, кардиналы Римско-католической церкви, представители Всемирного совета церквей, Всемирной конференции религий за мир, Всемирного культурного фонда Заратустры, ПАСЕ, Совета экспертов ОБСЕ по религиям, других религиозных и светских организаций.

О необходимости укрепления межрелигиозного партнёрства, дальнейшего развития межконфессионального диалога с целью сохранения и упрочения ценностей современной цивилизации в своей речи на форуме сказал Президент РК Нурсултан Назарбаев.

— Одними политическими или силовыми методами, — отметил глава нашего государства, — решить сложные конфликты, возникающие практически на всех континентах мира, невозможно. Нередко под видом “поиска бога” совершаются поистине страшные деяния, осуждаемые всеми великими учителями и пророками. А манера в одностороннем порядке обвинять ту или иную религию в агрессивности обрела совершенно отчётливый характер.

Идеи Президента Казахстана высоко оценили сенатор парламента Франции Эмери де Монтескью, вице-президент Европейского парламента Алехо Видал-Квадрас Рока, другие видные участники форума. Целиком поддержала усилия Казахстана и его лидера, направленные на укрепление доброжелательных отношений между религиозными общинами и их лидерами, Организация Объединённых Наций.

О важности развития межрелигиозного партнёрства говорилось в озвученном на съезде послании Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Озабоченность по поводу беспрецедентного распространения многих религиозных течений и деструктивных сект, известных своими финансовыми возможностями, выразили Его Святейшество Гарегин II, Верховный патриарх и Католикос всех армян Армянской апостольской церкви и представители других конфессий. Рефреном в выступлениях участников форума прозвучала мысль о том, что крайне важно исключить использование религиозной идеологии ради оправдания сомнительных политических целей.

Откровенная дискуссия состоялась по проблеме терроризма и религиозного экстремизма. Если на грани веков считалось, что эти вызовы времени носят региональный характер, имеют основу для распространения лишь в странах с неустойчивой экономикой, нестабильной политической, экономической и социальной сферами, то кровавые теракты нового века убедительно продемонстрировали, что любые государства мирового сообщества, включая высокоразвитые, одинаково уязвимы для новых угроз.

Идеи и тезисы дискуссий форума объединены в единогласно принятую Декларацию съезда. В этом документе представлена глобальная потребность в замене “идеологии противостояния” “культурой мира”. Участники конгресса призвали приверженцев всех религий и людей доброй воли планеты отказаться от взаимной вражды, раздоров, ненависти и жить в атмосфере взаимоуважения, искренности и признания культурного, религиозного и цивилизационного

многообразия, провозгласили решимость предпринять совместные усилия для преодоления предрассудков и осудили терроризм во всех его формах. Справедливость, отмечено в Декларации, не может быть построена на страхе и людской крови, а использование таких средств означает отход от норм любой религии.

На очередную, третью, свою встречу лидеры религий мира вновь решили собраться в столице Казахстана.

11 января 2007 года председателем сената был избран Касым-Жомарт Токаев. Он же возглавил и Секретариат съезда, что, учитывая его богатый дипломатический опыт и международный авторитет, также представляется вполне закономерным. Таким образом, основные функции по подготовке и проведению следующего, третьего, религиозного форума остались у сената.

Новая казахстанская инициатива по провозглашению 2010 года «Международным годом сближения культур» получила признание на первом форуме Альянса цивилизаций, состоявшемся под эгидой ООН в Мадриде. В ноябре 2008 года принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о проведении III Съезда лидеров мировых и традиционных религий в 2009 году в Астане при участии и техническом содействии со стороны ООН, что стало ещё одним шагом к исполнению духовного и нравственного потенциала мировых религий для решения международных конфликтов, противодействия глобальным угрозам, преодоления ксенофобии и нетерпимости.

На состоявшихся в межсъездовский период под председательством К. Токаева заседаниях Секретариата отмечалось, что принявшая необратимый характер глобализация в тех формах, в каких она развивается сейчас — в условиях мирового финансово-экономического кризиса — ведёт к дальнейшему расслоению мира, увеличивает разрыв между бедными и богатыми странами, высказывалась озабоченность усиливающейся напряжённостью в зонах международных конфликтов, распространением таких негативных явлений, как терроризм и экстремизм, незаконные миграция и оборот оружия, наркотрафик, другими вызовами времени.

— В современном мире диалог между религиями становится важным инструментом достижения единства и согласия, — сказал в этой связи Касым-Жомарт Токаев, выступая перед участниками заседания Секретариата. — Особенно важно это понимание в условиях, когда международный терроризм становится стратегической угрозой безопасности человечества, а мировое сообщество должно объединить свои усилия в сохранении и развитии взаимодействия.

Касаясь важности широкого обсуждения вопросов межрелигиозного диалога в условиях современного мира, К. Токаев неоднократно отмечал, что события последнего времени убедительно показывают оправданность существующих мнений о необходимости формирования новой системы безопасности. Резкое обострение глобальных проблем человечества требует ограничения различных форм соперничества и перехода к сотрудничеству не только между государствами, но и между религиями. По его мнению, большинство религиозных деятелей мира хорошо понимают необходимость и важность межрелигиозного согласия в современных условиях и предпринимают определённые шаги для активизации этого процесса.

В III Съезде лидеров мировых и традиционных религий, состоявшемся в Астане в начале июля 2009 года, приняли участие 77 делегаций из 35 стран мира. Среди более 300 участников форума — лидеры и представители всех основных религиозных конфессий, а также, что стало важной новацией — действующие политики, видные светские деятели и эксперты, занимающиеся вопросами межрелигиозного и межкультурного диалога, представители международных организаций, объединённые благородной идеей открытого диалога между культурами и религиями с целью построения безопасного и стабильного мира.

Как объединить альтруистов и эгоистов, прагматиков и романтиков в понимании проблемы толерантности? Как связаны понятия толерантности и справедливости? Где кончается толерантность и начинается равнодушие и циничное безразличие? Какова роль религиозных лидеров в наполненном рисками современном мире и как построить межрелигиозный диалог в обострённом кризисом мире? Вот неполный круг вопросов, ответы на которые искали участники съезда в ходе состоявшихся дискуссий и заинтересованного обмена мнениями.

На пленарном заседании, тема которого была обозначена как “Роль религиозных лидеров в построении мира, основанного на толерантности, взаимном уважении и сотрудничестве”, подняты важнейшие проблемы современности, связанные с необходимостью совершенствования межрелигиозной гармонии, взаимного уважения, предупреждения и избежания конфликтов на религиозной почве.

Заинтересованный обмен мнениями по таким тематическим блокам, как “Моральные и духовные ценности, мировая этика”, “Диалог и сотрудничество” и “Солидарность, особенно в период кризисов”, состоялся в ходе секционных заседаний. Прошедшие дискуссии ещё раз показали готовность и высокую заинтересованность всех собравшихся в Астане духовных лидеров к диалогу и взаимопониманию.

— Состоявшиеся в ходе съезда дискуссии, порой переходящие в жаркие споры, заставляют всех нас учиться друг у друга, извлекать уроки из верований и опыта разных людей, ведь духовные лица и политики обладают огромным потенциалом для спасения мира от хаоса. И в эти дни у них была уникальная возможность поделиться своим опытом, а у некоторых — протянуть друг другу руку дружбы, — так определил итоги форума руководитель Секретариата съезда К. Токаев.

А вот мнение Главного Ашкеназийского Раввина Израиля Йоны Мецгера:

— Все мы — религиозные лидеры. Нет ни одной религии, которая высказывалась бы против мира и любви. Нет ни одной религии, которая выступала бы против веры. Все мы выступаем за мир. Все мы выступаем за любовь. Все мы выступаем за веру. Собственно, сокровище здесь, под этой крышей, но мы

должны преобразовать эти слова в действия, которые можно будет, пожалуй, даже нарисовать в общей картине.

Между тем в некоторых электронных СМИ прозвучали и отдельные мнения о неэффективности проведения подобных конгрессов, на которых, кроме разговоров и волеизъявлений, не принимается конкретных решений. В этой связи хочется привести слова Бенджамина Франклина: “Если люди настолько плохи, обладая религией, то кем бы они были без неё?”.

И действительно: кем?

“Познание истины”

“Только в государственной службе познаёшь истину”, — сыронизировал в своё время незабвенный Козьма Прутков. А ведь если хорошенько вдуматься в скрытый смысл данной фразы, то действительно очень смешно.

Нет, пожалуй, другой социальной группы, которая — при любой власти и при всех социально-экономических формациях — не подвергалась бы более постоянной, суровой, причём зачастую огульной, критике, нежели чиновники. Литература заполнена гротескными персонажами очень несимпатичных чиновников и сановников, пресса клеймила и клеймит позором взяточников и казнокрадов, но самое смешное в том, что покритиковать аппаратчиков никогда не упускала случая и сама власть, а некоторые её органы, вроде различных агентств по делам госслужбы и прочие, по оценке самих чиновников, наносят своим подопечным вреда поболее, нежели эпидемии свиного и птичьего гриппа вместе взятые.

Между тем полагаю, что во все времена государственные служащие в своей массе никогда не были носителями каких-либо особых пороков, не свойственных другим слоям общества. Напротив, несмотря на различные негативные социальные тенденции эта часть всегда обладала множеством заслуживающих уважения достоинств.

Глубоко ошибаются те, кто уверен, что в бытность СССР в партийных и советских органах работали люди малосведущие, некомпетентные или бездельники. Как раз наоборот: в большинстве своём это были знающие, грамотные специалисты, прошедшие хорошую производственную школу, неплохо зарекомендовавшие себя в практической деятельности и обладавшие организаторскими способностями, хорошими навыками работы с людьми, с населением.

Именно такими качествами они на каком-то этапе биографии привлекали к себе внимание райкомов и райисполкомов, попадали в номенклатуру и дальше продвигались по служебной лестнице. Эти люди, обладавшие незаурядными личностными качествами, умели быстро и правильно ориентироваться в сложной производственной ситуации и принимать верные, профессионально грамотные решения. Из таких обычно вырастали руководители крупных предприятий и организаций. Но школу райкомов и райисполкомов они обычно проходили.

Другая категория — выходцы из комсомольских органов. Они, как правило, в итоге становились аппаратчиками, партийными функционерами, зачастую толковыми и грамотными работниками партийных, профсоюзных и других аппаратов. Но главным недостатком многих представителей данной категории на любых должностях было отсутствие производственного опыта, вследствие чего они нередко терялись в сложных ситуациях, боялись брать на себя принятие ответственных решений, хотя определённой амбициозностью данная категория отличалась всегда. Ничего личного, ребята, ничего личного...

Помнится, на заре моей трудовой и педагогической деятельности наша небольшая отдалённая сельская школа была “удостоена” визита заведующего

отделом райкома комсомола в связи с подготовкой вопроса на районный комсомольский пленум. Молодой, но вполне уверенный в себе комсомольский функционер внимательно и скрупулёзно изучал работу пионерской и комсомольской организаций, беседовал с ученическим активом и в целом оценил всё очень неплохо. Чувствовалось, что ему нравится ощущать себя в роли проверяющего. Информировав меня об итогах проверки, он сообщил, что имеет поручение райкома партии посетить и проверить (именно на последнем слове было поставлено логическое ударение) уроки обществоведения, что, вероятно, так и было, поскольку учителя этого предмета являлись партийной номенклатурой районного звена.

— Знаешь, — сказал я комсомольцу, — у нашей учительницы обществоведения педагогический стаж чуть меньше, чем две наши с тобой жизни вместе взятые, лично я хожу на её уроки, чтобы учиться. Чего тебе там проверять?!

— Но я имею такое поручение и полномочия, — явно обиделся инспектор.

Я популярно объяснил молодому человеку, куда он может засунуть делегированные ему полномочия, и понял: жаловаться будет непременно.

Но после хорошего ужина, в котором по поручению комсорга хозяйства активное участие приняли солистки совхозного хореографического ансамбля, вопрос о качестве преподавания в нашей школе общественных дисциплин был окончательно снят с повестки дня. Многие проблемы в те времена именно так и решались.

По большому счёту, я всегда был лоялен к власти, “колебался вместе с её линией”, диссидентствовал на кухне, что отнюдь не означает, что у меня никогда не было своего мнения и конфликтов с вышестоящими органами, включая партийные. Бывали, в том числе и с их первыми руководителями.

Между прочим, из этого, первого в моей жизни “проверяющего”, вырос очень даже неплохой руководитель районного звена, с которым мы впоследствии неоднократно и вполне дружелюбно пересекались по работе.

После службы в армии я отказался от должности заворга горкома комсомола, предпочтя комсомольской работе преподавательскую в одном из техникумов города, о чём никогда не жалел. Но против того, что комсомол был полезной для молодёжи организацией и хорошей школой, я не возражал никогда и сейчас придерживаюсь того же мнения.

Многие современные авторы, повествуя о жизни того, действительно очень неоднозначного периода, порой смешивают такие литературно-философские категории, как “реальность” и “типичность”. Можно ли, например, ситуацию, сложившуюся в отдельном райкоме комсомола и показанную в несомненно талантливом фильме “ЧП районного масштаба”, назвать реальной? Да, безусловно. Но является ли она типичной — вопрос весьма дискуссионный.

За три десятка лет пребывания на государственной службе у меня сложилась определённая теория об аппаратных чиновниках-исполнителях. Думаю, все они делятся на три категории.

К первой относятся аппаратчики, выполняющие работу оперативно, но если и не совсем плохо, то, по крайней мере, с разными ошибками и погрешностями. Это обычно энергичные, деловые люди, которым недостаёт либо опыта, либо профессионализма, зачастую — и того, и другого. Представители этой категории вполне могут быть не одарены особыми талантами, но зато они исключительно работоспособны, активны, к достижению цели идут упорно и до конца. Именно на них и держатся все аппараты, они тянут весь тяжелейший груз нудной казённой работы. Давая задания, их следует предостерегать от возможных ошибок, направлять, предопределяя конечный результат, который тоже нужно перепроверять.

Вторая категория — люди, выполняющие поручения медленно, но качественно. Это в основном опытные аппаратчики, склонные к анализу, способные иметь собственное видение проблемы, отстаивать своё мнение. Никаких сроков они не признают. Стоять у такого над душой и торопить — совершенно бесполезное дело: будет работать столько, сколько считает нужным, но всё выполнит безукоризненно. За результат можно не беспокоиться.

Третьи — это имеющийся в каждом учреждении неизбежный аппаратный балласт: выполняют работу медленно и плохо, либо не делают её вовсе, находя массу различных причин и отговорок. Явно представителей именно этой категории имел в виду американский писатель Бойс Пенроуз, утверждая, что “казённая служба — это последнее прибежище разгильдяя”.

Для любого руководителя данная прослойка — что кость в горле, поэтому они, т. е. руководители, стараются от такого балласта избавиться всеми возможными способами, лучшим из которых было выдвижение подобного работника на вышестоящую должность. Однако ноль, возведённый в степень, как свидетельствует математическое правило, остаётся равным нулю.

В советском гротескном романе А. Барышева “История одного института” выведен интересный и вполне реалистичный образ одного сволочного преподавателя, затерроризировавшего профессорско-преподавательский коллектив вуза постоянными скандалами, “сигналами”, “телегами” и жалобами в вышестоящие инстанции, по которым вышеназванные инстанции проводили бесконечные проверки. Чтобы избавиться от склочника и ябеды, ректор направил его сперва в аспирантуру, затем в докторантуру, потом на длительную стажировку за границей, о чём мечтали многие более достойные учёные-педагоги. Но в конечном итоге дело кончилось тем, что новоиспечённый доктор наук, всё-таки вернувшись в институт, сместил самого ректора и занял его место, хотя как был, так и остался “нулём” с точки зрения научной ценности. Но жалобы и обращения в вышестоящие органы, однако, не прекратились, поскольку появился новый интриган, способный даже переплюнуть своего предшественника.

Есть, конечно, и четвёртая категория — профессионалы, исполняющие всё быстро и качественно, но они, как правило, на рядовом и среднем аппаратном уровне долго не задерживаются: либо сами становятся руководителями, либо попадают в “обойму” — в аппаратную элиту самого высшего масштаба. Таковых в стране, конечно, не единицы, но далеко и не тысячи.

При этом весьма важен баланс количественного соотношения представителей данных категорий в отдельно взятом трудовом коллективе. Это тот случай, когда количество, согласно закону диалектики, переходит в качество.

Несколько лет тому назад в одной из своих статей я выразил мнение, что абсолютное большинство казахстанских госслужащих — это “профессионалы высокого уровня, исключительно добросовестные, честные и порядочные люди”. Сегодня я, к сожалению, уже не столь оптимистичен в своих оценках. Боюсь, лет через несколько, возможно, придётся ограничиться констатацией факта, что в среде государственных служащих встречаются неплохие специалисты и порядочные люди. Признаться, очень не хотелось бы опускать планку оценки до этой черты.

Впрочем, уровень оценки во многом предопределён уровнем оценивающего, поэтому на истину в последней инстанции я вовсе не претендую.

В то же время одиннадцатилетний стаж работы в аппарате верхней палаты высшего законодательного органа страны позволяет мне судить, что этот коллектив госслужащих в значительно меньшей степени подвергся негативному влиянию различных разрушительных процессов. Скорее всего, потому, что им всегда руководили лучшие представители высшей аппаратной элиты

Казахстана: Мурат Раев, Амзбек Жолшибеков, Магзам Касымов и глубоко уважаемый мною Ержан Абулхайрович Утембаев — все они “зубры” аппаратной элиты республики, чиновники высшей пробы, что называется, от Бога. Именно их усилиями создан и успешно работает этот высокопрофессиональный коллектив.

Как уже отмечалось выше, из этических соображений я воздерживаюсь от характеристик своих сегодняшних руководителей.

В парламенте всегда существовали два непрерывных процесса, к которым не относится процесс законотворческий, всё-таки периодически прерываемый парламентскими каникулами. К двум “константам” следует отнести перманентный ремонт помещений и “переезды” парламентского населения из кабинета в кабинет, с этажа на этаж, из здания в здание. К сенаторам это относится в меньшей степени, к аппарату — в большей. Лично я за два года работы в новом здании сената переехал шесть раз, что рекордом отнюдь не является. Абсолютный рекорд в данной номинации принадлежит моему бывшему коллеге Анатолию Литовченко, личность которого заслуживает отдельного рассказа.

Сделал себя сам

Анатолий Литовченко — сенатор, аппаратчик и “лирик” в душе

Одного из видных представителей блестящей когорты первых сенаторов страны, Анатолия Трофимовича Литовченко, с другими героями, портреты которых представлены в этих записках, объединяет то, что он, как и они, “сделал себя сам”.

Ещё бы, сын рядового механика-самоучки и простой рабочей женщины, уборщицы стружки в заводском цехе, получил два высших образования, возглавил партийную организацию завода, на котором мать в своё время стружку убирала, а впоследствии вошёл в высшую политическую элиту страны. Такие биографии и в прежние-то времена хорошо искать надо было.

Он был младшим из пяти детей в простой трудовой семье. В сельской школе возглавлял школьную кроликоферму и с тех пор крольчатину на дух не переносит, так как с детства сильно привязался к этим симпатичным зверушкам. Любил лыжи, получил разряд по спортивной стрельбе.

Из сибирской деревни родители переехали в г. Петропавловск, и он пошёл в 10-й класс средней школы, где уже через две недели его избрали комсоргом школы.

Дети “оттепели” тогда оказались свидетелями знаменитых споров “физиков” с “лириками”. Анатолий симпатизировал “лирикам”, но статью решил “физиком”. Так оно и случилось, хотя юношеская любовь к поэзии сохранилась на всю жизнь: свободно цитирует Е. Евтушенко и А. Вознесенского, любит В. Высоцкого, а порой, на досуге, и сам стишками балуется.

Отец вышел на пенсию, семье было нелегко, поэтому, в 16 лет окончив школу, пошёл работать на завод тяжёлого машиностроения в Петропавловске простым слесарем-сборщиком. Через три месяца юного рабочего избирают комсоргом самого крупного цеха.

Одновременно учился. Так получилось, что старший брат попросил Анатолия помочь его другу, только демобилизовавшемуся из армии, подготовиться к экзаменам в политехнический институт. В последний день Анатолий и свои документы принёс в приёмную комиссию на сугубо физическую специальность “радиационные приборы и измерения”.

— Поступление в “политех” — это твоя ошибка, — сказала член экзаменационной комиссии по русскому языку, прочитав его сочинение на свободную тему, — иди в гуманитарный вуз, скажем, на филфак.

Но он всё же стал “физиком”, лириком оставшись в душе.

Работая, закончил два курса “политеха”, заводское руководство предложило перевестись в Казанский авиаинститут, так как такие специалисты были востребованы, однако он перешёл на очное отделение, но вскоре вновь вернулся к станку.

Потом были служба в армии и снова возвращение на родной завод, дела которого он жил, всегда был в гуще интересных событий, в кругу заводской молодёжи — будь то соревнование бригад, спортивные состязания или смотр художественной самодеятельности. Закономерно, что активного юношу комсомольцы выдвинули сперва в бюро, а затем избрали секретарём заводского комитета комсомола.

Организация была многочисленной, поэтому комитет имел права райкома. В течение пяти лет Анатолий Литовченко был его бессменным руководителем и не только организовывал множество разнообразных мероприятий среди заводской молодёжи, но и отстаивал права молодых рабочих перед заводским руководством. Добился, чтобы узаконили положение о статусе молодой семьи, и молодые супружеские пары включались в специальную очередь на получение жилья. Не хватало мест в детских садах, и вновь комитет комсомола поставил перед дирекцией вопрос о необходимости строительства ещё одного детского дошкольного комбината, а самих комсомольцев после работы и в выходные дни частенько приходилось видеть на стройплощадках.

И с юмором дело тоже обстояло неплохо: Анатолий был в числе главных инициаторов, организаторов и непосредственных участников первых городских КВН.

В 1972 году Анатолия Трофимовича переводят в Петропавловский горком комсомола сначала вторым, а затем — первым секретарём. Ему многое удалось сделать на этом посту. Все активисты тех лет отмечают, что работать с секретарём было легко и интересно. Наверное, в нём уже тогда чувствовалось что-то такое, что притягивало к нему людей. Позже, с учётом накопленного опыта, он был направлен секретарём парткома завода малолитражных двигателей. Доводилось участвовать в заседаниях коллегии Министерства оборонной промышленности СССР.

“Он сам из рабочих, потому хорошо понимает и знает нужды, заботы и жизнь рабочего класса. Всегда изучает проблему изнутри, а не по краям, как некоторые”, — так тепло отзывались об Анатолии Трофимовиче заводчане.

Окончил высшую партийную школу, работал заворгом райкома и инструктором обкома партии, довелось быть партийным вожаком и на родном ПЗМТ.

— На партийной работе постоянно ощущал помощь и поддержку старших товарищей, — вспоминает Анатолий Трофимович. — С благодарностью вспоминаю первых руководителей областной и городской партийных организаций Демиденко В. П. и Давыдова И. И.

— Не знаю, что будет дальше с партией, да и со страной, — сказал ему однажды второй секретарь обкома Галым Шакиров, — но тебя терять не хотелось бы. Поэтому советую тебе на альтернативной основе участвовать в выборах в областной совет профсоюзов.

Выборы он выиграл, и в самые трудные “перестроечные” годы, в период развала и наступления экономического хаоса был избран сперва секретарём, а затем и заместителем председателя. Окончил Академию труда и социальных отношений в г. Москве.

На улице бушевали митинги, народ упивался разрешённой демократией.

— Тогда прокатилась волна митингов и забастовок, и хотя отстаивал я интересы простых рабочих, с трибуны меня однажды вытолкали самым примитивным образом, — рассказывает Анатолий Трофимович.

На пленуме облсовпрофа предложили баллотироваться в депутаты областного маслихата, и вновь он выиграл, а в 1995 году коллегами по маслихату избран депутатом сената нового двухпалатного Парламента Республики Казахстан.

По отзывам коллег-парламентариев, Анатолий Литовченко был “беспокойным” депутатом, создававшим немало проблем и правительству, и парламентским аппаратчикам.

— В составе двухпалатного парламента были и бывшие депутаты Верховного Совета, но большинство из нас впервые вышли на законо-

творческую стезю, так что всем приходилось учиться создавать законы, которые рождались в жарких спорах, — вспоминает бывший сенатор. — План законотворческой деятельности был составлен и предложен парламенту правительством, но им же выполнялся едва ли на треть. По этому поводу я обратился с депутатским запросом к тогдашнему премьер-министру страны Акежану Кажегельдину.

Получив на свой депутатский запрос формальный ответ, подписанный руководителем канцелярии премьера, стал добиваться, чтобы глава правительства лично пришёл на заседание сената и дал конкретные объяснения. И после долгих препирательств А. Кажегельдин на заседание всё-таки пришёл и с явной неохотой извинился перед сенатором.

Анатолий Трофимович был инициатором первого отчёта членов правительства перед депутатами по вопросу о задержках выплаты пенсий и заработной платы работникам бюджетных организаций.

После окончания депутатских полномочий остался работать в аппарате сената заместителем заведующего общим отделом. Зная его возможности, профессиональный потенциал, руководство часто привлекало опытного работника для выполнения других функций. Активное участие он принимал в подготовке и проведении Трансазиатского парламентского форума ПА ОБСЕ в Алматы, очень чётко организовал работу транспортной службы. Он также является составителем нескольких фотоальбомов о сенате, активное участие принимал в организации и презентации фотовыставки, посвящённой независимому Казахстану, в ходе дней Сената Парламента РК в Совете Федерации Федерального Собрания РФ. По личному распоряжению председателя палаты в течение двух лет трудился в составе рабочей группы по контролю и оказанию содействия в строительстве нового здания сената.

При этом выполнял и свои повседневные функциональные обязанности: разрабатывал инструкции и положения, касающиеся наиболее сложных позиций деятельности депутатов и аппарата, занимался практическим внедрением системы электронного документооборота и другие.

Но, к сожалению, полный сил и энергии профессионал оказался неустраиваемым и на 65-м году жизни стал пенсионером. Недавно он написал для внуки новый стишок.

Сергей ГОРБУНОВ

Соль земли

И сказал Христос своим ученикам в Нагорной проповеди: «Вы — соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною?» (Евангелие от Матфея, гл. 5).

С того дня, когда были произнесены эти слова, — минули тысячи лет. Но смысл иносказательного выражения, пройдя через века, не потерял своего изначального значения. Солью земли называют тех людей, которые чисты помыслами, придают жизни вкус и смысл, живут и работают не только ради своего блага. Их много в каждой сфере человеческой деятельности. В том числе и в бизнесе, среди тех, кого сегодня причисляют к среднему классу общества, который служит опорой экономики всех стран мира.

— Я плакал горько, навзрыд, — Слямбек Акимов, председатель правления павлодарского ТОО «Дом печати», на какой-то миг замер, словно переживая прошлое, и продолжал: — Мне, второкласснику, было жалко умершего папу, а ещё — себя. Через три дня у меня должен быть день рождения, папа обещал купить мне лыжи, о которых я мечтал, а он взял — и умер. И кто теперь мне их подарит?

... Лыжи Слямбеку купили. Родственники, утешая самого младшего из осиротевших четырёх братьев и трёх сестёр семьи Акимовых, поехали в районный центр и неизвестно как сумели достать дефицитные по тем временам лыжи для именинника.

— Возможно, этот подарок папы, а может, то, что в нашем селе Береговое спорт был в почёте, но я им занялся увлечённо, по многим видам, — рассказывает руководитель и владелец полиграфического производства. — Поэтому, когда окончил школу, не раздумывая, подал документы на спортивный факультет Павлодарского педагогического института. В тот раз я не добрал два балла, вернулся в село и стал в своей же школе преподавать физкультуру. Потом меня призвали в армию и на Сахалине, где солнце — две недели в году, в войсках ПВО, я охранял рубежи СССР. Когда уволился в запас — вновь решил поступать в пединститут и стал студентом.

... Причём — отличником учёбы. Что, согласитесь, нелегко, так как вчерашний воин к этому времени женился на своей бывшей ученице — старшекласснице Валентине, которая тоже училась в Павлодаре, в техникуме.

— Слямбек, а как ты пришёл в бизнес? — спрашиваю председателя правления ТОО. — Наверное, привела мечта полуголодного детства о достатке и желании жить, как в «кино»?

— Впроголодь мы не жили, хотя маме нелегко было нас прокормить, одеть и обуть, — последовал ответ. — Мы, дети, старались помочь ей и по хозяйству, и на совхозных работах. Я уже с младших классов пропалывал лесопосадки и картофель, выполнял другие работы, которые были по силам. Вы же сами знаете,

что в селе дело всем найдётся, так что от работы я не бегал и её не боюсь. А что касается бизнеса, то у меня не было цели стать миллионером. Просто надо было учиться и кормить, хотя и маленькую, но — семью. А тут наступил развал СССР, спад в экономике. И, естественно, безденежье многих людей. Поэтому, оканчивая институт, я списался со своими однополчанами-москвичами, которые уже “крутились” в бизнесе, и стал работать вместе с ними. Мы перегоняли в Казахстан машины, торговали горючим, то есть проходили путь, который прошли многие бизнесмены. Но, здесь я скажу, что по окончании института вновь вернулся в село преподавателем физкультуры. А позже всё-таки более основательно занялся бизнесом, так как ставка учителя меня уже не устраивала. Хотя сегодня, порою, я вновь готов тренировать детей, так как бизнес выматывает и не всегда такой, каким хотелось бы его видеть. Нынешний кризис — это же не только экономические тяготы, но и проверка руководителей фирм на моральную и финансовую прочность. За каждый свой шаг они должны нести особую ответственность, потому что на “кону” стоит не только их собственный капитал, но и благополучие людей, которых они пригласили работать и которые им поверили. Деньги заработать легко, а вот удержать — сложнее, так как много соблазнов их потратить. Но это надо делать с умом, просчитав варианты на много ходов вперёд.

... Здесь я сделаю отступление, чтобы продолжить мысль Акимова и показать, как он пришёл в полиграфию. По его словам, это произошло во многом случайно. Отчасти так оно и было. Мой товарищ, журналист и владелец небольшой полиграфической фирмы Булат Ахметов (ныне его нет в живых), не знаю где, познакомился со Слямбеком, который восемь лет назад уже имел наработанный стартовый капитал. В одной из бесед Булат рассказал бизнесмену о полиграфии и её возможностях даже в условиях спада экономики. “Семена” упали на благодатную почву. В это время областная типография была доведена, как говорится, до “ручки”. Устаревшее, часто ломающееся печатное оборудование, долги по зарплате коллективу, в бюджет и партнёрам, проблемы с бумагой и типографской краской. Одним словом, ситуация — не подарок! Слямбек вошёл своими деньгами в производство и не просто вошёл, а сразу же начал его капитально реконструировать. Он привлёк специалистов (даже из Омска), штудировал полиграфическую литературу, ездил на родственные производства, различные полиграфические семинары и выставки. Спустя несколько месяцев такой напряжённой учёбы он уже на равных говорил с теми, кто давно работал в этой отрасли. Уяснив тонкости производства, Акимов полностью обновил всё оборудование типографии. Сегодня это предприятие высоких технологий с электронным, компьютерным оборудованием, позволяющим печатать не только газеты в любом формате и цвете, но и различные красочные плакаты, книги, этикетки всевозможных конфигураций, упаковку широкого назначения. И это после прежних линотипов и офсетной печатной машины РОК-60, которые не так давно считались верхом совершенства! Прошлой осенью Слямбек вновь сделал замену оборудования, установив более скоростное, с увеличенной разрешающей способностью по цветовой раскладке.

— Тебе что, некуда деньги девать? — говорю руководителю “Дома печати”. — Ныне действующее оборудование ещё лет пять без ремонта могло отработать!

— Нет, надо постоянно всё обновлять — иначе отстанешь от более перспективных технологий, — последовал ответ. — Это только начало наших больших перемен.

... Они проявились даже в том, что Акимов обновил фасад здания “Дома печати”, в котором размещаются и две областные газеты, русская и казахская. Пристроил магазин канцелярских товаров рядом с проходной в типографию, заасфальтировал внутренний двор и уложил брусчатку перед фасадом. На этот год запланировал обустройство парковок для машин и озеленение прилегающей территории. То есть всё делается поэтапно и основательно.

Это качество Слямбека Акимова во многом способствовало тому, что не только большинство газет области, но и “Казахстанская правда”, “Егемен Казахстан”, “Экспресс К” и ещё ряд республиканских изданий печатаются в типографии “Дома печати”. Зная, что здесь высокие качество полиграфии и ответственность перед заказчиками. И исполнение задания в срок. Акимов, исходя из этого, даже своим транспортом доставляет отпечатанные у него республиканские издания подписчикам Восточного Казахстана, чтобы у них газета также была в день её выхода.

Но было бы ошибочно думать, что Акимов сосредоточился лишь на своём бизнесе. Уже второй созыв он — депутат городского маслихата. И надо сразу сказать, что Слямбек не такой избранник народа, который, по завершению выборов, избегает ссориться с исполнительной властью и всё, что она предложит, одобряет. Он, в числе немногих своих коллег, боролся и борется против неоправданной траты бюджетных денег, плохой работы того или иного городского ведомства, добиваясь правильного и справедливого решения проблем. И ещё у исполнительного директора ТОО хватает времени на шефство над пригородным детским домом.

И когда другие бизнесмены спрашивают его: для чего он взвалил на себя ещё и общественную “обузу”, то Слямбек обычно отделяется от таких вопросов короткими фразами: “Кто-то же должен это делать!” или “Понимаешь, очень хочется, чтобы во всём был порядок!”.

... Рассказывая об этом предпринимателе, я не утверждаю, что он — “ангел” во всём. Бывает несдержан и даже груб с теми, кто пытается обмануть, проявить нахальство или что-то сделать по принципу “тяп-ляп”. Тогда Слямбек может выразиться далеко не печатными фразами. Но в то же время он отходчив. И надо слышать, с какой теплотой и уважением он говорит о ветеранах типографии, о тех, кто работает по совести.

А ещё у этого человека есть трепетная, поразительная в наше время любовь к жене и детям — сыну и дочери. О них он говорит с нескрываемой нежностью. И даже как-то признался, что бизнес и все общественные дела отступают перед семьёй на второй план. Что главная задача мужчины сделать так, чтобы семье было хорошо. Я не стану распространяться об отношениях Валентины и Слямбека. Скажу, что дочь, окончившую школу, они отправили на учёбу в Чехию, а сына-школьника папа-бизнесмен воспитывает строго, контролируя и учёбу, и занятия в спортивных секциях. И когда я спросил: по его стопам пойдёт наследник? — Слямбек молниеносно ответил: “Пусть вначале вырастет Человеком!”.

г. Павлодар.

Владимир ЛИТВИНОВ

Атоскина тоска

Зарисовки с натуры

Атоска это не девица-красавица. Это наш домашний кот, котище.

Он уже старенький и мудрый. Ему целых шестнадцать лет. И всё это время он живёт только с нами, Хозяйкой и Хозяином.

Ни родных, ни близких из кошачьего племени у него нет. Просто так у нас повелось, что он ни разу не был на улице. Как принесли его в закрытой хозяйственной сумке и выпустили на пол, так весь мир для него стал нашей квартирой, правда, просторной, — весь огромный мир и ограничивается нашими стенами, потолком и полом.

Солнышко, деревья и птичек на них он видит только с подоконника, где греется под лучами, проникающими через стеклопакеты, да иногда лакомится травкой на своей “фазенде”, которую мы для него засеваем все годы совместной жизни.

Зовём мы своего друга по-разному.

— Атос! — если надо остановить какое-то его неблагоприятное деяние.

— Атоси-ик! — если надо вылизать чашку с остатками сметаны-кефира.

— Тоська! — если он начинает покусывать хозяйку за ноги.

— Тося, Тося! — если он вытягивается во весь рост и, встав на колени Хозяину, а чаще Хозяйке, мягко кладёт передние лапки на плечи нам и принимается целоваться.

— Тосичка, милый! — когда он становится воротником кому-то из нас, явно пытаясь исцелить нашу боль.

Недавно мне подумалось почему-то: а есть ли у нашего Атоса... мораль и нравственность, чего так нынче не хватает homo sapiens, то есть

**Владимир
Иванович
ЛИТВИНОВ**

живёт в Караганде. Журналист, прозаик, критик-эссеист. Лауреат четырёх премий журналистских конкурсов (в том числе “Алтын жулдыз-99”), премии акима Карагандинской области (2007). Автор около десяти книг, в числе которых “Приговор”, “Где-где... В Караганде!”, “Мур-мурр-мяу!..”.

В “Ниве” (№ 3 за 2002 год) был опубликован его рассказ “Приговор”. Предлагаем читательскому вниманию повесть В. Литвинова “Атоскина тоска” из книги “Мур-мурр-мяу!..”, адресованной не только детям, но и взрослым.

“человеку мысляш-шему”, как говорили герои фильма про милиционера Анискина? И стал я наблюдать да размышлять!

А невзначай, исподволь вспоминались разные эпизоды *из жизни и деятельности* замечательного нашего кота. Много чего вспомнилось, и мне захотелось всё описать, чтобы при встречах любознательному народу — мальчишкам и девчонкам — это читать.

Очень уж любит этот народ, когда ему что-нибудь читают! Когда приходят ко мне экскурсии, они так уматывают меня своими просьбами “Почитайте ещё!”, что приходится для передышки горлу включать какое-нибудь *видео* или “*слышео*”.

Как мы позвали его к себе

Есть правильный и широко распространённый девиз: “Не зарекайся!”. Даже говорят “от сумы и тюрьмы не зарекайся”.

Лет шестнадцать назад это было — и прямо-таки один к одному, как встрече с прелестным котиком, которому с ходу прилепилось имя Арамис. То есть, мы тоже были в гостях. И не просто в гостях, а на праздновании дня рождения хозяйки.

Славное такое было застолье, весёлое, обильное. Разговор о чём только ни шёл! Первым делом, конечно, о красоте и молодости хозяйки, которая к своим тридцати с небольшим сумела выпестовать двух замечательных сыновей. Об уюте и благополучии их дома, поскольку хозяин трудолюбив, благодушен и почти не пьющий. А хозяйка с хозяином, то есть Мать с Отцом, конечно, воскликнули: “Что вы всё про нас да про нас! Про наших юных мужиков тоже есть что сказать. Матери помогают без подталкивания и подпихивания. В школьных делах оба — не из последних!”.

— Что вы всё про нас да про нас! — весело подколол гостей и родителей младший сын, 12-летний Женька: — У нас же ещё одно поколение есть!

С этими словами он исчез за дверью и через пару минут объявился. Весь... в цветах. Нет, это нам с первого взгляда показалось, что он прижимает к груди не то белые астры, не то хризантемы. Это под подбородком у Женьки примостились четверо беленьких котят с серыми пятнышками на головках и спинках.

— Только и видно, как ушки торчат, только и слышно, как громко пищат! — вырвался у меня экспромт. А Женька, видимо, расценил прибаутку как некое ходатайство. И взгромоздил мне на колени всё это najmладшее поколение.

Собравшиеся дружно захлопали, завосклицали.

А четвёрка котят повела себя неоднозначно. Трое отчаянно заверещали и, царапая мне руки, начали кто моститься у меня между колен, кто пытаться сползти на пол по моим ногам. А четвёртый повёл себя совсем иначе. Состроив серьёзную мину на своём пятнистом лице, он молча принялся карабкаться по моей груди и, взобравшись на правое плечо, устроился на нём. Меня заинтриговало его упорное молчание, и я, “по-матерински” взяв за шкирку, вернул его на место. А упрямец тут же опять пополз по мне, но к левому плечу. И при этом не издал ни единого звука. Карабкался вверх и молчал, молчал и карабкался.

— Интересный сюжет выписывает этот котёнок! — прервал кто-то возникшую за столом тишину. Все даже выпивать и закусывать перестали, наблюдая за восхождением котёнка. А тот дополз до моего левого плеча и уютно расположился на нём.

— Сдаётся мне, что это дитя нашло себе новую семью, — сказал я под одобрительные восклицания. — Нашу семью. А?

Дружба с семьёй именинницы связывала нас не первый год, и они знали, что несколько лет назад мы осиротели: вынуждены были проститься с Арамисом.

— Значит, решено! — воскликнула хозяйка. — Раз котёнок решительно сам выбрал вас!

— Только пусть он поживёт у вас ещё, — попросила моя жена, — мы ремонт в квартире закончим, и он переступит порог почти новой квартиры.

За столом дружно зааплодировали. А чего же не порадоваться, если случилось доброе дело?

Как родилось имя Атос

При встречах с Наташей мы всякий раз спрашивали, как там “наш” котёнок.

— Растёт! У мамки своей жизни учится, — с доброй своей улыбкой, кажется, никогда не покидающей её лицо, отвечала Наташа. — Трое его братьев-сестричек давно поразъехались, а *Владимир* хозяином расхаживает по нашей квартире.

— Какой Владимир? — удивились мы.

— А это Женька с тех самых именин, когда котёнок выбрал вас, назвал его так. И он, представьте, уже откликается на это имя.

— Нет-нет! — закричал я. — Зачем нам два Владимира в доме? Будьте добры, ребята, привезите нам его поскорее, мы его сами окрестим.

Через пару дней новый член семьи переступил порог нашей квартиры. Правда, Наташиными ногами. Сам он был уютно упакован в хозяйственную сумку. И опять уверенно заявил о своём характере: когда “молнию” на сумке расстегнули, котёнок молча выбрался и так же молча отправился изучать квартиру.

Дело было в воскресенье, у нас обоих была возможность, проводив подругу, заняться маленьким другом.

— Ну и как мы усатого-хвостатого назовём? — спросила жена, прижимая пушистое существо к груди.

— Имя Арамиса нам подсказала его борода, — промолвил я в раздумье. — А характер этого “мушкетёра” определённо подсказывает, что он должен зваться Атосом. Какой солидный, основательный нрав! Какое благородное, красивое лицо! Вылитый Атос!

“У вашего Атоса хвост не его!”

И стали мы жить-поживать втроём.

В отличие от предыдущего третьего члена семьи, Атос избрал хозяином в доме не мужчину, а женщину, мою супругу. Может, потому, что первое время только она давала ему еду, а может, потому, что она первая взяла его к себе на грудь, и её тепло первым передалось ему. Я вообще-то всегда

удерживаю членов семьи от привычки излишне часто брать животных “на лучки”. И со своих коленей нередко отправляю жаждущего ласки по какому-нибудь интересному маршруту.

Он изумительно красив, наш новый юный друг. Шёрстка на большей части туловища ослепительно белая, а серые пятна разбросаны по нему как-то уж очень удачно и гармонично. Всем обликом красив был этот чертёнок! Но хвост его оказался поистине шедевром — густо-серый, почти дымчатый, и невероятно пушистый. Когда Атос бежал куда-нибудь на запах или на зов, он поднимал хвост не трубой, как принято говорить о кошках, а неким веером. Красотищей-веером! Если не как у павлина, то почти как у весёлого африканского зверька по имени...

Хвост Атоса был предметом неподдельного интереса всех наших гостей. Только и слышим, бывало, их похвалы и восторги. Но одна похвала оказалась особенно колоритной.

— У вашего Атоса хвост... не его! — уверенно сказал Абрам Мандельштам, дирижёр нашего театра музыкальной комедии, когда перед отъездом в Израиль пришел к нам попрощаться.

Несколько лет назад Абрам Иосифович умер в Израиле. Об этом нам сообщил хирург С. В. Лохвицкий. На несколько дней в нашем доме тогда поселилась печаль.

Как взаимосвязано всё в мире! Вот пройдет мимо моего кресла Атос, поиграет своим необычным хвостом, и в моё сердце кольнёт воспоминание об Абраме Иосифовиче Мандельштаме, замечательном скрипаче и хорошем человеке.

Кошачья педагогика

Кое-что наш котик и сам умел. Наверное, от матери-кошки научился. В туалет, например, он, с “младых когтей” безо всякого обучения ходил сам, если, конечно, дверь туда была открыта. Не пришлось нам тыкать носом в лужицы и кучки на полу. Аккуратно “отливал” на газетку, а вот “по-большому” в день вселения, к нашему изумлению! — умудрился воспользоваться унитазом. Ох, толкова, ох, умна была его мамка! Спасибо ей, если жива ещё...

Сколько помню, совместное проживание человека с братьями меньшими начинается всегда с трёх проблем: как приучить питомца, чтобы ходил куда надо; как предотвратить беду, если котёнку или щенку захочется поточить зубы об электрический провод, что однажды может повлечь за собой далеко не героическую смерть; и, наконец, как отучить его залезать куда не следует.

Обычно эти проблемы решаются с трудом. Ласковые уговоры и запреты строгим голосом не всегда помогают, а потому и приходится мягко, но решительно “стимулировать” питомца. Например, окрикнуть и замахнуться ремешком или тапочкой, а то свёрнутой газеткой. И чаще всего это помогает.

Много лет я раздумываю: почему эта педагогика не понадобилась нам с Атосом? Когда обнаружился перекушенный провод компьютерного микрофона и Атос рядом с ним, я не закричал, не замахал руками, а просто сказал:

— Провода, Атос, трогать нельзя. Нельзя! Понял?

Знаете, он понял. Спокойно отошёл от скрутки компьютерных проводов и никогда больше зубами к ним не прикасался. И лапами не наступал. Элегантно так переступит через них, и — никаких *электропроблем!*

По мере подрастания нашим питомцем всё больше овладевала заветная мечта птицы и человека — рваться ввысь. Запрыгнуть на стол, на холодильник, потом на раскрытую дверь — это для него были семечки. Но запрыгивать — одно дело, а другое — карабкаться на высоту. Вскоре я увидел эту пробу Атоса-верхолаза, повисшего на шторе. И опять почему-то не закричал, не замахал руками. Честное слово, и сейчас не знаю, почему я не всполошился. Ведь знал неистребимую кошачью привычку лазить по шторам!

— Атос! — строго окликнул я. — Нельзя. Понял? Нельзя!

Котёнок приостановил своё восшествие на высоту, повернул голову, будто спрашивая: “Нельзя?” — и прыгнул на пол, сказав при этом: “И — пожалуйста!”.

Я привык жить по режиму: подъём-отбой, завтрак-ужин, даже “анти-пить” — всё у меня с детства по часам. И Атос приучен к этому. Мясной завтрак и ужин — ровно в 7.00 и 19.00, а “полдники” с китикетом — по его усмотрению.

Но не только мы воспитывали Атоса. Он тоже воспитывал нас. И продолжает воспитывать.

Сначала он воспитал меня: стоило мне лишь замахнуться на него газеткой, как он издал свой клич и чуть не вцепился мне в руку. Естественно, впредь допускать посягательство на воспитывающие мои права было нельзя, и я всё-таки достал его. Он, поджав уши, отпрыгнул. Но через минутку-другую, когда я потерял бдительность, он тяпнул меня за руку. Отомстил, чертёнок! То же вскоре случилось и с супругой, когда она наказала его тряпкой.

Мы поняли: надо уважать характер нашего Атоса. Но о том, чтобы *проучить*, у нас и разговора больше не было.

Почему Атос не липнет к детям

И ещё одну черту характера вскоре показал наш кот. Агрессией на агрессию он отвечает только взрослым. Детям — ни-ни!

В молодые Атосовы годы появились у нас в гостях внуки мои — восьмилетняя Катя и двухлетний Саша. Катя с Атосом уже была знакома, и он вполне интеллигентно общался с нею. А Сашка, завидев кота, взвизгнул от восторга и... вцепился обеими руками в его тело. Атос отчаянно вскрикнул, а мы похолодели от ужаса: вдруг как пустит в ход свои когти или зубки? Покалечит внучонка! Но малыш, видать, и сам испугался крика котёнка, разжал пальцы. Атоса только и видели!

Сашка, парень, по-видимому, с характером, тут же сообразил, что его добыча ускользнула, замахал всеми своими конечностями и закричал: “Киса! Где-е киса-а?”. Но мы, взрослые, понимая, чем могут кончиться их “ласки”, принялись его отвлекать: “Киса ушла в гости. А Саша сейчас поест мороженого...”.

Не тут-то было! Мальчонка, отчаянно сопя, сполз с дивана и отправился на поиски кота. Посетил все помещения — от нашей спальни до ванной, встав на карачки, заглянул под кровати и под кресло. Но Атос,

тоже скотинка с характером, да притом умнющий, спрятался так, что и мы с супругой не могли найти его перед уходом гостей. Он сам, только хлопнула за ними дверь, объявился невесть откуда — потянулся всем телом, сладко зевнул и отправился на кухню, где всегда открыта чашка с кити-кетом.

Ко мне часто приходят экскурсии школьников — посмотреть написанные мною книжки, послушать отрывки из них в моём исполнении, помучить меня каверзными вопросами. И всякий раз слышу: “Вы любите животных? У вас есть котик? Где он?”.

Я гордо отвечаю, что с нами живёт замечательный Атос. Где он сейчас, как правило, сообщить не успеваю.

— А вот он! — восхищённо вскрикивают ребята.

Услышав своё имя, а может, разные людские звуки, Атос решает, что он должен узнать: “кто здесь? откуда? почему?” — и величаво шествует через зал, мимо ребячьих ног. К нему тянется множество рук, раздаются ласковые слова, но кот достаивает своим вниманием разве что одного-двух из ребят: остановится напротив, понюхает протянутые пальцы, а то и потрётся о ноги. Но стоит кому-то попытаться взять его на руки, Атос выкальзывает и ускоренным шагом возвращается на излюбленное место дообеденного сна — кровать Хозяйки.

А мне приходится оправдываться перед ребятами тем, что котика нашего когда-то сильно напугал мой внучонок. Замечательно, что ребята сами находят оправдание Атосу:

— Конечно, он не хочет причинить боль детям!

— Да! Малышня не умеет осторожно общаться с животными...

Это не Лео там лает?

Горько и обидно, конечно, но Атос, как только “прописался” в квартире, оказался обречённым на *заточение* и *отлучение* от себе подобных. Тот день, когда увозили от мамы-кошки и братцев-котят, был последним днём его общения с представителями своего биологического вида. Ни кошек, ни котят ему не доведётся увидеть во все прожитые им, слава Богу, пока шестнадцать лет.

И это была не наша прихоть, а жизненная необходимость. Во дворе у нас то и дело “прогуливают хозяев”: и сенбернар, совершенно неравнодушный к кошкам, да и людей вводящий в некоторое оцепенение своей огромностью и гулким голосом; и стремительный остроносый доберман-пинчер, так и норовящий кинуться на кого-нибудь; и маленький, но жутко злобный тойтерьер. Уж не знаю, кто из них оказался живодёром, но буквально на той неделе, когда Атос стал членом нашей семьи, в коридоре раздался жуткий женский визг: это соседка споткнулась о разорванную, всю в крови кошку на площадке.

Да и двор у нас по-современному не чист, не машут у нас мётлами дворники. Так что пустишь котёнка погулять, а потом его стирать с мылом придётся...

Слава Богу, наш Атосик не озадачил нас ни включенной грязной шерстью, ни какими-нибудь блохами, ни ранениями-укусами.

Кошки к нам за полтора десятка лет ни разу не приходили, и никто их ни разу не приносил. Так что Атос, если и вспоминал о сородичах, то,

возможно, во сне. Иногда он во сне с кем-то разговаривает. А вот собачка, размерами лишь вдвое-трое больше кошки, гостевала у нас не однажды. Это один друг наш, известный художник, даже на официальные приёмы, кажется, ходил со своим пекинесом по имени Лео.

Первая встреча Атоса с собачкой, не сказать бы, что была дружеской. Атос встретил пёсика, как и положено хозяину дома, сердито и воинственно. Выстрелил в потолок своим пышным хвостом, луком Робин Гуда изогнул спину и, ощерив клыки на все свои возможности, сердито зашипел. Лео вместо того чтобы войти по-гостевому, мягко и тихо, припал на передние лапы и грозно зафырчал. Атос на это угрожающе зарулил хвостом. Пёсик в ответ хрипло тявкнул. Так что Хозяева животных тут же разобрали своих питомцев по рукам и принялись ласково объяснять, что надо быть вежливым.

Через час-другой кот и щенок осторожно приблизились друг к другу, обнюхались и радостно покопотили за хозяйкой на кухню — полакомиться из одной тарелки кусочками говяжьего лёгкого.

Последние два-три года две наши семьи как-то отделились: и годы уж немолодые, нет той тяги к общению, да и заняты все. Чем дальше живём, затянутые в рыночную экономику, тем меньше времени на общения-развлечения.

Наверное по-иному считает наш Атос. За окном, бывает, послышится лай, негромкий такой лай, но звонкий — это, видать, соседка вывела погулять своего терьерчика. Атос наостряет ушки и вспрыгивает на кухонный подоконник посмотреть во двор — не Лео ли это лает, что-то давно его не было в гостях...

Как Атос оценивает людей

Что происходит с кошкой, когда к ней приближаются разные-разнообразные люди?

Вот один протягивает руку к головке кошки, пробует погладить её. Кошка напрягается, пытается встать и выскользнуть из-под руки, потому что ей что-то не нравится в самом человеке, в дуновении *чего-то* от этого человека.

Подходит другой. Вроде совсем так же протягивает руку приласкать. Дремавшее животное вдруг меняется. Глаза блаженно прикрываются, тельце вытягивается в истоме.

И два живых существа взаимно ласкаются: кошка заигравшей шёрсткой встречно ласкает мягкую ладонь человека, а человек мягкой рукой приносит удовольствие кошке.

Что произошло? Какой разряд-сигнал проскочил между рукой человека и спиной кошки?

Или это не сигнал, а волны взаимной доброты прошли между большим сердцем и небольшим сердечком? Нет-нет да и возвращаюсь я к этому своему наблюдению.

Меня поразило однажды то доверие, с которым в первые же секунды встречи проявил наш котик к двум совершенно разным людям.

Пришла как-то к нам известная журналистка: я позвал её, чтобы агитировать для вступления в должность редактора одной газеты. Не успела она присесть на кресло, как на колени ей тут же взобрался Атос. И

“ни слова не говоря”, свернулся калачиком, задремал. Гостя даже его погладить не успела и ласковых слов ему не сказала, а он весь утонул в её теплоте и нежности.

Второе столь же обаятельное воссоединение человека и котёнка случилось — это ни понять, ни объяснить! — совершенно в не похожей ситуации. Мы тогда только-только приобрели компьютер, и я постоянно нуждался то в консультациях, то в технической помощи специалиста. И всякий раз фирма присылала одного и того же человека. От него за версту разило перегаром, он не очень чисто выговаривал слова. Правда, и не пробовал поправить впечатление от себя: зайдёт, блаженно улыбнётся вместо приветствия, быстро проходит к компьютеру, включает его, и...

Тут же на колени к нему взбирается наш Атос. И сразу, без словесных прелюдий засыпает на коленях у мастера. А тот замедляет темп работы, чтобы не потревожить спящего. Две противоположности: обаятельная женщина и — отталкивающий мужчина. А кот — да какой кот? лишь годовалый котёнок — воспринимает обоих с одинаковым доверием и нежностью.

Мне подумалось: может, нам, людям, поучиться у меньших наших братьев видеть в себе подобных то хорошее, что есть в каждом, будь он на первый взгляд само обаяние или само отвращение?

Если сказать по-простому: давайте смотреть друг на друга и вовнутрь друг друга так же зорко, как это умеют делать кошки.

Сколько слов знает Атос?

Надо вот что не забыть сказать. У нас в отношениях с котом ни разу не применялись кошачьи позывные: кис-кис! брысь! Мы как-то сразу очеловечили разговор наш: “Атос, ко мне!”, “Нельзя!”, “Кыш!”. — И он всё понимает.

Или вот ещё пример:

— Ну идём, идём! — говорит жена, когда Атос “достаёт” её до изнеможения: она печатает текст под мою диктовку, а он лапой, лапой... стучает и стучает её по руке. Можно бы и не обратить внимания на эту назойливость, допечатать текст хотя бы до абзаца, но удары “открытой перчаткой”, простите — растопыренными коготками, довольно ощутительны, если не сказать, болезненны, так что женщина не выдерживает и вскакивает у компьютера:

— Ну идём, идём! — и Атос срывается вслед за нею. Увлечённые работой над текстом, мы не заметили, что кошачьи “склянки” (так моряки называют бой часов!) пробили 19.00, и пришла пора основательного мясного ужина... с кефиром на десерт.

(Помню, как меня в Барнауле печалил режим друга Виктора, которого Муська “приучила” кормить её в... 5 часов утра!).

Когда мне самому приходится кормить кота завтраком (практически тем же меню, что и в ужин), и он, напивавшись основательно и с аппетитом, начинает приводить в порядок своё лицо, я призываю его к заведённому у нас порядку:

— Атос, — говорю спокойно, — туалет не забудь.

Он дрогнет ушками, понял, значит, но продолжает умываться.

— Атос! — говорю уже строго. — В туалет!

Он встанет на ноги, недовольно порулит хвостом и лишь тогда отправляется из кухни. “В туалет, в туалет!” — говорю ему вслед. Вскоре слышу царапанье по стене: значит, дело сделано.

И знаю, что он сегодня сходил не на газетку у дверей туалета, а точнёхонько в унитаз! Это у него такая форма благодарности за вкусный и своевременный завтрак...

На самом деле нам неведомо, сколько слов знает Атос. Может, и ни одного. Скорее всего, слова наши он и не знает, только понимает, чего от него хотят.

Переживать, по-моему, и не надо. Оглянемся вокруг и вслушаемся: многие люди и слов мало знают, и смысл тех, что знают, постигают с трудом. Да и знать не хотят, чего от них ждут...

“Атос, кефир!”, или Суп на двоих

Атос по звяканью ложки о фарфор определяет, что я, сидя в кресле, перекусываю творожком со сметаной или кефиром. А эти молочно-кислые продукты он любит до безумия. И как только звякнет ложка, он тут как тут! Арамис, герой одного из рассказов в предыдущей главе, стоило только стукнуть по скорлупе куриного яйца, летел с криком: “Мнеу-у!”. Атос не упускает возможности полакомиться молочными продуктами. Если он вдруг не прибежал, я на всю квартиру подаю клич: “Атос, кефир!” — и он вот он!

Честно признаться, мы его частенько балуем. Например, супы — грибной, фасолевый и борщ — он любит доедать... после меня. Из моей тарелки. Если Атос где-нибудь рядом отирается, жена подставляет ему мой “презент”. Но бывает, что он уже в постели. Тогда ему, как графу, суп подается... в постель. Это надо видеть, с каким смаком вылизывает он мою чашку. Её можно и не мыть!

Такая вольность с животными вообще-то опасна: они, приближённые к земле, могут какую-нибудь свою болезнь прихватить, а потом передать её хозяевам. Они неведь откуда “ловят” в свои шубы блох, клещей и прочую нечисть. Они тоже могут доставлять неудобства человеку.

Но ведь собака или кошка, долго живущие в семье и, чаще всего, воспитанные в ней “с младых когтей”, — они как дети! И мы не можем не ласкать их, сторониться их.

Потому мы — и Люди! Мы в ответе за них, приручённых!

Как Атоса сильно обидели

Несколько лет назад я решил сделать Атоса героем своей прикольной повести “Истории про Лёничка”. Там он живёт в семье второклассника Лёничка Кудряшова. Его класс на весенние каникулы получает задание учительницы написать сочинение. И тут происходит печальный эпизод...

“Откуда ни возьмись, появился Атос. Наверное, из кухни, где теперь греется на мартовском солнышке, залившем подоконник. “Ни слова не говоря”, он прыгнул на колени к Артёмке и собрался задремать.

— Уйди, Атос, — фыркнул Артёмка, — не до тебя тут! — и он резко ткнул кота, чтобы сбросить на пол. Атос яростно мяукнул, и в ту же секунду заорал Артёмка. А дальше произошло то, что произошло.

... После каникул, на втором или третьем уроке литературного чтения, Наталья Владимировна сказала:

— Вы — молодцы, ребята! Хорошо отдохнули и почти все замечательно написали сочинения. Я всем поставила хорошие оценки... ну, за редким исключением... — она словно извинялась за эти исключения. — А вот Кудряшов выйдет к доске и прочитает классу своё сочинение. Пожалуйста, Лёня, класс слушает тебя.

Заробевший, смущённый Лёничик пошёл к доске.

— Ты тетрадь не взял, — сказала Наталья Владимировна.

— А я так... расскажу.

Учительница удивилась, по классу прокатился шумок. Ребята перешёптывались, хотя Лёня уже стоял у доски. Не дождавшись тишины, он звонко начал:

“Я бессердечный и жестокий человек...”.

— Чё ты речи толкаешь? Сочинение читай! — раздался крик.

— Тише, ребята! — постучала по столу учительница. — Именно так у Кудряшова и начинается сочинение. Он назвал его “Как мы помирились с другом”.

“Я бессердечный и жестокий человек! — повторил Лёничик. — Я сильно обидел ни в чём не повинное существо. И оно справедливо наказало меня разрывом нашей дружбы...”.

Класс замер во внимании. У некоторых раскрылись рты, а девочки так и вытянулись в сторону автора сочинения. А Лёничик продолжал рассказывать... Он то наизусть говорил некоторые фразы, то в пересказе.

“Когда Артёмка вскрикнул, и кровь показалась... я напугался и... стукнул Атоса по голове...”

— Чем стукнул-то? Тяжёлым? — воскликнула мама.

— Линейкой. Она в руках у меня была...

— И что?

— Атос очень сильно вскрикнул. И — под диван... А Артёмка заплакал и убежал домой. “Не приду к вам больше!” — сказал.

— Твой Артёмка что, первый раз у нас был? — сердито спросила мама. — Не знает, как Атос не любит, если его грубо толкают, спихивают? Не любит — и защищается!

— Нет, он знает всё... Но мы же думали! Сочинение нам писать надо... на конкурс. Вот он и толкнул Атоса. А он не стерпел...”.

... Лёничик внезапно остановил свой рассказ. А товарищи его за партами как онемели. Все до единого, казалось, не дышали, во все глаза смотрели на рассказчика.

— Ну! Дальше-то что? — раздался единый вздох.

“Утром и днём Атос был ко мне, как и ночью, совсем равнодушным, только не шипел и не рулил хвостом, когда я проходил мимо”, — продолжил “чтение сочинения” Лёничик.

“Я хочу сказать всем ребятам... — Лёничик такими словами заканчивал “чтение сочинения”: — приходите ко мне в гости и по делу, когда хотите! Но кто вздумает обижать Атоса, пусть знает: друга я в обиду не дам! А если это кому не понятно, тому у нас делать нечего!”.

Второклассники захлопали в ладошки, думая, что он закончил.

— А ещё я стихи написал про Атоса... — сказал Лёничик.

— Стихи? Это замечательно! Почитаешь нам? — попросила учительница.

— Конечно. Вот:

*Наш Атос, он самый-самый!
Любит греться на окне.
Спит он ночью только с мамой...
А вот снится больше — мне!*

И безо всякой команды, без зова, второклашки (Лёнчик видел: весь класс!) — зааплодировали. Учительница развела руками, что-то хотела сказать, но вместо этого тоже захлопала в ладоши. Потом развернула упаковку и вручила Лёне Кудряшову два томика — “Сказки” Пушкина и “Маленького принца” Сент-Экзюпери. И сказала:

— Пусть, Лёня, эти книги станут началом твоей личной библиотеки. Кстати, ребята, вы знаете, что именно французский писатель Сент-Экзюпери говорил: “Мы в ответе за тех, кого приручили”? Как и у Лёни вышло. Молодец!

Лёня радостно покраснел, а ребята ещё пуще захлопали”.

Просто живёт такой кот

Вот и книжка уже кончается.

Как говорят литераторы, подходит к финалу!

А я вдруг ловлю себя на мысли, что мною не соблюден закон построения всякого художественного произведения.

Рассказ ли, повесть или роман должны содержать в себе три обязательные вещи, то есть три составных части: завязку, кульминацию и развязку. Только тогда произведение будет выстроено по сюжету. Кстати, *сюжет* — это и есть построение произведения.

А *завязка* — это что-то интересное, увлекательное, с чего *завязывается* рассказ. *Кульминация* — это наивысшая точка увлекательности в повествовании. А *развязка*, просто говоря, — это конец. Радостный или печальный.

Прости, дорогой читатель, но в моей прикольной повести “Атоскина тоска”, которую ты, наверное, с увлечением читаешь, если дошёл до этих строк, нет ни завязки, ни кульминации, ни развязки.

И почему, собственно, Атос стал героем этой книжки?

Подвигон он, кажется, никаких не совершал. Даже мышки ни одной не поймал. И вообще за ним числится всего один экстремальный сигнал. Когда у нас на кухне сорвало кран и захлестала горячая вода, кот истошно заорал и бросился ко мне в смысле: “Караул! Принимай меры!”.

Потомства у него — никакого. Почему тогда он стал героем?

Просто живёт такой кот.

И всё тут!

Хрумкает “kite-kat” или уминает кусочки говяжьих лёгких. Лакает водичку из банки на подоконнике. Но, бывает, с удовольствием ловит струйку из крана. Очень нравится ему ловить эту струйку. Много спит, особенно до обеда.

А после обеда — он всегда настороже.

У вас дома, наверное, так же. Живёт кошка или собака, приключений с ними, слава Богу, никаких нет. Живёт меньший брат, — и всем от этого просто хорошо и интересно.

Ау, Атос, где ты?

Ну вот! “Накаркал” беду!

Только заявил, что нет у нас в жизни с Атосом завязок-кульминаций-развязок, а он и выкинул фортель: исчез куда-то!

С утра ко мне опять приходила экскурсия, да какая солидная — больше двадцати носиков-курносов из 4-а класса первой гимназии. С шумом и гамом они ввалились в квартиру. Препираясь и толкаясь, снимали одежду-обувь. А препирались потому, что каждый старался определить свою шубейку или пальтецо поудобнее, чтобы, когда закончится встреча, побыстрее смыться из квартиры и поиграть в снежки во дворе.

Кое-как расселись — на диване, на креслах, стульях, а то и прямо на коврике перед моим креслом. Как те зайцы вокруг деда Мазая, что замечательно описаны в стихотворении Некрасова!

Ребята постарше на встречах сначала больше молчат, приглядываются к писателю, ждут, чем он там удивить их собрался. А “четвертаки” и “пятаки” только и знают, что резвятся. Не успеет писатель фразу прочитать, уже тянутся руки с вопросами!

Перед каждой встречей я размышляю, что прочитать именно этому классу, этому возрасту. Сегодня, на моё понятие, к месту будет та глава из “Историй про Лёньчика”, где мальчишки, увлечённые написанием сочинений, ненароком обидели Атоса (частица главы только что вами прочитана в этой книжке).

Хоть глава и написана в возвышенном тоне, немного даже с юмором, “зайцы” прослушали её, затаив дыхание. Бурно поаплодировали и тут же принялись терзать меня вопросами:

— Лёньчика вы, конечно, придумали? А кота Атоса?

— Котёнок там красиво описан. Это с натуры?

И тут, играя мускулами спины и мягко, как в вальсе, переставляя лапы, в наш читальный зал вступил Атос. Ребяшня повскакала, защебетала, к коту потянулись тонкие нежные ручки, и, к моему изумлению, обычно осторожный с детьми Атос позволил детям *пасовать* себя от одного к другому, словно он мяч или эстафетная палочка. При этом Атос не издавал никаких звуков, не оказывал никому из берущих его в руки никакого сопротивления.

Хорошо что по моему плану дальше намечались ответы на вопросы, а не чтение очередного рассказа. Общение с котом отвлекло бы внимание ребят от меня. А так они бойко спрашивали о моих книгах, о героях, а я в ритме ток-шоу отвечал.

Встреча продлилась два часа. Четвероклашки задали мне, как я потом подсчитал по магнитофонной записи, больше сорока вопросов! Я даже устал отвечать.

А потом последовала развязка встречи — вручение книг с автографом автора. Тут всегда царит полнейшая кутерьма! Кто-то что-то спрашивает, кто-то подсовывает книжку для автографа, другие переговариваются-переключиваются. А кто-то тискает Атоса, и он уже вырывается...

В такой обстановке надо зорко следить за Атосом. Не потому что кому-нибудь из полюбивших его взбредёт в голову спрятать ласкового котёнка себе за пазуху. А потому, что под шумок он может проскользнуть на лестницу, потом и на улицу. Там ведь на весну потянуло!

Но встреча сильно утомила меня. Проводив ребят, я так и рухнул на кресло. Вдруг в сердце кольнуло неясной тревогой. Где Атос? Пришлось выползти из кресла и заняться поисками.

— Атос! Ты где? — охрипшим голосом звал я и почти шёпотом: — Ато-сик, ну откликнись!

В ответ ни звука. Заглянул в спальню, где он должен был завалиться спать, — нет его. Осмотрел кухню, туалет. Тоже нет. Принялся задира́ть занавески на окнах — две в спальне, четыре в зале. И здесь нет этого чёртова кота!

Сердце заби́лось тревожно. Так и знал — выскользнет на лестницу вместе с гурьбой ребят!

Я выглянул на лестницу, покричал его. Тишина.

Сердце упало, настроение скусилось. Надо, думаю, позвонить жене, пока не поздно. Может, он где-нибудь на нижних ступеньках лестницы сидит?

На звонок по “сотке” она ответила: “Иду на обед. Уже возле дома...”. И отключилась. Ладно, думаю, увидит его, если он там.

Дверь я открыл ей сам, в печальном одиночестве.

— А где Атоська? — спросила жена, поскольку в обед мы чаще всего встречаем её вдвоём.

— Не знаю, — ответил упавшим голосом.

— Как “не знаю”? — возмутилась она. И в нескольких словах рассказал о встрече и прощании с детьми.

Жена устроила ещё более тщательный осмотр закутков квартиры, чем я. Заглянула под кровати, кресла, раскрыла дверцы всех шкафов. Тщетно!

Обедали мы молча, глотали еду впережежку со слезами.

— Ладно, — вскочила жена из-за стола, — пора мне бежать. И посмотрю... там вокруг дома. Может, он забился куда от страха.

Тяжко вздохнув, я закрыл за ней дверь и ещё раз осмотрелся в квартире. Увы!

Что это за чудо — лазер?

Что остаётся делать человеку, если случилось рядом что-то нехорошее или печальное? Правильно! Сесть и задуматься.

Я думал, что поступил сегодня как настоящий растяпа: увлёкся вниманием детей к моим рассказам, расслабился от их интереса ко мне и... проворонил Атоса. Этого неблагодарного кота! А он тоже хорош: его здесь любят, его кормят, ласкают и холят, а он, как тот волк, всё “в лес смотрит”! Удрал, бессовестный! “Ладно, — одёрнул я себя, — может, и не удрал. И вспомнит дорогу домой... Память у него ой-ёй-ёй! И такой умный, любознательный”.

И вспомнилось мне, как Атос отвлекал от целительных процедур надо мной мануального доктора Виктора Павловича.

Руками проделав массаж моим ногам, врач принялся за редкие ещё у нас процедуры. Там вкрутил иголки, там пожёг мои конечности огнём. А вот взял в руки какую-то авторучку с красным огоньком на конце.

До этого момента сидевший неподалёку Атос был спокоен, только “ходил” глазами за действиями Виктора Павловича. И вдруг стремительно прыгнул к его руке, так что доктор еле успел отдернуть её. И засмеялся:

— Что, лазером интересуешься? Ну, смотри! — и он принялся “бегать” лучом лазера, то есть красным пятнышком от луча на ковре, а кот начал носиться за ним.

Ничего подобного я не ожидал от Атоса! И никогда такого не было. Он совершал вслед за красным пятнышком, бегающим по залу и просторной нашей прихожей, такие умопомрачительные прыжки, носился за ним с такой молниеносной скоростью, что и пациент и целитель забыли о процедурах. Под наши с Виктором Павловичем восторги кот показал, по-моему, куда более высокие результаты, чем бегуны и прыгуны на Олимпийских играх!

Но уникальным был не случай знакомства Атоса с лазерным лучом. А то, что произошло, когда мой доктор пришёл к нам... спустя целых два года. Не мог он навестить меня раньше.

Стоило Виктору Павловичу вновь склониться над моими ногами, как что-то отвлекло его.

— А-а, — воскликнул он, — любознательный друг?

Атос, доброжелательно потёршись о ноги гостя, отошёл в сторонку и стал поедать глазами доктора. Виктор Павлович понимающе улыбнулся мне:

— Смотрите, не забыл нашу игру два года назад! — и тут же к Атосу: — Что, понравилось играть с лазером? Тогда подожди...

Он вкрутил мне, куда надо, иголки и достал свою “авторучку”. Надо было видеть в эти мгновения Атоса: он, мне показалось, напряжинил все свои мускулы и занял стартовую стойку бегунов-спринтеров. И повторилась наша домашняя Олимпиада!

— Да, умница, а не кот! — сказал Виктор Павлович, уходя.

В конце дня позвонила по “сотке” жена:

— Ну? Что у тебя?

— Да нет его, — вздохнул я.

— И я вокруг дома обежала, звала-звала... Нету.

— Приходи скорей, — только и мог я вымолвить. Ведь была надежда, что нашла она его на улице, с собой в школу взяла...

— Иду...

Около шести вечера зашуршал её ключ в дверном замке. И тут же раздался отчаянный крик: “Ммяу-уа!”. Я так и подпрыгнул в кресле! Думал, что где-то что-то придавило нашего Атоса, и он не может выбраться... А он уже стоял навывтяжку, упёршись передними лапами в полы шубы жены.

— А-а-то-си-ик! — только и смогла вымолвить она, бессильно отвалившись спиной к стене.

Потом я в кресле принимал валидол, они, как обычно, на диване — в обнимку.

— И где же... это чудо... пряталось? — не то меня, не то самого Атоса спросила она прерывисто.

— Я его увидел одновременно с тобой. И понятия не имею, где он устроил себе хитрый домик...

Откуда он знает, где у нас болит?

Узнаёт он о чьей-то боли в доме каким-то непостижимым образом. Помню: сижу как-то на стуле перед телевизором, а правой рукой, нервно морщась, растираю голову — от виска к подбородку.

Откуда ни возьмись, Атос у моих ног. Посмотрел на меня внимательно и — белкой-летягой сиганул мне на правое плечо. Я было хотел стряхнуть его, но от щекочущей шёрстки, от мягкого тёплого тельца такой поток неведомых лучей устремился мне в голову, так испуганно запрыгала где-то под моим черепом терзавшая меня боль, что я замер.

“Целитель” поколдовал на моём плече минут 5-7 и тихо спрыгнул. Даже не взглянув на меня и не спросив, каков результат его процедуры, отправился восвояси, в спальню. А боль моя... — верите? — “ускакала” вслед за ним.

Но я-то ладно, главным объектом его лечения является она. Сразу, как придёт она с работы, Атос взбирается ей на плечи и ложится на них пушистым воротником.

— “Дама в песцах!” — подшучиваю над ними.

А кот не отпускает от себя Хозяйку, пока она не отдохнёт от работы часика полтора. Уматывает её всё-таки работа: перетаскивание десятков килограммов книг в библиотеке, колготня от утра до вечера школьников-читателей, а ещё больше... составление разных отчётов, и кому они нужны?

Вот и снимает Атос со своей хозяйки нервную нагрузку, а то и просто тяжесть в мозговых извилинах. Как своей пушистой “шалью” однажды утром. Просыпаюсь раненько и вижу: жена моя лежит навзничь, голова утонула в подушке. А за головой — пояс из Атоскиного тела. Животом опоясал её темя и прогревает...

Интересно: откуда он знает, где у нас болит?

Как Атоска тоскует

В народе говорят: “Кошка гуляет сама по себе”, имея в виду природную её независимость. Может, она и действительно гуляет сама по себе. Но *жить самой по себе* кошке очень плохо.

Наблюдая за Атосом полтора десятка лет, я заметил, что с годами он всё хуже переносит одиночество. И отчаянно тоскует по Хозяйке, которая каждое утро уходит на работу.

Часов до четырёх он спит на её кровати. Вдруг выбежал из спальни, закричал жалобно. Походил по залу мимо меня, поискал... Наконец вспрыгнул в кресло, уgomонился. Но нет! Теперь он, как часовой на часах — сплошное ожидание. Лежит на кресле, растянувшись всем телом, даже хвост не влез в кресло, свисает, вроде спит. Вдруг резко поднял голову, наострил уши.

Я улыбаюсь: значит, Хозяйка где-то близко. А он “подежурил” мгновение и опять отвалился. Теперь уже я ловлю звуки за дверью, но там пока никаких шумов. А он опять вскинулся, уши “топориком” и — хвост трубой! Восторженный крик уже у двери! Значит, Хозяйка шелестит ключом в замке.

Тут слышу такой крик, что мурашки по спине! Это он недоволен, что она чересчур медленно открывает дверь. Не давая ей раздеться, Атос со странным звуком из одних согласных — что-то вроде “хрр-грр!” — делает стойку на задних лапах с опорой передними на полы её пальто.

— Да подожди, Атосик, — говорит она ласково, — дай одежду снять. — Но он, стоя на задних лапах, волочётся за полый снимаемого пальто. Вместо “хрр-грр” теперь звучит жалобное “мм-а-а”.

Дальше картинка ещё умильней. Если Хозяйка, раздевшись, не берёт его на руки, он “приклеится” к её ногам и примется выписывать восьмёрки вокруг них, так что шагу сделать нельзя. А стоит ей протянуть руки с намерением взять его или отцепить от полы, он мячиком подскакивает вверх, вцепляется когтями ей в плечи и... неистово лижет-лизет её щёки, губы, нос.

Она вскрикивает от наждачных ласк его язычка, но освободиться не может. С его весом в придачу к разным сумкам и пакетам волочит на кухню, бросает на стол свои сумки с провизией для семьи.

Уставшая от работы и заласканная дорогим существом, она, наконец, добирается до дивана и, откинувшись на его спинку, несколько минут терпит ласки, не сопротивляясь.

... Смотрю я на его тоску и учусь у него мужеству ожидания.

Да что я вам об этих мелочах рассказываю!

У вас дома найдётся тысяча своих историй про Графа или Ластика, Мурку или Мотьку.

Их же нельзя не любить! О них невозможно не рассказывать.

Теперь ваша очередь — пишите! Я с удовольствием читаю.

Но, друзья, поднимем Образ Кошки выше домашнего уровня! Ведь во все времена и у всех народов Коты и Кошки бывали среди главных героев устного и письменного творчества.

Англичанин Р. Киплинг и немец Э.-Т. Гофман создали целые полотна о них.

А русская литература? “Кот Васька — плут, кот Васька — вор!” — уличил это доброе животное дедушка Крылов. “Нет! — заступился юный Пушкин: “Кот — учёный! Идёт налево — песнь заводит, направо — сказку говорит!”.

Портреты Котов мелькали в творчестве великих поэтов и XX века Ивана Бунина, Сергея Есенина, Анны Ахматовой.

А поэт-пародист, он же народный артист России, Валентин Гафт “окунул” Кота в современные технологии:

*Кот мой свернулся калачиком,
Глазки блеснули во тьме.
Это работают датчики
Где-то в кошачьем уме.
Ушки стоят — как локаторы,
Слушают тайную тьму.
Всё, что в его трансформаторе,
Он не отдаст никому!*

А я не согласен с этим утверждением поэта! Все свои силы, всю свою нежность и ласку, все глубокие чувства Кошка отдаёт своему другу — человеку.

И если в начале этой своей книжки я говорил, что чувствую вину перед Кошкой, то имел в виду не своих Чернусей и Арамисов, а всех живущих на этом свете Кошек.

г. Караганда.

Ахат идёт своей дорогой...

Ахмет Ахат (Ахметжан Махматович Ахатбакиев) — известный художник, галерист и арт-менеджер, занимается графикой, живописью, керамикой, гобеленами, фото-видеоартом и музыкой.

Поклонник его разностороннего дарования Хамит Хамраев посвятил Ахмету Ахату такие строки:

*Художник ведь всегда поэт в душе,
Пусть не находит часто рифмы строгой.
Важнее, чтобы стих присущий был тебе, —
Ахмет Ахат идёт своей дорогой.*

*Художник философии не чужд,
Сомненья оставляет у порога.
Меж тем он бытовых не замечает нужд, —
Ахмет Ахат идёт своей дорогой.*

*Художник музыку так чувствует всегда,
Она величественна, словно гор отроги.
Дутара звуки не забыть уж никогда, —
Ахмет Ахат идёт своей дорогой...*

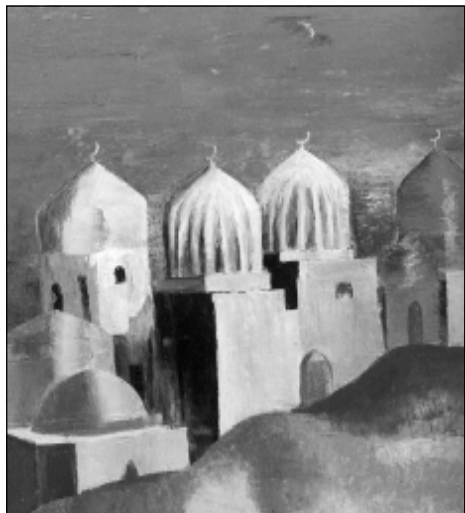
А началась эта дорога в г. Кульдже Китайской Народной Республики, где 4 апреля 1954 года родился Ахметжан Ахатбакиев. В 1959 году семья выехала в Советский Союз и обосновалась в селе Байсеит Энбекшиказахского района Алма-Атинской области. С детства избрав творческую стезю, Ахмет уже в 1974 г. окончил в тогдашней столице республики художественно-графический факультет педагогического института имени Абая, а в 1990 г. — аспирантуру по искусствоведению института уйгуроведения при Академии наук Казахстана.

С того же 1974 года молодой живописец и график принимает участие в зональных, республиканских, союзных и международных художественных выставках, в частности, в 1978 г. — во всесоюзной выставке станковой графики (Москва), в 1979 — международной передвижной выставке “Время — Пространство — Человек” (Москва и города Европы), в 1996 — выставка графики в Орегоне (США) и др.

Персональные выставки Ахмета Ахата прошли во многих странах мира: в музее Азии и Тихого океана (Варшава, 1992 г.), в галерее “Кызылай” (Анкара, 1992), в галерее “Шекер бане” (Анкара, 1993), в галерее “International Vision” (Вашингтон, 1997 г.), выставка произведений живописи “Искусство кочевников Центральной Азии” в Генуе (Италия, 1988), в Урумчи (Китай, 2008), снова в Вашингтоне (США, 2008) и т. д.

Вернисажи Ахмета Ахата регулярно проводятся в различных выставочных залах и художественных галереях Алматы и Астаны. Например, в новой столице республики выставки Ахмета Ахата демонстрировались в Президентском центре культуры (2004 г.), музее первого Президента (2005), в галерее “Art Club KULASHI” (2008). А в мае-июне 2009 года любители живописи могли лицезреть в музее современного искусства г. Астаны

персональную выставку Ахмета Ахата “Шёлковый путь”, на которой было представлено 46 работ живописи и графики, созданных за последние двадцать лет.

Искусствовед Камилла Ли так характеризует эту выставку: “Величественный “проект” Древнего Востока Шёлковый путь в течение многих лет продолжает оставаться для художников Казахстана источником творческих идей, аналитических обобщений, разных ценностных открытий. Маршрут Шёлкового пути, карта передвижений этого символического каравана обозначены в серии своеобразными вехами — образами городов, чей облик в каждом случае несёт в себе своеобразие взрастившей их природной и культурной среды. Ахмет Ахат хорошо знает эти города. В некоторых он жил, другие посещал неоднократно, но везде взгляд художника различал через глянцево-универсальную упаковку внешних признаков современности исторические корни, составляющие истинный смысл их жизни. Улицы городов, отдельные дома, сакральные здания, городские ландшафты написаны с натуры, “пережиты” художником в наблюдениях, во внутренних беседах-диалогах с каждым объектом-предметом, воспринимаемым им как одухотворённое существо — свидетель минувших эпох.

Большую часть серии занимают работы, посвящённые Кашгарии. Ахмет Ахат бывает здесь подолгу, почти каждый год. Ему необходимо видеть её деревни и города, монастыри и мечети, дышать её воздухом, созерцательно общаться с её удивительными горами, царствующими здесь как внимательные и наблюдательные духи. В архитектурном облике городов Кашгарии, представшем в этих полотнах, сохранился и живёт собирательный образ всех старых восточных городов от Синьцзяна до Памира. Возможно,

древние города Казахстана, процветавшие когда-то в степных оазисах и сегодня сохранившие лишь общие очертания, тоже в деталях были когда-то похожи на Турфан, Яргол, Кашгар, Туюк.

... В образах городов Узбекистана и Казахстана художник ставит другие задачи. Здесь на первый план выдвигается необходимость представить архитектурные строения как грандиозное творение человеческих рук, как памятник времени и исторически сложившийся культурный эталон".

Ахмет Ахат — член Союза художников Казахстана с 1988 года, в 2004 году ему присвоено звание "Заслуженный деятель Республики Казахстан", в 2001 году ему присуждена премия Клуба уйгурских меценатов "Ильхам".

Работы Ахмета Ахата находятся в Государственном музее искусств им. А. Кастеева, дирекции художественных выставок Министерства культуры и информации РК, Государственном музее искусств народов Востока в Москве, в резиденции "Ак-Орда" Президента РК, а также в частных коллекциях в Казахстане, Германии, Италии, Китая, России, Турции и других странах.

В разные годы издано множество каталогов художника с его персональных выставок, последний из них — "Шёлковый путь" (Пекин, Турфан, Кашгар, Алматы, Бишкек, Бухара, Генуя) — выпущен в 2009 году. Работы Ахмета Ахата включены в альбомы из коллекции Ричарда Спунера "Энциклопедия снов", "Декоративное искусство Казахстана XX века", в различных журналах.

В 1993-1997 годах в Алматы действовала созданная Ахметом Ахатом галерея "Рух", а в 1997 г. он организовал галерею современного искусства "Орхон".

Искусствовед Камилла Ли считает: "Ахмет Ахат — один из активно действующих художников сегодняшнего казахстанского художественного пространства. У него собственная дорога в искусстве". И с этим выводом нельзя не согласиться.

Даметкен БЕКОВА,
руководитель научно-просветительской группы
музея современного искусства г. Астаны.

Светлана НАЗАРОВА

Исповедь

Уважаемый Владимир Романович! Когда обращаюсь к человеку "уважаемый", то для меня это не просто вежливая форма — это так оно и есть. Потому не злоупотребляю этим прилагательным-эпитетом.

Я не знаю, как назвать то, что случилось с нами: во-первых, после перестройки; во-вторых, после распада Союза; в-третьих, после вступления в новый век.

Но то, что снизились все прежде высокие планки во всех отношениях (производства одежды, товаров, продуктов и прочих предметов материального мира; высокого духовного "товара" — назову-таки этим словом то, чему не должно быть названия: ведь сейчас кого только, на что только и что только не благословляют наши православные батюшки! Об иных конфессиях и не заикаюсь, и не лезу, и не встречаю. Да и о батюшках-то с болезненным пониманием говорю: всё ж они земные люди, искушениям, во-первых, как и мы, подвержены, да и храму в его земном обозначении (ремонт, содержание, плата за коммунальные услуги, благотворительная деятельность, воскресные школы для маленьких христиан) тоже выживать как-то необходимо...) — это очевидно.

Отстоит отдельным форпостом Литература. Именно она — та, с большой буквы.

О ней мало кто печётся.

Изредка появляются значительные, поистине набатные статьи в русской серьёзной прессе, патриотической и ответственной одновременно, причём патриотизм там — здоровый, а не тот, который ей склонны приписывать все эти "местечковые" союзчики писательчиков. Статьи эти пишут редкие теперь уже люди, не озабоченные лишь собственным увековечением, а страдающие душой за Великую русскую литературу. Которая есть бесценный бриллиант в короне Мировой Литературы.

И именно это имеет значение, как бы пафосно это ни звучало, в короткий (если читатели это способны понять) момент триумфа всяких донцовых, устиновых, лукьяненко — бизнесменов от литературы в контексте нынешних цинично-пошлых времён. Обслужат дистанцию на нашем пути — да и сойдут с неё! Как тысячи до них. Как и нынешние "пророки от литературы", хоронящие, ничтоже сумняшеся, русскую поэзию и прозу, как и до них все эти "пророки", которых не знал и не признавал народ и не хотел читать. А ведь читали Пушкина, Вяземского, Баратынского и Есенина! Тех, кому всегда ставили преграды то за "неподходящий стиль", то за "эстетику низменную" и "неподобающее поведение"!

И сейчас, не зная русской литературы, корнями своими пронизывающей жизнь, умеющей понимать и вслушиваться, вглядываться в то самое "низменное эстетическое", в произведения авторов "из провинции", чьи присланные рукописи в московских и приближённых к ним по престижности журналах **читают лишь "по протекции"** (это правда! А не то чтобы напечатать!), "провинциальная" русская литература мало того что вытеснена из тех сохранившихся в скудном тираже русских периодических литературных изданиях (объёмы рукописей, адресованных в них, измеряются мешками!), так ещё и не читая её и не оценив,

её заведомо вычёркивают из русского литературного процесса как такового!

Что это — или быдло пришло в русскую литературу, чтобы вершить свой “кухаркин” суд, или это происки больших денег, способных уничтожить самое главное и основное в духовности русского народа — его Литературу?

А **русский литературный** Казахстан являет, тем не менее, образцы настоящей литературы в лице нескольких поколений. Они могут различаться по стилю, по образу мысли, по способам выражения и выразительности, но они продолжают истинное движение, по божеской воле, Русской литературы, не утрачивая её гуманного, человеколюбивого начала и украшая вновь найденными художественными приёмами и открытиями.

И здесь просто необходимо наряду с публикациями новых поэтов снова и снова **приводить стихи и цитаты из стихов** недавнего прошлого, напоминать и напоминать о классиках поэтического жанра, о корнях русской поэзии, сознательно опошленной нынешними “шоуменами”, выдёргивающими из её божественной сути какие-то строчки для своих “пищеварительных” телепрограмм. Эти программы оскорбительны для истинно русских людей, субсидируются поощрителями сомнительного юмора, исходящего из уст циников (кстати, не русских по происхождению и оплачиваемых не из российского бюджета...).

Уж и фильмы ставятся в бывших союзных республиках (в частности, у нас в Казахстане) “по мотивам “русских классиков”, чья суть сводится к “канализационному” анекдоту. Есть примеры в Алма-Ате (простите, Алматы). И деньги на эти фильмы “по Толстому” и “по Достоевскому” выделяют подобные же люди... А трескотни-то по их выходе! Ну прям шедевры аульного масштаба! Слава Богу, их никто не смотрит, кроме “заказчиков” этого “творчества”...

Но ведь всему этому можно, должно и нужно противостоять, даже если тебе кажется, что твои мизерные усилия ничего не могут изменить! Да, невыносимо трудно, и всё это — как бы КАПЛЯ В МОРЕ. Но из капель море и состоит! Это я — о “НИВЕ”.

Представляю, сколь многотрудна Ваша работа, Владимир Романович. Нужно и цель не потерять, и достоинство выдержать, и приверженности родной, истинной культуре не изменить... И ещё при этом выжить! И водку пить с кем надо, и бурю из своей души не выпустить наружу в самых невыносимых эпизодах нынешней жизни здесь...

Вот потому я не приемлю той журналистики, которая есть сейчас. Она тупая и малокультурная, а главное — хорошо продаваемая (если ты хоть чего-нибудь стоишь) всяким хозяевам извне. А я, пусть Вам это не покажется странным, люблю своего президента. Ему замены ни по уму, ни по воспитанию не вижу. И, прекрасно сознавая все несовершенства в Казахстане многих общественных институтов, чётко понимаю, что только он обеспечивает всем 130 национальностям относительно спокойную жизнь...

Что касается меня, я работаю в хорошем, качественном по содержанию материалов и абсолютно аполитичном журнале. К тому же с отличной полиграфией и авторитетом на ЕВРОПЕЙСКОМ РЫНКЕ СМИ (это не делает мою зарплату достойной, перед Богом говорю). В нём я хотя бы могу проталкивать к свету хороший вкус к хорошей литературе (рубрика

“КУЛЬТОВОЕ ЧТИВО”) или научить критически относиться к плохой, но навязываемой литературе (например, к Коэльо).

Я не знаю (проживши много лет), как и через кого может обратиться русский человек, понимающий-таки заложенное семя в слова “справедливость, чистота, любовь, прощение”? Только к Богу! Но ведь Его проводники, истинные и скромные и честно делающие любое дело, должны быть на Земле? И — не продаваться, и не пугаться своей миссии, пусть и используя дипломатию отношений в условиях, в которых они могут быть казнены — конечно, не так, как Христос, но ... Ох как всё непросто! И так было всегда, а не только на нынешнем испытующем стыке эпох. Ведь всё и всем можно объяснить — любое своё поведение, поступок... Поверят ли, если ты для объясняющих — пророк? Поймут ли? Владимир Романович, я Вас понимаю... И очень верю... Дай Вам Бог силы! А сейчас все спешат найти не только оправдание, но и воздвигнуть любой пьедестал из любого приглянувшегося строительного материала... И потом только и работать на этот пьедестал (много знаю таких!), отказывая себе в добром общении с простыми, не знаменитыми друзьями, стыдясь выпить рюмку на скамейке в парке, считая “западло” встретиться с неудачливым одноклассником... И дальше работать на пьедестал, отказывая себе в проявлениях чести, доброты, угрызений совести.

К чему это я?

Да, видимо, всё это потому, что я лично с Вами незнакома. Как с попутчиком высокоинтеллектуальным в купе поезда, следующего неизвестно куда, но Машинист знает, зачем... Создала себе образ по Вашим стихам. Считаю его самым точным, а всё остальное — лишь штришочки. Верю каждому Вашему напечатанному слову. Полагаю — в этом именно и проявляется главная суть человека, которому Бог дал владеть Словом. Дура я, да?

Боюсь, что завтра пожалею об этом письме. Стану рассудочной, буду всё взвешивать. Чтобы этого не произошло, отправлю сейчас. Я ведь отправляю это письмо не главному редактору “НИВЫ”, а тому русскому парню, который написал “Деревеньку” — тёплую, добрую, простую, как круглый хлебушек, как бесхитростная русская душа, которой так мало теперь осталось. Но, надеюсь, всё-таки она осталась.

P. S. Другое, не думайте, тоже читала и очень полюбила. А “Деревенька” — это как герб, как марш, как символ России.

г. Алматы.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Туча

Повесть

(Окончание. Начало в № 1 за 2010 год)

Глава 5

Усталость ребят, перенёсших за короткое время множество переживаний, была столь велика, что, едва перевалившись через подоконник, они рухнули на пол и некоторое время лежали неподвижно, не в силах пошевелиться. Первым подал голос Шура:

— Мотоцикл бы надо затащить, — лениво произнёс он, не делая, впрочем, попытки даже приподняться.

— Да пусть он там стоит, чего ему сделается, — едва слышно отозвался Василий. — Может быть, он ещё понадобится съездить. Опять спускать придётся. Да и стоять ему тут, только комнату загромождать.

— Ну давай хотя бы к окну подтянем, — не меняя позы убитого в упор солдата продолжал стоять на своём Шура. — А то там шляются всякие дуры трёхэтажные, наступит — и ага. Объясняй потом моей мадам, что я мотик не пропил и в карты не проиграл.

— Хорошо, давай подтянем к окну, — согласился с таким весомым аргументом Вася. — Только дай ещё чуток поваляться в нирване, силёнок набраться, а то я как загнанный кабан себя чувствую. Даже есть не хочу.

Лишь через час, когда уже начало смеркаться, друзья встали и принялись за работу. Первым делом подняли мотоцикл и надёжно закрепили его. Затем принялись осматривать добытые трофеи. Здесь партнёров ждало огорчение, ибо первое яйцо треснуло и не представляло собой никакой ценности.

— Не везёт, — с досадой констатировал Шура. — Наверное, оно об топорик стукнулось в этой гонке. Доставай второе.

Второе яйцо не имело внешних повреждений. Оставалось надеяться, что и внутри с ним всё в порядке.

— А что с ним теперь делать? — с недоумением спросил Василий. — Нужно ведь его как-то доводить. Скажу сразу, я его сам высиживать не собираюсь. А то выродится что-то вроде того плотоядного хищника и в первый же момент скусит всё хозяйство. А мне ещё полноценной жизнью пожить охота.

— Инкубатор нужен, — глубокомысленно произнёс Шура. — Вот только где его взять?

— Слушай, — оживился Чекушкин, — а помнишь, старик Кащеев как-то цыплят пытался разводить? Он для этого у меня тонких реек спрашивал, когда инкубатор мастерил во дворе.

— Точно, — вспомнил Наливайко. — Я ему тогда пенопласт на теплоизоляцию давал. Вот только сохранился ли у него тот инкубатор? Лет пять ведь прошло уже с тех пор. Но спросить надо. Надеюсь, Кащей за спрос с нас денег не возьмёт, как-никак, а мы ему тогда помогли. Ладно, ты тут хоть мяска поджарь, а я к нему сметаюсь.

Он уже вышел в переднюю, когда Вася задержал его.

— Треснутое яйцо захвати с собой, — сказал он, передавая товарищу пакет. — А то ещё завоняет.

Оставшись в одиночестве, Чекушкин заботливо замотал яйцо в тёплое одеяло и положил на столик под включённую настольную лампу. Затем вытащил из холодильника мясо, отхватил пару кусков, положил их на сковородку и подошёл к подоконнику, на котором стояла банка с солью. Машинально взглянув в окно, он увидел, как вышел из подъезда Шура, легкомысленно помахивающий пакетом, и повернул за угол дома, где стояли мусорные бачки. Вася хотел было вернуться к плите, но внезапно увидел, что не один он наблюдает за дефиле Наливайко. Между двумя сараями стоял человек в форме стража порядка, в котором Чекушкин без труда узнал одного из своих соседей капитана Полищука. Даже беглого взгляда хватило Васе для того, чтобы понять очевидное: интерес капитана к скромной персоне его напарника отнюдь не случаен. Полищук старался быть незамеченным и именно наблюдал. Дождавшись, когда Шура выбросит пакет и отправится обратно, капитан бросил быстрый взгляд в сторону Васиной квартиры, заставив того отпрянуть от стекла, после чего устремился за угол.

Мысль о том, что сейчас Полищук найдёт в бачке разбитое яйцо и заявит к нему с обыском, привела Чекушкина в отчаяние. Он даже позабыл о том, что на плите подгорает еда. Лёгкий чад заставил его вернуться к своим обязанностям, но не избавил от дурных мыслей.

От пронзительного звонка Вася вздрогнул и заметался, стараясь куда-то спрятать драгоценное яйцо. Не найдя ничего лучшего, он схватил его и, не разворачивая одеяла, запихал глубже в кухонную духовку. Лишь после этого Чекушкин глубоко вздохнул и отправился открывать дверь.

— Чего не открываешь так долго? — возмущённо спросил его Шура. В руках он держал фанерный ящик самодельного инкубатора. — Звоню, звоню...

Он прошёл в зал, поставил инкубатор поближе к электрической розетке и включил его в сеть.

— А где яйцо? — спросил Наливайко. — Давай, клади его в лоток. Кащейю я сказал, что...

— Погоди, — остановил его Вася. — Я тут в окошко такое видел...

— Ты имеешь в виду Полищука, — усмехнулся Шура. — Тоже мне — сыщик... Я его сразу увидал. Стоит, пялится во все глаза.

— Так он же найдёт пакет с яйцом. Увидит там...

— А пусть смотрит, — хладнокровно сказал Шура. — Я пакет несколько раз об асфальт шмякнул, а только потом в бачок выбросил. Вряд ли он что-то поймёт в том месиве. Так что поменяй памперс и давай быстрее яйцо, пока оно ещё не совсем остыло.

Вася принёс из кухни одеяло, аккуратно развернул его и с величайшей осторожностью, как будто в его руках была драгоценная хрустальная чаша, положил яйцо в лоток. Шура налил в тарелочку, стоявшую на дне инкубатора, воды, закрыл дверцу и сказал:

— Это всё, что мы можем для него сделать. Температура в нём постоянная, рассчитанная на кур. Остаётся надеяться, что она совпадёт с той, которая нужна нашему динозаврику. Кстати, запах жареного мяса ясно говорит мне о том, что ужин уже готов и пора подкрепиться.

Перед тем как приступить к ужину Шура попытался соблазнить товарища стопочкой, выпить за успех предприятия. Однако Вася решительно отказался.

— Нет, — сказал он, сморщившись, — даже не уговаривай. Мне почему-то даже вспоминать о своём прошлом противно.

— Ну не хочешь, как хочешь, — согласился с ним Наливайко. — Мне оно тоже не очень нужно. Это я так, для порядку...

— А всё же интересно, что у нас в итоге получится? — переводя разговор в другое русло, мечтательно спросил Шура. — Хорошо, если выродится такой же, которого мы сейчас уминаем. Сколько в нём мяса!

— Всякое может быть, — ответил Вася, пережёвывая очередной кусок. — Лично я тоже не против такого варианта. А если там хищник, что тогда станем делать?

— Кстати, это не единственная проблема, над которой мы не подумали, — произнёс Шура. — Ведь травоядного динозавра нужно хорошо кормить и в квартире его долго не продержишь. Он ведь за день зелени несколько тонн жрёт. Где её взять?

— Кажется, я знаю, куда нам его поместить, — расплылся в улыбке Вася. — Знаешь, за городом есть заброшенная воинская часть?

— Ну...

— Вот туда мы его и поместим. Травы на полигоне там валом, пусть себе гуляет как живая сенокосилка. Там и жить можно. Я как-то проходил мимо, дай, думаю, загляну. Подлез под колючку, прошёлся... Всё в порядке. Поставим раскладушку на КПП, и следи за питомцем.

— Это ладно, — согласился Вася, — мне особой разницы нет, где жить. А что мы с ним потом станем делать, когда он вырастет? Нужно ведь его как-то забить и переработать. Без мясокомбината такой объём вдвоём не осилить.

— Может, продавать так, живым весом? — предположил Шура.

— Ага, сказал, — осадил его Вася. — Кто ж у нас столько купит!?

— Я знаю, кто! — вдруг радостно воскликнул Шура. — Теперь угадайка с трёх попыток. У меня есть идея — супер.

— Да говори уже, — возмутился Чекушкин. — Нашёл время для "Поля чудес"!

— Ладно, — сжалился Наливайко, которого прямо-таки распирало от желания поведать свою идею. — А купить его у нас живым весом смогут, да ещё и по гораздо большей цене, чем мясники... ну?

— Щас в глаз получишь, — хмуро предупредил Вася. — Надоел ты мне со своей "Угадайкой".

— Зоопарки... — почему-то шёпотом торжественно произнёс Шура и выжидающе посмотрел на напарника.

Несколько секунд после этого Василий переваривал полученную информацию, а затем произнёс своё знаменитое: "Ё-моё...".

— Вот именно, — подтвердил Шура, — "ё-твоё". Представляешь, сколько сразу проблем с нас свалится? Во-первых, нет нужды этого зверя откармливать до невероятных размеров. Зоопарки купят и бройлеров. Во-вторых, только один динозавр нас обеспечит на всю жизнь. Я просто как наяву представляю торги между токийским и нью-йоркским зоопарками. У них-то денежки наверняка имеются немалые. А ведь есть ещё научные работники, желающие поизучать натурального живого динозавра. У, парень, да у нас отбою от клиентуры не будет!

— Слушай, а на фига нам тогда возиться с инкубатором, — постарался развить идею Василий. — Будем поставлять динозавровые яйца, а уж потом пускай они сами с ними возьются.

— Тоже вариант, — согласился Шура, — можно и так. Кстати, — заметил он. — Я как-то сыну одну книжку покупал. Про динозавров. Сейчас

схожу, поищу. Поднимем, так сказать, уровень наших научных знаний. Оно может оказаться нелишним. Хоть будем знать, кто у нас выродится.

Он поднялся и вышел. Вася остался один. Он собрал со стола посуду, положил её в раковину и в этот момент услышал какое-то слабое постукивание. Тук, пауза, потом снова — тук. Вначале Чекушкин не обратил на это особого внимания — мало ли. Может, кому-то срочно понадобилось забить гвоздь или ещё чего. Но затем Вася насторожился, потому что стучали где-то совсем рядом. Замирая в предчувствии чего-то важного, что должно совершиться в ближайшее время, он на цыпочках прошёл в комнату и буквально подкрался к инкубатору. Почти сразу же Чекушкин убедился в том, что чутьё его не подвело. Именно из недр кашеевского агрегата и раздавалось таинственное постукивание.

Шура нерешительно дотронулся до дверцы инкубатора и медленно потянул её на себя. Он помнил, что яйцо должно лежать в центре лотка, но сейчас оно изменило своё положение, откатившись к дальней стенке.

Тут раздался очередной удар, и в скорлупе появилась трещина, куда просунулся маленький клювик, похожий на утиный. Чекушкин наблюдал акт рождения с широко распахнутыми глазами. В какой-то момент он понял, что видит то, чего не дано было лицезреть ни одному из живущих на земле людей, и даже пожалел об отсутствии у него видеокамеры или хотя бы фотоаппарата.

Прозвенел короткий звонок в двери, и Чекушкин бросился открывать.

— Проходи быстрее, — торопливо бросил он приятелю. — Там такое началось... Я тут роды у инкубатора принимаю, акушеркой работаю...

— Что-то быстро у нас всё началось, — сказал Шура, проходя в комнату. — Ну-ка, ну-ка, что тут у нас...

Вася уже доставал из инкубатора лоток, в котором сидело существо, чем-то напоминающее опципанную утку. Гладкая кожа без малейших признаков растительности, удлинённая шея и маленькая голова, большую часть которой занимали удивительно печальные глаза.

— Гадкий утёнок, — умилённо произнёс Шура. — Дракоша...

Существо посмотрело в его сторону, разинуло пасть и коротко вякнуло.

— Жрать хочет, поганец, — сладким голосом сказал Вася. — У-тю-тю...

Следующие полчаса приятели очень напоминали хлопотливых родителей, только что доставивших из роддома своего первенца. Динозаврика обтёрли влажной тряпочкой, завернули в одеяло и поместили под настольную лампу. Шура сбегал домой, принёс пакет молока. Его налили в миску, крошили туда же хлеба и пододвинули младенцу. Тот бессмысленно смотрел на пищу, и пришлось его учить есть так же, как это делают с котёнком. Вася обмакнул в молоко пасть динозаврика, тот вначале возмущённо запищал, но, распробовав на вкус тюрю, принялся хлюпать клювом. Насытившись, он вытянул шею, поморгал глазами, зевнул и начал ворочаться, явно намереваясь заснуть.

Лишь после этого приятели наконец-то вздохнули спокойно и открыли принесённую Шурой книгу. Они начали перелистывать её, и уже на первых же страницах нашли знакомые персонажи.

— Смотри, — ткнул пальцем Вася, — вот эта птичка напала на нас. "Птеро-дак-тиль", — прочитал он по складам.

— Тирранозавр, — вторил ему Шура. — Смотри-ка, оказывается, это крупнейший хищник того времени.

— А вот этого мы недавно кушали, — сказал Чекушкин. — Игуанодон. До восьмидесяти тонн весил! Солидно!

Они перелистывали книгу и, наконец, нашли нужный рисунок.

— Вот этот больше всего похож, — без доли сомнения констатировал Вася. — Только...

— Да, — с ноткой горечи подтвердил Шура, — всё верно. Нам попался ихтиозавр.

— Ну и что? — обеспокоился Вася.

— Как что? Это же ящер, живущий в воде. У него, по идее, с первых же минут должна быть соответствующая среда. Он без воды сдохнет быстро.

— Блин, и как назло у нас водопровод не работает уже вторую неделю. Так бы можно было его пока в ванне поддержать, — Вася вскочил и начал рассматривать спящего динозаврика. — Вроде дышит, — немного успокоился он.

— Надолго ли? — этот вопрос Шуры был направлен в пустоту.

— А что же делать?

— Недалеко от территории воинской части есть пруд, — в раздумье произнёс Шура. — Может, его пока туда? Только откладывать нельзя, нужно прямо сейчас.

— С ума сошёл? Ночь на дворе. Да к тому же ребёнок только родился, а ты его сразу предлагаешь в открытый водоём. Он ведь там простудится.

— Там для него будет привычная среда обитания. Ничего, освоится, рыбёшкой начнет питаться, выживет.

— А как мы сейчас доберёмся? Может, на мотоцикле?

— Да тут пешком тридцать минут ходу. Так дойдём.

Вася продолжал охать и жаловаться на свою злосчастную судьбу, но собрался довольно быстро. Динозаврика он оставил в одеяле, которое намочил, чтобы кожа животного не высохла. После этого бесценный груз положили в обычный хозяйственный пакет. Малыш по этому поводу не высказал каких-то особых претензий. Он лишь на несколько мгновений открыл глаза, коротко пискнул и опять погрузился в глубокий сон.

Взяв с собой на всякий случай фонарик, друзья отправились в путь. На улице было очень темно. Луну скрывали облака, а работающих фонарей на улице Возрождения было совсем немного, так что приходилось идти достаточно медленно, что называется, на ощупь.

Уже с первых же шагов Василия не покидало такое чувство, что за ними кто-то идёт. Причём шагов слышно не было, а вот посторонний взгляд ощущался. Чекушкин оглянулся раз, другой, но никого не увидел.

— Ты чего? — вполголоса спросил Шура.

— Как-то неуютно, — пожаловался Вася. — Как будто наблюдает кто-то за нами.

— У меня такое же ощущение.

Не сговариваясь, друзья прибавили шаг. Они прошли ещё несколько десятков метров и, не видя толком дороги, едва не влетели в огромную лужу, разлившуюся по улице Возрождения этой весной. Размеры у неё были невероятные, и все попытки городских властей ликвидировать этот водоём ни к чему не приводили. Чертыхнувшись, Шура мигнул фонарём, дабы увидеть, куда им идти дальше, но тут же из темноты раздался зычный голос:

— Стоять! Предъявите документы!

Это прозвучало настолько неожиданно, что Наливайко и Чекушкин вначале замерли, а потом разом бросились бежать с немыслимой скоростью.

Шура был впереди, за ним, пыхтя и отдуваясь, следовал Василий с бесценным пакетом в руках. Ещё немного, и они должны оторваться от преследования, но... Предательская кочка, невидимая в темноте, совсем некстати попала на их пути. Шура споткнулся и со всего маху грохнулся на тротуар. Инерция движения не позволила затормозить и Василию, который постарался в прыжке преодолеть препятствие, но не смог этого сделать. Ударившись о приятеля, он описал в воздухе короткую дугу и упал в лужу. Самое же печальное заключалось в том, что, находясь в полёте, Чекушкин выпустил из рук пакет с динозавриком. Он лишь услышал, как тот шлёпнулся в воду.

Придя в себя после падения, Шура тут же спросил про пакет.

— Он где-то в луже, — ответил виновато Вася. — Не удержал я его.

— М-да... — протянул Шура, что означало: “Виноват, не виноват, а искать придётся”.

— Так, граждане, попрошу встать и предъявить документы, — раздался рядом голос. Теперь, когда эффект неожиданности прошёл, мужики поняли, кому он принадлежит.

— Полищук, ты чего мирным гражданам жить не даёшь? — подал голос Шура, включая фонарь. — Ловил бы себе преступников, а мы тебе соседи, нас мог бы и не трогать.

— А мне как раз все ваши передвижения последнего времени кажутся очень подозрительными, — ответил Полищук. — Чего-то вы не то делаете, вот я и решил. Как говорится, доверяй, но проверяй.

— Семён, если бы ты знал, во сколько нам обошлось твоё беспокойство! — сокрушённо воскликнул Вася. — А сейчас попробуй его найди.

— Что найди? Чего вы там потеряли? — всё ещё подозрительно спросил капитан.

— Т-с-с, — попробовал шикнуть на подельника Шура, но Чекушкина словно прорвало, и он, хоть и с запинками, но всё же довольно складно поведал Полищуку всю историю.

Тот выслушал не прерывая, не удивившись рассказу, который мог бы показаться кому другому очень уж сказочным, после чего виновато развёл руками.

— Кто ж его знал... А я смотрю, с твоей квартиркой что-то неладное, потом вы мотоцикл зачем-то в подъезд попёрли, Шурка, опять же, что-то странное в бачок выбросил. Дай, думаю, на всякий случай послежу. Может, какой криминал творите.

— Криминал... — жёлчно проворчал Шура. — Злой ты стал, Семён, в каждом человеке только плохое видишь.

— Ладно, чего уж теперь, — примирительным тоном сказал Полищук. — Издержки профессии, будь она неладна. Вы уж извините.

— Да что сделано, то пройдено, — отмахнулся от него Шура. — Вась, давай искать, может, он где-то рядом. Сёма, а ты возьми фонарь да посвети нам. Всё равно от тебя пользы — одни убытки.

Поиски затянулись надолго, но найти в луже удалось лишь сам пакет и одеяло. Динозаврик же, образно говоря, как в воду канул. Полищук, понимая свою вину, старался как-то ободрить соседей, но получалось это у него слабо. Сокрушённый не меньше их, он по дороге где-то отстал.

— Ничего, — успокаивал Шура себя и товарища по приходу домой. — Первый блин почти всегда комом выходит. Завтра съездим ещё разок и наберём новых яиц. А может, ещё и этот найдётся. Вдруг выживет.

Вася в ответ лишь молча кивал головой, прекрасно понимая, что шансов на выживание у их динозаврика очень мало. Надеяться теперь можно было лишь на новую экспедицию.

Глава 6

Однако утро следующего дня преподнесло новоявленным предпринимателям неприятный сюрприз. Плохо спавший Василий проснулся, отправился в туалет по малой нужде и, мельком глянув в окно, обнаружил, что там царит непроглядный туман. Рассмотреть что-либо сквозь сплошную пелену не представлялось возможным, но неприятное предчувствие у Чекушкина появилось. Часы показывали без четверти семь, и он снова завалился в постель в надежде подремать чуть-чуть. Но сна не было. Зато присутствовала необъяснимая тревога, заставлявшая сердце в груди беспокойно колотиться.

Василий встал, пошарил в пепельнице, выбрал там окурочку пожирнее, закурил и, подойдя к окну, распахнул его. Туман так и не рассеялся и не позволял рассмотреть ничего. Но, несмотря на табачный дым, Вася сразу же почувствовал, что запахи за окном теперь отличаются от уже привычных ему. По-прежнему тянуло сыростью, но ароматов папоротникового леса и болота теперь не было. Вместо них ясно ощущалась близость хвойного леса. Кроме того, от окна тянуло ветерком, но не жарким, как прежде, а свежим и прохладным настолько, что Вася, бывший в одних трусах, невольно поёжился. Смена температуры тоже настораживала.

Чекушкин прикрыл окно и, отойдя от него, начал одеваться. Но спуститься на этаж ниже и сообщить Шуру о своей тревоге он не успел — Наливайко пришёл к нему раньше. Уже одетый по-походному с рюкзаком за плечами, он с порога возмущённо воскликнул:

— Как, ты ещё не готов!? Давай в темпе буги-вуги!

— Да мне собраться — только подпоясаться, — отмахнулся Вася. — Было бы только куда идти.

— А что такое? — беспечно-бодрым тоном спросил Шура.

— Иди, глянь за окошко.

— Та-к-к, — протянул Наливайко, открывая окно и выглядывая наружу. — В таком тумане действительно далеко не уйдёшь.

— Ты воздух понюхай, — посоветовал ему Вася.

— А что такое? — Шура несколько раз попытался вдохнуть воздух носом, после чего пожал плечами. — Ничего не чувствую, — сказал он. — Нос заложило после купания в луже, так что не могу ничего сказать.

— Пахнет хвоей, а вовсе не болотом, — пояснил Вася. — И воздух стал заметно холоднее. Такое ощущение, что там всё другое.

— Ну-ка, ну-ка, — Шура высунулся в окно и высморкался прямо в туман, а затем снова принялся. — Вроде бы точно хвоей несёт, — сказал он задумчиво. — Да и прохладнее стало.

— Вот и я говорю, — поддакнул ему Вася. — Может, там уже другое время, более позднее?

— М-да, — неуверенно сказал Шура. — И такое возможно. Хотя, — добавил он после паузы, — не нужно торопиться с выводами. Мало ли что. Там вулкан извергался, состав воздуха стал другим, вот нам и мерещится всякая хвоя. Мне сейчас самое главное, что мотоцикл цел и никуда не делся.

— А туман?

— А что — туман. Наверное, и тогда туманы бывали.

— А прохлада? — не унимался Вася.

— Слушай, чего ты ко мне пристал? — возмутился Шура. — Может, вулкан погас, вот и нет больше тепла.

— Ага, так быстро всё остыло?

— Давай не будем гадать, — подводя черту в разговоре, сказал Шура. — Подождём, когда туман рассеется, и тогда посмотрим что к чему.

Друзья прошли в кухню и принялись пить чай. Разговор не клеился, так что пили практически молча, изредка подходя к окну, чтобы в очередной раз удостовериться в стойкости тумана.

Наконец ближе к обеду белая густота начала постепенно рассеиваться. Тогда-то и подтвердились наихудшие опасения Васи. В просветах между туманными клочьями ясно различались огромные деревья, совсем не похожие на папоротники.

— Хреново, — констатировал Шура.

— Что хреново? — не понял его Вася.

— Всё хреново, — с чувством произнёс Наливайко. — Похоже, ты был прав насчёт того, что время там теперь другое. А это значит...

— Что? — нетерпеливо заглядывая в глаза напарнику, спросил Вася.

— Это значит, что новые кладки яиц нам больше не видать, как своих ушей. Вернее, кладки мы, может быть, и найдём, но только не динозавровые.

— Что же делать? — Вася был близок к отчаянию.

— Нужно идти в разведку. Посмотрим, может, и наткнёмся на что-нибудь интересное.

Особого энтузиазма в голосе Наливайко не было, и такое настроение невольно передалось Чекушкину. Спускаясь по верёвочной лестнице и входя в лес, он что-то ворчал себе под нос до тех пор, пока Шура не прикрикнул на него:

— Не хочешь идти — оставайся дома, только заткнись и избавь меня от своего скулежа! Тут и так все нервы в напряге...

Вася окончательно обиделся на друга, а также на весь белый свет, и, замолчав, поплёлся следом за Шурой. Уже после первых шагов стало ясно, что задействовать технику на этот раз не удастся. Лес был донельзя запущенным, и даже пешее продвижение сквозь заросли кустарников и завалы погибших деревьев представляется затруднительным. Наливайко шёл первым и большим охотничьим ножом оставлял на деревьях метки. И всё же положительной чертой нового путешествия было то, что воздух в сосновом лесу был удивительно чистым и каждый вдох придавал исследователям новые силы. Чекушкин, поражённый красотой и величием окружающей обстановки, успокоился.

— Вот это мы попали! — громко, пытаясь перекрычать гомонящих птиц, произнёс он. — Именно таким я и представлял в детстве сказочные леса. Сейчас такие, наверное, только в самой глухой тайге найти можно.

— Похоже, — согласился с ним Шура. — Ты только не ори так, а то, может, где-то рядом стоит избушка на курьих ножках, а там сам знаешь кто.

— А неплохо бы найти её, — улыбнулся Чекушкин. — Жалко только, что утащить её в наш мир не удастся. Довезти её ещё можно, но ведь в окошко она не пролезет.

— Ты, парень, давай не расслабляйся, — осадил его Шура. — На-ка вот ракетницу, и если что — сразу пали. Тут зверья, поди, видимо-невидимо. Глянь-ка, похоже на медвежью берлогу.

И действительно, совсем недалеко от них в земле виднелась подозрительная нора. Вася тут же схватил в руки ракетницу и постарался обойти предполагаемую берлогу стороной. При этом он стал шагать гораздо осторожнее, не ломая сухие ветки, которые в изобилии валялись под ногами.

Примерно через час пути лес понемногу начал редеть. Стали появляться небольшие полянки, на одной из которых решено было сделать привал. Костёр решили не разводить, а ограничиться бутербродами, которые достал из рюкзака хозяйственный Шурик. Запивали пищу ключевой водой. Ручей заприметил всё тот же Наливайко и наполнил живительной влагой пластиковую бутылку, предварительно вылив из неё водопроводную бурду.

— Оно, конечно, всё это хорошо, — сказал Вася, прожёвывая очередной кусок. — Я понимаю, природа, погода... Но скажи мне, Саня, что мы ищем и сколько нам за этим самым ещё топать?

— Давай пройдем ещё немного, — ответил Шура, задумчиво глядя вдаль. — Видишь, лес редеть начал, значит, скоро кончится. Есть у меня такое чувство, что на открытом пространстве нас ждёт нечто интересное.

— Твои бы слова да богу в уши, — пробурчал Вася и как-то невпопад добавил: — Эх, жалко...

— Чего тебе жалко?

— Зверушку упустили и вместо того, чтобы искать её, шляемся тут по непонятному лесу, где ничего интересного нет.

— Как это ничего нет! — неожиданно понизил голос Шура. — Смотри.

Вася посмотрел по сторонам и увидел выходящего на поляну огромного оленя. Лесной красавец горделиво и неспешно шагал прямо на людей, потряхивая развесистыми рогами.

— Не боится, — прошептал Шура, осторожным движением доставая из рюкзака фотоаппарат-«мыльницу». — Непуганый, наверное.

Он прицелился и сделал снимок. Олень, услышав незнакомый звук, мгновение смотрел на людей, а затем сорвался с места и в несколько гигантских прыжков преодолел поляну, скрывшись из виду.

— Пуганый, — заметил по этому поводу Вася. — Ишь как чухнул! Ветер не догонит.

— Это ты прав, — вынужден был согласиться Шура. — Видно, люди в этих местах всё же попадают.

— Всё, вставай, мечтатель, — сказал Чекушкин, поднимаясь. — Пошли, посмотрим, не подвело ли тебя твоё чутьё. Или ты здесь заночевать собрался?

Наливайко также поднялся, вскинул на плечи рюкзак и направился вслед за другом. Они прошли ещё немного, и лес внезапно кончился. Впереди, насколько хватало взгляда, расстиралось поле, на котором то тут, то там располагались невысокие холмы. Друзья остановились в нерешительности, не зная, куда же идти дальше.

— Ну, — сказал Вася. — Что там подсказывает твой нюх? В какой стороне нас ждёт необычное?

Шура, не говоря ни слова, сбросил на землю рюкзак, достал из него белое кухонное полотенце и, пригнув молодую сосенку, повязал его на верхушку деревца. Затем, оглядевшись по сторонам, он ткнул пальцем в направлении одного из холмов.

— Туда, — уверенно заявил он.

— А может быть, туда? — ехидно спросил Вася, тыкая пальцем в другую сторону. — Почему тебе так хочется идти в подъём?

— Конечно, можно и туда, — ответил Шура, поднимая рюкзак, — особой разницы нет, но мне кажется, что с холма мы сможем увидеть гораздо больше.

— Ну-ну, — с сомнением протянул Вася. — Давай, веди, старик Сусанин.

Они двинулись по слегка выгоревшей от солнца траве к указанному Шурой холму. Внешне вся окружающая местность очень напоминала ту, которую можно увидеть километрах в пяти от Колдобина. Где-то высоко в небе носились и пели птицы, а под ногами стрекотали кузнечики, и вся эта буколика с непередаваемыми ароматами степного разнотравья создавала особое мечтательное настроение.

Они поднялись на холм и, не сговариваясь, остановились.

— Красиво здесь! — восхищённо произнёс Вася. — Так бы шёл и шёл не останавливаясь.

— Нет уж, — не согласился с ним Шура, — оно, конечно, здорово, но моим ногам требуется привал. Пусть открытия подождут. — С этими словами он широко раскинул руки и рухнул на спину.

— Давай хоть вниз спустимся, — примирительно сказал Вася, указывая на три сосенки у основания холма. — Лежать, так уж не на солнце, а в тенёчке.

— Это дело, — согласился напарник. — Пошли.

Друзья спустились вниз и улеглись под деревьями. Утомлённые долгим переходом, они незаметно задремали, а проснулись разом от непонятного шума. Протёрли глаза и обомлели от увиденного. Совсем недалеко от них на равнине разворачивалась... настоящая битва. Две армии, оцетинившись длинными копьями, шли друг на друга стройными шеренгами, неумолимо сближаясь. Слева наступали закованные в сияющие бронзой доспехи воины. С каждым шагом они ударяли тяжёлыми мечами по щитам и подбадривали себя громким криком, от которого кровь стыла в жилах. Правая армия была экипирована попроще: кожаные панцири, разномастные щиты. Многие воины вместо мечей были вооружены топорами на длинных рукоятках, рогатинами или обыкновенными суковатыми дубинами. На флангах обеих армий двигались конные отряды.

Некоторое время Чекушкин и Наливайко наблюдали за происходящим, после чего Шура неуверенно сказал:

— Кажется, кино снимают. Что-то из древней жизни.

Тут же, опровергая это утверждение, из-за спин тяжеловооружённых воинов выскочили лучники. В воздух поднялась туча стрел, в рядах противника упали убитые, а лучники отскочили на прежнее место.

— Нет, Саня, это не кино, — испуганно воскликнул Вася, быстро отползая за сосну. — Они тут взаправду бьются!

Спустя несколько секунд армии сошлись, и воздух наполнился лязгом металла, треском ломающихся копий, воплями умирающих. Для непривычного к подобным зрелищам человека нашего времени оно представлялось одновременно ужасным и отвратительным. Друзья видели, как схватка двух больших групп очень быстро распалась на отдельные поединки, в которых противники не щадили друг друга. Вид отрубленных конечностей, распоротых животов, разинутых в зверином рёве ртов оказал на впечатлительного Василия ещё большее негативное воздействие, чем схватка динозавров. Стараясь оставаться незамеченным, он отполз дальше и затерялся в траве. Его тошнило.

А вот Шура отнёсся к происходящему с философским спокойствием. Дерутся, значит так надо. Стараясь не упустить ни одного интересного на

его взгляд эпизода, он раз за разом нацеливал фотоаппарат и старательно нажимал на кнопку.

Очень скоро выяснилось превосходство “бронзовой” армии. Она теснила “мужиков”, и те, не выдержав организованного давления, начали отступать, а затем и вовсе побежали. “Бронзовые” преследовали противника и, не жалея никого, убивали прямо на месте. Постепенно обе армии скрылись из виду. На поле остались лишь мёртвые да раненые.

Дождавшись этого, Шура отложил фотоаппарат, вскочил на ноги и бегом устремился на место сражения. Вася, целиком занятый собой, даже не заметил его отсутствия.

Наливайко вернулся быстро. Он держал в руках несколько отлично сработанных мечей в ножнах, неповреждённый шлем, украшенный перьями, а на шее у него болтались несколько изящных вещиц на цепях. Все они были сделаны явно из золота.

— Эй, ты где? — позвал он Васю.

Из травы показалось бледное, как только что побелённая стенка, лицо Чекушкина.

— Здесь я, — отозвался тот. — Хреново мне.

— Некогда умирать, — торопливо собираясь, сказал Шура. — Пора когти рвать.

До леса они почти всю дорогу бежали. Лишь возле белого полотенца была сделана короткая остановка, во время которой осмотрены трофеи.

— Толканём эти вещи в музеи или коллекционерам, — деловито распоряжался Шура. — Отвалят деньжат, и на них откроем своё дело. Да и вернуться сюда ещё можно для пополнения фонда.

— А как же наш динозаврик? — убито спросил Вася.

— А динозаврика, скорее всего, уже нет в живых, — развёл руками Шура. — Выжить в наших лужах такому младенцу — это просто нереально. Жаль, конечно, что такое дельце сорвалось, но ничего не попишешь.

Дома их ждал сюрприз. Приятели только успели затащить в комнату свою добычу, как раздался звонок в двери. Вася открыл и увидел на пороге виновато улыбающегося Полищука с каким-то типом. Тип тоже улыбался, но по-другому, обезоруживающе радостно, как это умеют делать лишь иностранцы.

— Это, Вася, — несвойственно заискивающим для него голосом произнёс капитан, — я тут вчера напортачил и хочу загладить свою вину. Можно мы пройдем?

— Входи, — хмуро пригласил Чекушкин.

Гости прошли в комнату.

— Знакомьтесь — это Пьер, — представил своего спутника Полищук. — Он киношник из Франции. Приехал снимать нашу глубинку, и меня приставили к нему в качестве охранника и гида. В общем, я подумал и намекнул ему, что знаю, где найти поразительные сюжеты из жизни настоящих динозавров. Он вначале не поверил, но я его убедил и сейчас он горит желанием запечатлеть уникальные кадры. Ну как, поможем человеку искусства?

— Нет, — сказал, как отрезал, Шура, сидевший в это время на Васиней кровати и ногой старательно запикивающий под неё рукоять меча. — С динозаврами с сегодняшнего дня облом.

— Ребята, вы меня не так поняли, — заволновался Полищук. — Это же не за “просто так”, не за “спасибо”. Пьер готов оплатить ваши услуги как проводников. Десять штук “зелёными”, я думаю, вас устроят?

— Сёма, это ты ничего не понимаешь, — терпеливо возразил ему Шура. — Там за окном время сейчас другое. Поменялось оно, и не по нашей вине. Там сейчас рубятся на мечях и поднимают друг дружку на копья. Средневековье там или хрен его знает ещё чего. Ферштейн?

Пьер слушал этот разговор, продолжая улыбаться, явно мало что понимая из сказанного. Пришлось ему объяснять сложившуюся обстановку при помощи жестов. Но полное понимание у француза наступило только тогда, когда Шура, потерявший всяческое терпение, махнул рукой и достал из-под кровати один из мечей. Его демонстрация произвела на Пьера неизгладимое впечатление. Он закивал головой, радостно повторяя: “Уи, уи”.

— Понял, — перевёл эту реплику Полищук. — Согласен.

— Он согласен, — хмыкнул Шура. — А я?

— А что, десять штук мало? — удивлённо спросил Полищук.

— Конечно, мало, — тоном хладнокровного дельца ответил Шура. — Привыкли, понимаешь, родиной торговать за бесценок.

— А сколько же ты хочешь? — удивлённо спросил Полищук.

— Двадцать.

— Сколько!?

— Я ясно сказал, — холодно ответил Наливайко. — Ты переводи и не беспокойся. Свои десять процентов ты получишь.

— Двадцать, — быстро сказал Полищук.

— Сёма, ты не тот человек, с которым бы стоило сейчас торговаться, — усмехнулся Наливайко. — Но исключительно по душевной доброте я обещаю тебе “пятнашку”. Кстати, — добавил он, — ты сможешь организовать камуфляж? Чутьё мне подсказывает, что он нам не помешает.

Полищук без колебания кивнул и принялся втолковывать Пьеру, во сколько ему обойдётся поход в мир иной. Наконец тот понял, поморщился, что-то подсчитал в уме и снова сказал: “Уи”.

Новую вылазку наметили на завтра.

Глава 7

Чуть забрезжил рассвет, а в квартиру Чекушкина уже заявили любители острых ощущений в камуфлированных костюмах. Пьер, всё такой же улыбающийся, как и накануне, держал в руках объёмистую дорожную сумку. Полищук выглядел суровым и сосредоточенным перед предстоящим вояжем. На поясе у него висела кобура, через плечо протискивалась сумка, а в руке он держал пакет.

— Это сухпай, — похлопал он по сумке, дабы снять возможные глупые вопросы. — На случай возможной задержки, ну и всё такое. А это тебе с Сашей камуфляж, как я и обещал, — капитан протянул Васе пакет. — Пройти-то можно?

— Да пожалуйста, располагайтесь пока, а я за Саней схожу.

— Не нужно, — сказал Полищук. — Мы уже были у него. Сейчас он придёт. Минут через двадцать. Деньги Пьер ему уже отдал.

Он сделал пальцами жест, обычно обозначающий перебирание купюр, на что Пьер ответил радостным “Уи, уи”.

— Это хорошо, что “уи”! — обрадованно произнёс Вася. — А то я всю ночь не спал, думал, что он передумал. Да вы проходите, сейчас чайку попьём перед дорожкой.

Они прошли в комнату. Гости присели к столу, а Вася отправился на кухню ставить чайник на плиту. Потом вернулся и, подойдя к окну, отёрнул занавеску.

— Блин горелый! — воскликнул Чекушкин, увидев перед собой непроницаемый белый туман. — Опять это молоко.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Полищук.

— Туман опять висит, — огорчённо ответил Вася. — Вчера то же самое было, пришлось ждать долго.

— Делать нечего, подождём, — спокойно ответил Полищук и постарался растолковать Пьеру причину Васиного беспокойства. Тот посмотрел на окно, покивал головой и, видимо, понял.

Впрочем, уже вскоре выяснилось, что тревоги напрасны. Ещё до прихода Шуры туман начал рассеиваться, и вскоре в окне можно было видеть совершенно чёткую картину. Однако вчерашнего леса там не было и в помине. Вместо него наблюдалась равнина с редкими холмами и величественный город с высокими крепостными стенами, стоявший на берегу морского залива или какой-то большой реки. До него было всего ничего, каких-нибудь два-три километра. Перед городом зоркий глаз мог различить скопление людей.

В этот момент пришёл Шура.

— У нас тут опять обстановка изменилась, — хмуро сообщил ему Вася. — Как бы наш француз на попятную не пошёл.

— Сейчас посмотрим, — сказал Наливайко, бесцеремонно отодвигая от окна Пьера и Полищука. Он достал из рюкзака полевой бинокль, нацелил его на крепость и немного погодя сказал:

— А там, кажется, штурм затевается. Пьер, ты как насчёт того, чтобы снять настоящее взятие крепости?

Пьер посмотрел на него недоуменным взглядом, а потом что-то быстро залопотал по-своему.

— Штурм, понимаешь, — начал втолковывать ему Шура, используя при этом язык жестов. Он изобразил человека, влезającego вверх по лестнице, солдата, колющего противника штыком, и даже удачно воспроизвёл звук летящего, а затем взрывающегося пушечного ядра.

Француз прекрасно его понял, радостно завопил: “Уи!” и жестом показал, что готов хоть сейчас лезть за окно.

— Желание клиента — закон, — торжественно провозгласил Шура. — Если все готовы, то вперёд. Ох, я чувствую, и поползаем мы сегодня!

Они спустились по лестнице и отправились по равнине к городу.

— Интересно, — спросил Вася, ни к кому конкретно не обращаясь, — что это за крепость и в каком мы сейчас году?

— Там видно будет, — неопределённо ответил Шура. — Время покажет.

Скорым шагом путешественники преодолели пространство до одного из холмов, забрались на самый его верх и залегли там. Отсюда всё было отлично видно. Пьер тут же достал из сумки камеру и начал снимать всё происходящее. Шура не ошибся — город действительно готовился к отражению неприятельского штурма. Невдалеке от него раскинулся лагерь осаждающих. Солдаты в синих мундирах строились в колонны, держа в руках длинные лестницы и вязанки хвороста. Сквозь сплошной шум слышались отдельные выкрики офицеров, недовольных своими подчинёнными. В стороне, на соседней высоте, но чуть ближе к городу, за земляными укреплениями скрывалась артиллерийская батарея. Канониры драили сияющие на

ярком солнце медные пушки огромными банниками. Рядом с батареей стоял белый шатёр, возле которого расположилась группа военных в богато отделанных золотым шитьём мундирах. Вероятно, здесь был штаб.

Защитники крепости также всю готовились к отражению атаки. По стенам деловито сновали солдаты, одетые в короткие куртки, просторные шаровары. Они подтаскивали к орудиям пушечные ядра, тяжёлые мешки и ящики.

Один из офицеров штаба поднял вверх руку с белым платком и резко махнул им. Тут же со стороны батареи грянул выстрел. Тяжёлый снаряд угрожающе просвистел в воздухе и через мгновение, ударившись о крепостную стену, оглушительно взорвался. После первого выстрела начался методичный обстрел. Батарею на холме поддерживали пушки нескольких парусных кораблей, стоявших на рейде в гавани. Визг ядер и громopodobные разрывы заглушали все остальные звуки. На стенах то в одном, то в другом месте вспыхивали пожары, повалил густой дым. Дождавшиеся артиллерийского сигнала солдатские колонны пришли в движение и бросились вперёд. В ров полетели вязанки, быстро наполняя отдельные участки, по которым нападавшие перебежали как по дорожкам и устремлялись к земляному валу перед крепостной стеной. Но защитники крепости не дремали. На неприятеля обрушился шквал огня. Палили пушки, стремящиеся подавить артиллерию противника, стреляли ружья, и почти каждый залп находил свою цель — промахнуться мимо густой массы было просто невозможно.

Шура посмотрел на Пьера, целиком захваченного происходящим, и спросил:

— А, каково? Не жалеешь, что отвалил двадцать штук за такое?

— О-ля-ля! — восторженно откликнулся француз, давая понять, что не только не жалеет, но и считает, что его проводники за подобное зрелище могли бы взять гораздо дороже.

Тем временем штурмующие уже карабкались по рыхлой земле вала. Некоторые, отступаясь, скатывались вниз, но самые проворные достигли крепостных стен и приставили к ним лестницы. В ответ на них сверху полетели камни и брёвна, начали лить кипяток. Несколько лестниц были опрокинуты и упали на ряды солдат в синих мундирах. Тут же последовал ответный ход — с холма картечью ударили пушки. Артиллеристы, поражая точным и смертоносным свинцом неприятеля, давали возможность своим соратникам спокойно взбираться наверх. Вот один, затем другой, третий достигли цели и, размахивая саблями, принялись рубить врагов. Победа атакующих была уже вопросом времени.

— А ну встать! — перекрывая грохот битвы, внезапно прозвучал рядом с наблюдателями чей-то зычный голос. Не оглянуться на такой окрик было просто невозможно. Путешественники увидели перед собой двух рослых солдат в синих мундирах, держащих наперевес тяжёлые ружья с примкнутыми к ним штыками. Видимо, они заметили на холме посторонних и решили проверить их личности.

— Хто такие!? — рявкнул один из них. — Почему тут лежите и наблюдаете?

— Вестимо дело, лазутчики, — хмуро промолвил другой. — Вона оне как выражены, не по-нашему. Давайте, подымайтесь, да руки в гору держите.

Первым нехотя встал и поднял руки Полищук, за ним и все остальные.

— Чьи будете, чего молчите? — вновь спросил первый, угрожающе водя штыком из стороны в сторону. — Аглицкие, поди... Иш какое на них мундирование!

Вася хотел было сказать, что они никакие не англичане, а самые что ни на есть свои, русские, но тут вмешался и испортил всё дело Пьер. Он выступил чуть вперёд и что-то горячо начал объяснять на своём родном языке. Оба солдата напряжённо вслушивались в незнакомую речь, а когда Пьер закончил свой монолог, второй вынес приговор:

— Всё ясно, Андрюха, — сказал он уверенно. — Англичане это. Помнишь, на той неделе господин сержант предупреждал. И ружьё у него, эва какое диковинно, — солдат ткнул пальцем в видеокамеру. — Надо вести их к начальству. Глядишь, за каждого из них нам по целковому отвалят.

— Ну-ка, дай мне свою оружию, — грозно сказал он, протягивая руку.

Пьер беспомощно посмотрел на своих попутчиков, ища у них поддержки и, не найдя её, постарался спрятать камеру за спину. Однако солдат был явно не из тех, кто легко отказывается от задуманного. Он схватил француза и начал вырывать у него бесценную аппаратуру. Случайно или же намеренно, Пьеру удалось нажать на кнопку лампы-подсветки. От неожиданно яркой вспышки солдат отшатнулся, не удержал равновесие и опрокинулся на спину. Второй же, не ожидавший такого развития событий, стоял с разинутым ртом и явно потерял контроль над ситуацией. Этого короткого замешательства хватило Полищуку для того, чтобы схватить его ружьё за ствол и легонько дёрнуть на себя. Такой финт привёл и второго воина в горизонтальное положение. Не зевал и Вася, подхвативший ружьё упавшего.

— Встать! — коротко скомандовал Полищук, доставая из кобуры пистолет.

Солдаты мгновенно подчинились и без особого приглашения подняли руки. Вид у них был весьма ошарашенным. Ещё бы, минуту назад они были хозяевами положения и вот сами превратились в пленных.

В горячке этой короткой схватки никто из её участников не обратил внимания на неведомо откуда появившийся лёгкий туман. Первым его заметил Шура.

— Вася, — крикнул он. — Похоже, у нас неприятности.

Его приятель смотрел на лёгкую дымку с явным непониманием, и Наливайко постарался объяснить ему суть происходящего.

— Туман, — сказал он. — Помнишь, туман всегда присутствовал, когда менялось время. Мы можем потерять ориентировку и не найти окно. Нужно спешить.

— А что с этими будем делать? — спросил Вася. — Тревогу могут поднять. Погоню организуют.

— Пусть с нами пробегутся, а потом мы их отпустим.

Пока шёл этот разговор, туман заметно сгустился. Пришлось спешно покинуть место событий и на максимальной скорости возвращаться к окну. Солдаты после двухсот метров совместного бега были отпущены на все четыре стороны. А вот ружья им не вернули — Шура предпочёл захватить их в качестве трофеев.

Висящее в пространстве окно они заметили с огромным трудом. Взобравшись по лестнице в квартиру, путешественники уселись перевести дух, и в это время поднялся страшной силы ветер.

— Мотоцикл! — воскликнул Шура. — Помогите, пока его не оторвало.

Все дружно принялись ему помогать затаскивать в комнату машину. Едва с этим было покончено, с небес хлынул ливень. Густой туман моментально

исчез, как будто его и не было. Высоко в небесах висела огромная туча. Она несла новый ураган...

На следующее утро, когда стихия уgomонилась, Вася подошёл к окну комнаты и увидел там привычный пустырь, на котором стояли мусорные бачки. Время в этой точке пространства перестало безобразничать и вновь вернулось на круги своя.

Эпилог

А что же дальше? — спросит читатель, у которого хватило духа прочесть эту короткую вещь за один присест. — Почему всё так быстро закончилось?

На эти вопросы у меня только один ответ: так уж получилось, и нет смысла растягивать резину там, где и так всё яснее ясного.

И всё же о том, как складывались судьбы героев этой повести в дальнейшем, стоит сказать несколько слов, тем более что все они вступили на путь процветания.

Француз Пьер сумел доработать свой фильм и представил его на одном из кинофестивалей. Лента произвела в стане критиков необычайный фурор, да и зрителям понравилась за необычайно убедительный по своей реалистичности сюжет. Особым призом была отмечена режиссёрская работа в части подбора костюмов, которые, по словам специалистов, до мельчайших деталей соответствовали периоду восемнадцатого века. Одним словом, фильм Пьера сразу же завоевал мировой экран и собрал рекордные сборы.

Смотрели его и в нашей стране, в том числе и Вася Чекушкин с Шурой Наливайко. К тому времени друзья уже также стали знаменитыми в определённых кругах. Деньги, полученные от Пьера, и те, которые были выручены от продажи исторически ценного оружия, пошли на организацию своего дела — зверофермы по выращиванию животных ценных пушных пород. Бизнес процветал, и вскоре компаньонам уже принадлежал меховой комбинат, поставивший продукцию как на внутренний, так и на внешний рынок.

Огромная помощь по содействию, а вернее сказать, его защите, принадлежала капитану Семёну Полищуку, который помимо своей основной работы помогал Васе и Шуре охранять их детище. Понятное дело, не за спасибо.

Это, пожалуй, всё. «Ага, — может ехидно сказать наиболее вёдли- вый читатель, — нам ведь было сказано, что у всех персонажей всё хорошо. А как же утонувший в луже малыш-динозаврик?»

Смею вас успокоить, он выжил. Достигнув подросткового возраста, динозаврик дал о себе знать, появившись на поверхности лужи и до смерти напугав обывателей. Впрочем, городское начальство в этой ситуации не растерялось. Стихийно возникнувший водоём был обнесён массивной металлической оградой и объявлен реликтовым заповедником государственного значения. За динозавром, который на поверку оказался самкой, постоянно наблюдали учёные. Они не считали появление в обыкновенной луже доисторического ящера каким-то чудом, справедливо полагая, что раз уж такие редкостные животные способны жить в шотландском озере, то почему бы им не жить и в других местах. А вот то, что спустя некоторое время Дуня, как её окрестили в народе, принесла потомство — двух забавных малышек, это уже расценивалось как нечто запредельное и не поддающееся объяснению. Имя отца детей так и осталось неизвестным.

А вот теперь всё.

г. Кокшетау.

Илья КРИШТУЛ

Если хочешь быть счастливым...

Как известно, женщины и только женщины могут сделать мужчин счастливыми. И они же могут так разукрасить мужскую жизнь, что главным жизненным достижением мужчины станет падение на рельсы перед скорым поездом “Москва — Воронеж”. Следовательно, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь, нужно одно — умение вести себя с женщинами. Если точнее — надо уметь их к себе расположить. Ещё точнее — надо каждый день заставлять себя их любить. Даже жену свою попробуйте полюбить, если она, конечно, женщина. Даже если вы живёте с ней как кошка с собакой. И даже если в вашей жизни время от времени другие кошки появляются, помоложе и посимпатичнее. И, наконец, даже если вы знаете, о чём жена думает, глядя на вас. Она задумалась, а вы ей так мягко: “Нет, Ирочка. Только лет через пятьдесят и только после тебя, любимая”. Она сразу об этом думать перестанет и уйдёт в другую комнату жаловаться кому-нибудь по телефону. Не на вас, она про вас уже забыла. На какую-то Лильку, стерву такую.

Аккуратнее надо с ними. При обучении главное — не обидеть. Теорию относительности вообще объяснять не надо, даже если они попросят. Тем более не надо объяснять своими словами. И уж совсем не следует словами из их лексикона. Фраза “... чтобы типа связать не модное всё, всё кривое вообще такое, не гламурное, короче, страшное, как твоя Лилька, пространство-время с материей, которая там как бы тоже есть, но это не кофточка, поняла, дорогая?” может вызвать совершенно неадекватную реакцию. От слёз “ты думаешь, я дура, да?” до агрессии “ты что, думаешь, я дура?!!”. Так что лучше совсем не обучать. Если очень хочется кого-то учить, заведите себе черепаху. Или хомячка. Детей, в конце концов.

Сопереживать женщинам надо. Показывать, что вы понимаете, как сложна их жизнь. Что вы вникаете во все их проблемы и готовы вместе их решать. Например, вечером, когда жена смотрит священный и непереключаемый сериал, зайдите в комнату и тоже посмотрите. Недолго, секунды три. Потом скажите: “Вот сволочь. Она же знала, что эта беременна от Бориса и рассказала этому. А тот теперь её выгонит, а куда ей идти? Обратнo, к этому?”. Вас мягко поправят, что Настя беременна не от Бориса, а от Леонида, и после сериала накормят вкусным, по её мнению, ужином.

Терпимее надо с ними. Знайте одно — ваша жена всегда права. Не прав гаишник, потому что “никакого знака вообще здесь никогда не висело”. Не правы продавец, официант, Лилька, ваша мама, Медведев, Путин и “этот Обама Барак-Марак или как его там и, кстати, где он снимался, а то про него все говорят даже в парикмахерской, а я как идиотка”. И не вздумайте даже улыбнуться, если она перепутает “Восемь с половиной” Феллини и “ноль семь” мартини. Просто купите ей пива и фильм “Любовь-морковь-2”. Она не почувствует подвоха.

И ласковее надо с ними. Ну не читала ваша жена “Фауста”. Можно подумать, вы его наизусть знаете. Не надо этим её попрекать постоянно. Почитайте вместе после обеда её любимых Донцову и Маринину, можно вслух и попеременно. Ласково объясните настоящий смысл слова “писатель”

и сразу, пока она не обиделась, восхититесь её плоским животом. После комплимента можно переходить на более серьёзное чтение — на глянце-вый журнал, например. От которого останется сделать один шаг до “Не-знайки на Луне”, а это уже почти победа. И — театры, театры, театры... Театр зверей имени Дурова, театр кукол имени Образцова, театр кошек имени Куклачёва — выбор богатейший. Главное — дома, перед сном, об-суждайте увиденное, интересуйтесь её мнением о пьесе, о режиссёрском решении, об игре актёров. Не надо говорить, что это были кошечки, собач-ки и куколки. Пусть она думает, что видела живого Хабенского.

И подарки. Если с деньгами не очень, дарите цветы. Если с деньгами всё хорошо, дарите деньги. Это каждый день, а изредка — машины, шубы и туры за границу. И ещё — доверие. Это важно для вас же. Если у жены после отдыха в Турции появился телефонный брат с турецким акцентом, это действительно брат. А двоюродный брат вообще из Египта, это их се-мейная тайна. Жизнь и не такое выкидывает, посмотрите ещё раз её се-риал. А одноклассники... Ну, может, она в мужской школе училась.

И последнее — самопожертвование. Это смысл любви, основа вашего спокойствия и долголетия. “Милый, у тебя нет ни одного костюма, давай купим тебе вот этот? Всего 50 рублей, почти неношенный...”. “Не надо, доро-гая. На работу мне удобней ходить в моей армейской форме. А рубашки и носки я вообще не ношу. И давай уйдём из этого “сэконд-хэнда”. Пойдём по бутикам, может, найдём тебе сапоги к оранжевой сумочке”. После благо-дарного взгляда, которым вас обязательно одарят, прибавьте к своей жиз-ни ещё год. Или час, что точнее.

Видите, как мало требуется, чтобы вам не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Хотя больно-то, конечно, будет всё равно, но не так мучительно. А когда станет мучительно, будет уже не больно. А если вы боитесь боли и хотите гарантированно прожить долгую и немучительную жизнь, то... Но это идёт вразрез с курсом правительства на улучшение демографической ситуации в стране. Так что жениться придётся. Нужда заставит. Главное — когда бы это ни случилось! — несите свой крест достойно. Это нам за грехи наши. Зато в аду вас уже ничего не удивит, если, конечно, там не появится ваша жена и не придумает что-нибудь новенькое. А пока просто будьте сми-ренные и терпеливы. Вы обязательно станете счастливым! Может, уже завтра удача улыбнётся и ваша жена уйдёт к другому! Такое редко, но случается...

“Одноклассники.ру” и Лепёшкин

Вся страна сидит в “Одноклассниках”. И вся эмиграция тоже. Пожар-ные сидят между пожарами, а иногда вместо, милиционеры зависают, врачи, банкиры с охранниками, домохозяйки и, разумеется, менеджеры среднего звена. Им-то сам Бог велел — компьютер на столе, начальник на деловой встрече, зам. начальника на работе, но тоже в “Одноклассниках”, школьную любовь ищет... Все на сайте, все поголовно, и не только люди — депутаты попадают! — один Ваня Лепёшкин там не сидит. Он то в тюрь-ме сидит, то дома на диване и без всякого компьютера. Но однажды — он как раз дома сидел, не в тюрьме — подарили ему компьютер. Ну как пода-рили — отдали. Ну даже не отдали, а он сам попросил. Ну не попросил —

взял и всё. Двери запирать надо, не в деревне живёте. Так вот — появился у него компьютер, и Ваня сразу в эти “Одноклассники” зашёл, на друзей-подруг школьных посмотрел. Очень расстроился, очень. Какие там фотографии! Правда, у всех почему-то одинаковые. Бабы сначала на фото с ребёнком, потом в купальнике на море, если фигура позволяет. Если фигура уже не очень, тогда на фоне своего особняка и по пояс, но особняк целиком, все шесть этажей. Потом фото за компьютером — это она на работе, фото с шампанским — на корпоративной вечеринке и последнее — “Это я в Испании в прошлом году”. Они в прошлом году почему-то все в Испании были. И на заднем плане обязательно какой-то мачо маячит — намёк на курортный роман. Хотя у нас таких мачо на любом рынке больше, чем во всей Испании. У мужиков фотографии почти такие же, только антураж пивной. Зонтик, под зонтиком столик, весь уставленный пивом — “Я во Франции”. Другой зонтик, другой столик и пиво другое — “Я в Италии”. Третий зонтик, третий столик с пивом — “Это я в Амстердаме” и так по всей географии. Плюс — обязательно! — фото за рулём дорогой машины и охота-рыбалка на фоне джипа. Лепёшкин же во франциях-италиях, разумеется, не был, про Амстердам и не слышал даже, рыбалкой не увлекался, а охотился только по ночам и только с целью наживы денег на выпить-закусить. Да и фотоаппарата у него никогда не было, его обычно милиционеры фотографировали. Машина, правда, была, но недорогая и не очень его. А пиво Лепёшкин вообще не пил, он больше по водке ударял и по самогону. Но настроение как-то поднимать надо, и Ваня вспомнил про своего друга, они сидели вместе. Тот на компьютере и доллары делал, и свидетельства всякие, и акции “Норильского никеля”, а один раз деньги какого-то банка на себя перевёл и поехал в Кемерово отдыхать, думал, это далеко и там не найдут. Его в Кемерово и не искали, его прямо в вагоне-ресторане взяли, в километре от Москвы. Вот этому другу Лепёшкин и позвонил. Другок выслушал проблему, сказал, что это дело двух минут, но нужны всякие напитки. Лепёшкин всякие напитки взял и выехал.

На следующий день, приехав домой и поборов похмелье, Лепёшкин гордо открыл свою страничку в “Одноклассниках”. Он не помнил, что за фотографии они вчера сделали, поэтому уже первая повергла его в шок. На ней он стоял между Путиным и Медведевым, а подпись гласила: “Я знакомя Владимира Владимировича с Дмитрием Анатольевичем”. Подписи под остальными фотографиями, как и сами фотографии, были под стать первой: “Я даю займы Абрамовичу”, “Я учу петь Аллу Борисовну”, “Я показываю Биллу Гейтсу, как работать на компьютере”, “Я объясняю Гусу Хиддинку футбольные правила”, “Я выгоняю из своей постели Наоми Кэмпбелл и Дженифер Лопес”, “Я покупаю десяток яиц Фаберже”, “Элтон Джон и Борис Моисеев поют мне колыбельную”... Эту фотографию Лепёшкин решил на всякий случай удалить, слышал он что-то нехорошее про этих Джонов-Борисов. Зато следующее фото ему очень понравилось. На нём он гордо скакал на белом коне по степи, в папахе и бурке, с нагайкой в руке, а от него трусливо убегала украинская армия, уплывал флот и улетала авиация. Подписано фото было просто: “Я возвращаю Крым России”. Оставшиеся фотографии Лепёшкин уже не просматривал, а быстро пролистал. На них он кормил с рук Валуева, запускал в космос Гагарина, отгонял Сальери от Моцарта и тушил Жанну д’Арк. Самая последняя фотография была сделана, наверное, когда всякие напитки уже кончились. Счастливый Лепёшкин выходил из роддома под руку с Девой Марией. У дверей роддома их ждал белый лимузин. В руках у Лепёшкина

был свёрток с ребёнком. Встречающие стояли на коленях, не смея поднять глаз. От Лепёшкина исходило какое-то неземное сияние. Невдалеке братья Кличко заранее били Иуду. Водитель лимузина каялся. Короче, Ваня Лепёшкин остался доволен.

Письма Ване начали приходить сразу и в огромных количествах. Отличница, которая отторгла Ваню на выпускном, предлагала срочно встретиться и исправить эту ошибку, остальные девушки просто присылали свои фотографии и номера не только телефонов, при этом каждая третья хотела родить от него ребёнка, а у каждой второй он уже был и, разумеется, от Вани. Мужики просили займы и звали в баню, а некто Кузьмичёв именно Ване мечтал задёшево продать партию мопедов. В городе Сыктывкаре назвали новую улицу его, Вани Лепёшкина, именем, там осталось только вырубить лес, положить асфальт и построить дома, в какой-то деревне открывали Ванин бюст, приглашали на открытие и просили немного денег на торжества, женская волейбольная команда из Томилина предлагала купить её всю целиком вместе с сеткой и мячиками, но без маньяка-тренера... Много было писем, очень много, а последним пришло послание от Абрамовича. Он интересовался, где, когда и сколько он взял займы у господина Лепёшкина и как ему вернуть долг. Господин Лепёшкин вспотел и, не мешкая, стал писать ответ. Сначала он написал, что Абрамович взял у него займы в марте, у входа в универсам на 3-й Парковой улице. Перечитав, Ваня решил, что это несолидно и переделал универсам в сберкасса, а март в сентябрь. Получилось лучше. Насчёт суммы Ваня решил сразу — 100 долларов. Но руки предательски дрожали после вчерашнего, и в итоге нулей получилось чуть больше...

Через час люди Абрамовича привезли Ване “дипломат” с деньгами. Солнце на Землю, конечно, при этом не упало и мир не перевернулся. Упал и перевернулся Лепёшкин, когда, проводив гостей, открыл “дипломат”. Денег было так много, что Ванины математические способности не позволяли их сосчитать.

Большие суммы учат и дисциплинируют. Ваня Лепёшкин со временем стал преуспевающим бизнесменом. Он женился на отличнице, некогда его отторгшей, купил шестизэтажный особняк, возле которого с утра до вечера играет в волейбол женская команда из Томилина, и послал приглашение Наоми Кэмпбелл. Он вообще старался строить свою жизнь по фотографиям из “Одноклассников”, хотя не всё, конечно, проходило гладко. Приехавшая Наоми, например, оказалась пожилой пьющей негритянкой и чуть не разрушила Ванину семью, Билл Гейтс на письма, даже со смайликами, не отвечал, Алла Борисовна отвечала, но исключительно матом, Путин с Медведевым познакомились давно и без Вани, а Жанны д'Арк с Моцартом и Сальери так вообще в живых не было, что Ваню очень удивило. Вскоре он в “Одноклассниках” разочаровался и перестал туда заходить. Чего там делать-то, на рожи эти противные смотреть? Ваня свой сайт создал — “Однокамерники.ру”. Сайт сразу стал очень популярным, жизнь на нём закипела, особенно в группах “Лефортово” и “Бутырка”. Одних Ходорковских зарегистрировалось 1455 штук, и это только с одной зоны! Всё правильно рассчитал бизнесмен Ваня Лепёшкин. Ведь в какой стране живём? Сегодня ты в своём офисе в “Одноклассниках” сидишь-общаешься, а завтра налоговая случайно зашла, обиделась на что-то и... “Владимирский Централ, ветер северный...”.

г. Москва.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 03.12.2009 г.

Подписано к печати 15.01.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 16.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.